

журнал для родителей

ISSN 0131-5577

СЕМЬЯ И ШКОЛА

№ 11 / 1994

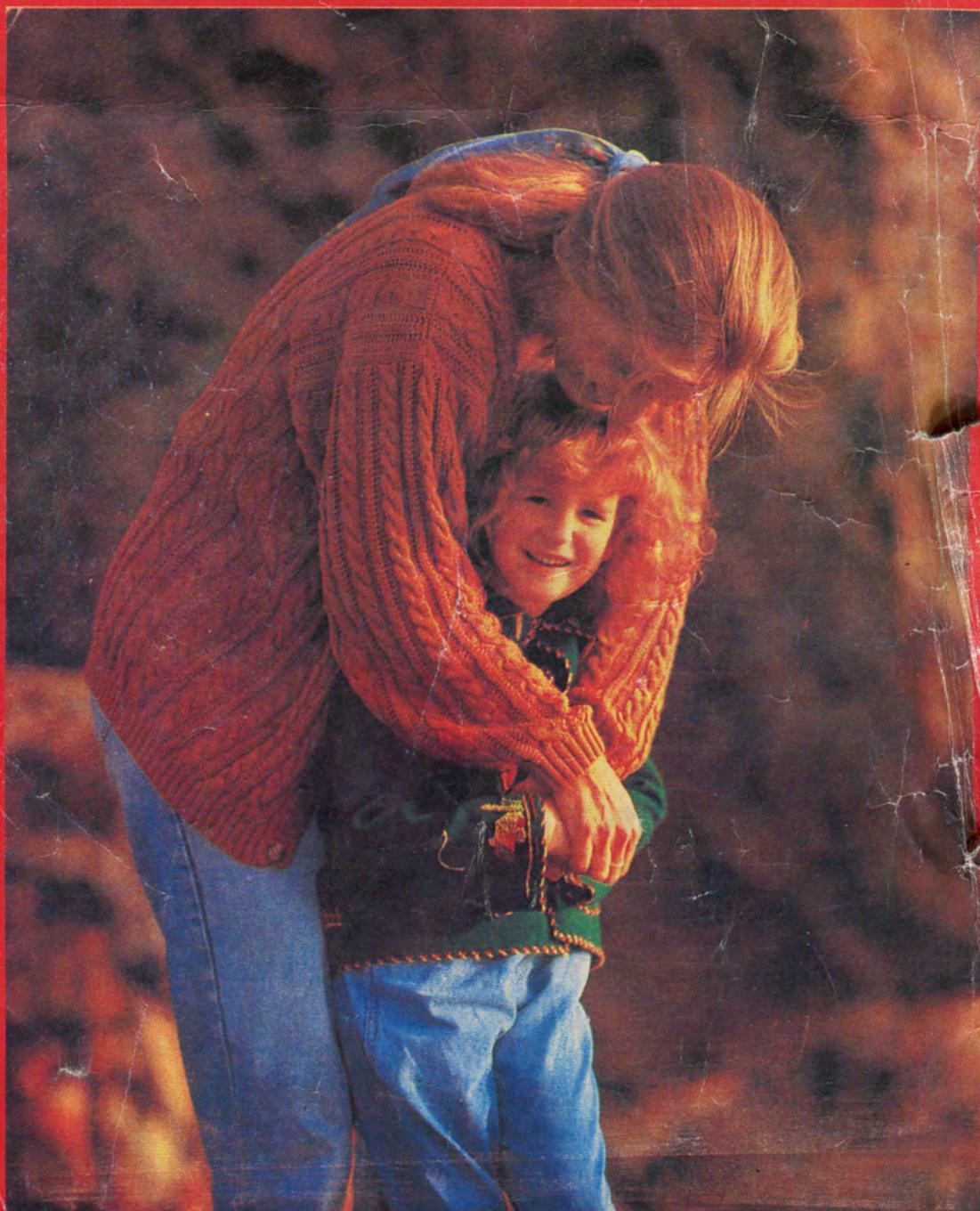
*защитите ребёнка
от жестокости*

*у вас конфликт
с учителем*

наряды для барби

Читайте и выписывайте журнал для родителей «Семья и школа»
Всё о ребёнке, об уходе за ним, о воспитании его
с младенчества до совершеннолетия
Всё о том, как сделать семейную жизнь гармоничной
Практические советы и разъяснения специалистов

*Подписка с любого очередного месяца во всех отделениях связи
Индексы журнала в Каталоге «Роспечати»:
76909 — для индивидуальных подписчиков, 73437 — для предприятий и организаций*

СЕМЬЯ и ШКОЛА ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

Основан в 1871 году
Возобновлён в 1946 году

Главный редактор
В. Ф. Смирнов

Редакционная коллегия:

В. В. Андреев
(главный художник),
П. И. Гелазония
(заместитель
главного редактора),
Т. Я. Кедрина,
Л. Ф. Осипова,
В. А. Рыбаков,
С. И. Сивоконь

Служба маркетинга
и сбыта:
И. А. Кустова

Обеспечение выпуска:

Г. М. Асоскова,
А. М. Бакланова,
М. В. Жилинская,
В. И. Терёхина,
А. А. Никонова,
Д. А. Щёголев

Компьютерный набор
и верстка:

Л. В. Абрамова,
Р. В. Хортов

Учредитель журнала:
трудова́я коллектив
редакции

Адрес редакции:
129278 Москва И-278,
улица Павла Корчагина, 7
Телефоны редакции:
283-80-09, 283-86-14

Ордена Трудового Красного
Знамени Чеховский
полиграфический комбинат
Комитета

Российской Федерации
по печати
142300 город Чехов
Московской области

№ 11 (ноябрь) 1994
Подписано в печать
9 декабря 1994 года
Формат 84x108 1/16
Печать офсетная
4 печатных листа
(условных — 6,72)

Тираж
60 000 экземпляров
Заказ 3594

© «Семья и Школа», 1994

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Советы и рекомендации

2

ВАШ МАЛЫШ

Время невоздержанной общительности
Первые шаги
Как важно уметь схватывать предметы
Глаз учится у руки

15

С. Степанов. ПОПЫТКА СЛОВАРЯ ТРУДНОСТЕЙ

Курение: наказать или разобраться спокойно?
Ложь: отличайте корыстный обман от невинной выдумки

20

ЗДОРОВЬЕ ВАШЕГО РЕБЕНКА

И. Брязгунов. Когда лихорадит... Как показывает практика, многие родители панически боятся повышенной температуры у ребенка и стараются сбить её
М. Буянов. Виноваты гормоны? Взаимоотношения между психическими заболеваниями и деятельностью эндокринной системы самые разнообразные

Повод к размышлению

6

Как защитить своего ребенка от жестокого обращения
Чтобы защитить его, не стоит ждать, когда беда случится

12

О. Крушельницкая. У вас конфликт с учителем

Всегда есть возможность разрешить его достойно, не нанося ущерба ни себе, ни педагогу, ни — главное — ребенку

В вашем доме вместе с ребенком

25—42

На этих страницах — о разнообразных семейных занятиях
И еще о новогодних приготовлениях
Вязание: пуловер для малыша и теплое пальто для Барби
Кто вы, миссис Стефани Фанни? Сказка Беатрисы Поттер
Загадки и забавы для ваших малышей

Чтение

46

Рассказ Владимира Набокова «Как-то раз в Алеппо...»

50

Рассказ Пола Гэллико «Ослиное чудо»

54

КНИЖНЫЙ ШКАФ

62

ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

В музее

18

Выставка детского рисунка в Музее имени А. С. Пушкина

64

Исполнилось 100 лет Бахрушинскому театральному музею

Младенец и взрослый

Время между семью и двенадцатью месяцами — это время невожатанной общительности ребёнка

С появлением так называемого «комплекса оживления» малыш все больше и больше выделяет взрослого человека из всего окружающего. Он вообще теперь в состоянии значительно дольше сосредоточить свое внимание на предметах — и движущихся, и неподвижных, — но если к концу полугодия время внимания малыша к двигающемуся предмету не превышает 7 минут (и в среднем оно составляет всего около 1 минуты), то человек в движении может приковать его внимание на 13 минут (в среднем — примерно на 3 минуты).

Но дело не просто в том, что человек становится более привлекательным для малыша, чем все остальное. Само взаимодействие со взрослым постепенно превращается из просто «воспринимающего» в активное. Понаблюдайте за шестимесячным младенцем — и вы, не делая специальных подсчетов, легко убедитесь в том, как резко возрастает число жестов, обращенных к вам.

По выражению французского психолога Анри Валлона, время между семью и двенадцатью месяцами отмечено невожатанной общительностью ребенка.

Взаимоотношения взрослого и младенца на первом году жизни все более усложняются. Уже после трех месяцев малыш начинает различать взрослых — сначала он выделяет свою мать, а к полугоду отличает своих от чужих. Подойдите к любому малышу трех-четырех месяцев и начните с ним ласково говорить — в ответ он оживится и заулыбается.

Не то с пяти-, шестимесячным ребенком. Он не улыбнется сразу —

сначала разглядит вас, а уж потом поступит в зависимости от того, насколько вы ему «понравились» или «не понравились»: улыбнется, отвернется или громко расплачется.

Вместе с тем нарастает привязанность малыша к матери, к тем, кто ухаживает за ним — когда он видит их, то радость свою выражает все более отчетливо.

Во втором полугодии ребенок наблюдает за взрослыми и детьми, которые находятся в поле зрения. Месяцев с восьмью возникают первые игры со взрослыми — радость и оживление, которые сопровождают их, первона-

в этой совместной деятельности, конечно, не одинаковы — взрослый руководит действиями малыша, а тот ищет его содействия.

Здесь важно отметить, что взрослый может учить малыша многим вещам потому, что во втором полугодии заметное развитие получает способность малыша подражать. В семь — десять месяцев ребенок внимательно следит за движениями близких, спустя какое-то время стараясь повторить их. Иногда для этого требуется многократный показ. К концу младенческого возраста подражательность поведения ребенка проявляется очень ясно — вот дочка увидела, как мама вытирает тряпочкой клеенку на столе; теперь при всяком удобном случае она начинает тереть клеенку любым кусточком матери, который попадает ей под руку.

Но взрослый не только старается удовлетворить развивающуюся потребность малыша в общении, но и учит его действовать с предметами. Возникает такая важная вещь, как оценка поведения ребенка. Мы довольны малышом — и мы улыбаемся ему, гладим его по голове. Чем-то он нас огорчил — и мы хмурим брови, а то и грозим пальцем.

Постепенно ребенок понимает и этот способ управления его поведением и начинает считаться с ним. Благодаря этому мы получаем возможность воспитывать у малыша желательные привычки, тормозить образование нежелательных, вообще — учить его вести себя правильно.

Растя малыша первого года, вы начнете рано или поздно ощущать, что те доречевые средства общения, которыми вы располагаете (вернее, которыми располагает малыш), становятся недостаточными. Они не могут удовлетворить все более углубляющуюся потребность ребенка в активном контакте со взрослыми. Противоречие это разрешится тем, что малыш научится понимать вашу речь, а потом и сам овладеет речью. Речевые формы общения не возникнут вдруг — они будут накапливаться в течение всего периода младенчества.

Растя малыша первого года, вы начнете рано или поздно ощущать, что те доречевые средства общения, которыми вы располагаете (вернее, которыми располагает малыш), становятся недостаточными. Они не могут удовлетворить все более углубляющуюся потребность ребенка в активном контакте со взрослыми. Противоречие это разрешится тем, что малыш научится понимать вашу речь, а потом и сам овладеет речью. Речевые формы общения не возникнут вдруг — они будут накапливаться в течение всего периода младенчества.

ВАШ МАЛЫШ

на первом году жизни:
уход, развитие, воспитание

чально связаны исключительно со взрослым и лишь через какое-то время малышу начнет доставлять удовольствие сама игра.

К концу года ребенок все чаще начинает «призывать на помощь» взрослого — а ведь совсем недавно он довольствовался тем, что внимательно следил за взрослым, занятым своей обычной работой.

В этом призыве — знак того, что чисто эмоциональное общение уже не удовлетворяет малыша, что все большую роль начинает играть совместная деятельность взрослого и ребенка. Роли

Первые шаги

Даже начав ходить, ребенок не сразу откажется от ползания — так ему порой легче

Вскоре после того как ребенок научится вставать на ноги, он начинает переступать вдоль перил кровати и быстро преуспевает в этих движениях. Поэтому с девяти месяцев его можно упраж-

не только не помогают, но и мешают. Ребенок, поставленный в ходунки, не может, устав, опуститься и поползти. Он длительное время просто вынужден ходить или сидеть, что для него вредно. Кроме того, находясь в ходунках, он привыкает наклоняться при ходьбе вперед, что вредит позвоночнику и затрудняет освоение правильного, вертикального, положения корпуса. Не случайно многие матери жалуются: к десяти месяцам их дети умели хорошо стоять и переступали, лишь слегка придерживаясь за опору; но вот их начали ставить в ходунки, и все изменилось к

Главное же, можем повторить еще раз, в том, чтобы предоставить ребенку простор для ползания и других движений. Тогда он быстро окрепнет, движения его станут координированными и он к году сделает первые самостоятельные шаги. Конечно, можно и помочь ему оторваться от опоры, если вы видите, что он лишь слегка придерживается за нее и ходит свободно. Возможно, на первый раз он и покачнется, теряя равновесие. Постарайтесь подхватить его помягче, не пугаясь и не пугая малыша. Вскоре ребенок сам, без всяких побуждений, начнет самос-

нять и в умении ходить при поддержке за обе руки.

В девять — десять месяцев ребенок быстро ходит вдоль неподвижных предметов, держась за них руками. Вскоре он сможет ходить и вдоль гладкой стены, только слегка упираясь в нее ладонями, а затем начинает переходить от одного предмета к другому, делая самостоятельно один-два шага.

Можно ли использовать так называемые ходунки, чтобы помочь малышу научиться ходить? Нет, ни в коем случае не следует этого делать. Ходунки

худшему — в ходунках они чувствуют себя уверенно, но стоит оставить их без поддержки, как они оказываются совершенно беспомощными...

Возражения, выдвигаемые против ходунков, вы учтете, когда будете водить ребенка, поддерживая его под руки. Во-первых, не увлекайтесь этим чрезмерно, чтобы не погасить в малыше желания двигаться самостоятельно. Во-вторых, следите за правильным положением его корпуса — ребенок не должен ни наклоняться вперед, ни отклоняться в стороны.

тотально ходить, быстро совершенствуясь в этом умении. Учтите, что ползать он перестанет не сразу. Пока что ему легче подползти к далекому предмету, чем дошагать до него — вот он и опускается на четвереньки. Но рано или поздно новый вид передвижения, поддерживаемый взрослыми, восторжествует. Как правило, это происходит уже за порогом младенчества.

Рука действует

Многие важные движения становятся возможными только если малыш умеет схватывать предметы

На третьем месяце жизни можно видеть, как младенец, беспорядочно водя ручкой по одеялу, вдруг схватывает его край, как случайно коснувшись игрушки, сжимает ее пальцами. В это же время он начинает как бы ощупывать одной рукой другую. («Как бы» потому, что настоящее ощупывание, то есть выяснение свойств предмета с помощью осязания, становится, как оказалось, доступным ребенку лишь в конце дошкольного детства!) Рука начинает действовать.

Надо дать ей материал для действия. Подвешивайте игрушки (звучащие, красочные) над кроваткой так, чтобы ребенок мог их достать, выпрямив руки. Сначала он случайно будет наталкиваться на игрушку. Но поскольку малыш получает удовольствие от этого своего опыта, он стремится к его повторению уже намеренно, он старается повторить движение, и в результате ему удается достать игрушку. Трех-, четырехмесячный ребенок может подолгу сосредоточенно заниматься висющими над его грудью игрушками: он то наталкивается на них руками и

следит, как они покачиваются, то захватывает и удерживает некоторое время. К пятому месяцу малыш может наверняка достать, захватить и удержать висящую игрушку, а месяцев в шесть сможет сделать это одной рукой. Для развития более тонкой координации движений можно использовать мелкие игрушки — пластмассовую рыбку, лягушку и т. п.

Для развития движений рук совсем нелишне проводить с малышом специальные «занятия», не ограничиваясь предоставлением в его распоряжение висящей игрушки.

На четвертом месяце подносите к нему погремушку, предлагая взять ее (до трех месяцев малыш не сможет направить руки к игрушке, но захватит ее, если приложить ее к его ладони). К концу пятого месяца ребенок свободно может взять игрушку, которую взрослый держит у него над грудью. Когда это умение будет освоено, следует начать развивать другое — малыш должен научиться брать игрушку, находящуюся сбоку или над его лицом.

На пятом и шестом месяце ребенок учится точно направлять руку к игрушке, доставать и брать предметы, лежа на боку или на животе, к полугоду он умеет брать в каждую руку по игрушке и удерживать их.

Ребенок размахивает игрушкой, перекладывает ее из одной руки в другую, рассматривает, берет в рот, а лежа на животе, постукивает ею. Выронив игрушку, он старается ее найти: двигает рукой из стороны в сторону, ищет взглядом. Если игрушка попадется ему под руку или он увидит, где она лежит, он берет ее и продолжает ею заниматься.

В пять-шесть месяцев ребенок проявляет недовольство, когда ему не удается взять игрушку, и успокаивается, когда достает ее. Если у ребенка отобрать игрушку, он может расплакаться, вернуть — он успокоится.

С того времени (с четырех-пяти месяцев), когда ребенок научится брать игрушки и заниматься ими, у него возникает новая потребность — достать и взять игрушку, привлекающую его внимание. Когда он не может сразу ее взять (она далеко или ускользает из рук), он проявляет большую настойчивость, пуская в ход все имеющиеся у него действия и нередко «изобретая» новые.

Отметим, что выполнение многих из тех важных движений, о становлении которых мы уже рассказывали, стано-

вится возможным только при условии, что малыш умеет схватывать предметы. Так, ребенок не мог бы начать самостоятельно присаживаться, вставать на ноги, стоять и ходить, держась за опору, если бы он не был в состоянии брать руками за сетку кровати или за перекладину манежа и крепко держаться за них.

Итак, к полугоду малыш достиг довольно больших успехов в хватании, и все же оно еще далеко от совершенства. Посмотрите, как ребенок протягивает руку к предмету, заинтересовавшему его: она движется не по кратчайшей прямой, а петлеобразно, по дуге, часто отклоняясь в сторону от нужного направления. Кроме того, все предметы схватываются одинаково — прижимаются пальцами к ладони.

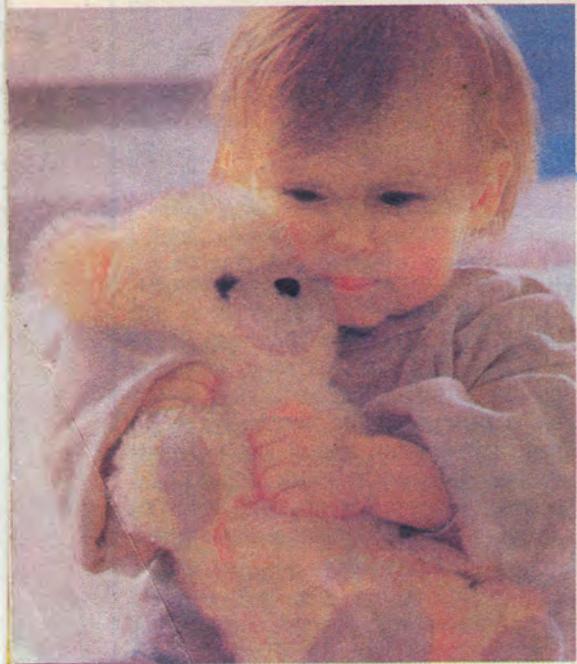
На протяжении второго полугодия вы увидите, как хватание будет совершенствоваться в двух отношениях. Во-первых, месяцам к восьми ребенок научится приближать руку к предмету без возвратных движений, последовательно, а к году — и без отклонений, прямо. Во-вторых, малыш научится удерживать предметы пальцами. Возникнет это действие на седьмом-восьмом месяце и будет совершенствоваться до конца года. Вы увидите, что все больше рука будет приравниваться к предмету: мяч малыш будет брать растопыренными пальцами; шнурок — кончиками большого, указательного и среднего пальцев; когда ему надо будет удержать кубик, пальцы будут располагаться по его граням.

Глаз учится у руки

Только в самом конце первого года жизни малыш научится «хватанию вслепую»

Ваш малыш не просто видит что-то и слышит — он стремится увидеть и услышать, он получает удовольствие от зрительных и слуховых впечатлений. Его взор не оставляют равнодушным блестящие, красочные, движущиеся предметы; радуют его слух звуки музыки, человеческой речи. Но что именно видит малыш, как разбирается он в тех впечатлениях, которые он получает?

С трехмесячными детьми проводили

эксперименты, которые позволили сделать заключение: малыши этого возраста хорошо различают цвета, формы геометрических фигур (и плоскостных, и объемных). Причем разные цвета привлекают младенцев в разной степени — как правило, предпочтение они отдают ярким и светлым («как правило» — не значит всегда, порой сказываются «индивидуальные вкусы» младенцев).

Весьма интересно, что трехмесячные дети очень чувствительны к новизне: если рядом с предметами, на которые ребенок часто смотрит, поместить новый, отличающийся от них по цвету или по форме, ребенок, заметив его, целиком переключается на новый предмет, надолго сосредоточивает на нем взор. Именно поэтому время от времени вы будете заменять игрушки, которые предлагаете малышу, — те, которые перестали привлекать его внимание, вы уберете; через какой-то срок они снова станут для него «новыми».

Восприимчивый мир малыша состоит из множества впечатлений, более привлекательных и менее привлекательных. Воспринимает ли он предметы такими, какими воспринимаем их мы? Нет. Покажите ему игрушку, хорошо знакомую, в необычном ракурсе — например, перевернутой. Он воспримет ее как новую. Мама вошла в новом платье — малыш плачет, он не узнает ее.

Младенец «схватывает» лишь общую форму предмета, его цвет — но это лишь отдельные впечатления о предмете, не выделенном из общего фона (или можно было бы охарактеризовать как «что-то яркое», «какое-то пятно»). Он не способен еще с помощью зрения определить место предмета в пространстве. С одинаковым упорством тянется даже шестимесячный малыш к погремушке, которая находится на расстоянии вытянутой руки (и которую можно достать), и к той, которая в метре (и достать которую совершенно невозможно). На языке психологов это звучит так: восприятие ребенка еще не приобрело важнейших качеств — предметности и константности.

До тех пор пока малыш не начал овладевать ползанием, хватанием, манипулированием, то есть до трех-, четырехмесячного возраста, зрение справляется со своими задачами, даже рисуя мир в столь расплывчатых тонах. Достаточно, что он побуждает действовать — приблизить к себе предмет или приблизиться к нему. Но вот указан-

ные движения и действия начинают складываться — и оказывается, что регулировать их зрение неспособно. Чтобы ребенок мог подползти к предмету, схватить его, передвинуть с места на место, накрыть крышкой коробку или надеть кольцо на стержень, глаз должен учесть очень многое — направление, расстояние, форму предметов, их величину, вес, эластичность материала...

Само по себе глазу это не дано. Он учится этому в содружестве с рукой, следуя за внешними действиями.

Еще раз проследим за тем, как совершенствуется хватание, только учтем теперь, как работает при этом зрение. Сначала рука действует как бы независимо от зрения — оно лишь сообщает: игрушка есть, но вот где она, в каком направлении, на каком расстоянии, останется неизвестно ни глазу, ни, следовательно, руке. Рука поэтому вынуждена не направиться прямо к игрушке, а «улавливать» ее в пространстве (при этом зачастую попытки оказываются неудачными). Но постепенно глаз, следя за движениями руки, начинает замечать, как она приближается к цели, как удаляется от нее, — появляется возможность вносить поправки в движения... Когда во втором полугодии возникнет последовательное, без возвратных движений, приближение к предмету, это будет свидетельством того, что глаз, следуя за рукой, наконец научился разбираться в местоположении предмета. Только в самом конце первого года малыш научится «хватанию вслепую»: вот он смотрит на игрушку, но его что-то отвлекло; он отворачивается, но все-таки безошибочно берет игрушку — значит, глаз точно определил положение ее в пространстве и успел передать нужную команду.

А вот как рука учит глаз ориентироваться в форме и величине. В зависимости от того, берет малыш кубик или мяч, пальцам его приходится вести себя по-разному: на мяче они «растопыряются», на кубике размещаются по граням — так сам предмет учит руку учитывать его свойства. А уж глаз в свою очередь учится у руки. На десятом — одиннадцатом месяце жизни это «обучение» приводит к тому, что ребенок, посмотрев на предмет, который он собирался взять, заранее складывает пальцы так, как требуется.

журнал РОДИНА

Каждый номер —
это 128 страниц
увлекательного чтения
с иллюстрациями
о нашем прошлом:
новые взгляды
на доисторическую Русь,
на образование
Русского государства,
на татаро-монгольское нашествие,
на царствование Романовых;
открытие
неизвестных событий и имен;
дворцовые перевороты;
тайны русской эмиграции;
традиции, быт, этнография
народов России;
специальные выпуски
о российских войнах
(кавказская, крымская,
русско-японская)
В первом полугодии 1995 года
выйдут 6 номеров.
Один из них —
специальный тематический выпуск,
посвященный Крымской войне
(1853—1856),
объемом в 196 страниц
Стоимость подписки
за номер — 1000 рублей
(без стоимости доставки)
Индекс в каталоге «Роспечати» —
73325

журнал ИСТОЧНИК

В первом полугодии 1995 года —
3 номера,
насыщенных
архивными разысканиями
и документами русской истории
Стоимость подписки
за номер — 1500 рублей
(без стоимости доставки)
Индекс в каталоге «Роспечати» —
73187

Наш адрес:
103009, улица Воздвиженка, 4/7
Телефоны:
202-17-45, 202-15-93, 202-62-65
Факс:
(095) 202-96-04

Как защитить своего ребёнка от жестокого обращения

*Воспользуйтесь советами московского Телефона Доверия для детей и подростков
Чтобы защитить своего ребёнка, не надо ждать, когда беда случится*

Что такое жестокое обращение с детьми?

Существует много форм жестокого обращения с детьми и много способов, которыми оно может осуществляться. Это может случиться с ребенком любого возраста: от рождения до того, как он становится независимым.

Причиной некоторых случаев являются действия (или бездействие) взрослых. Ребенок может быть ранен, искалечен, изнасилован. Другие формы связаны с тем, что взрослые не заботятся о ребенке или не удовлетворяют его жизненные потребности.

Основными формами жестокого обращения являются:

1. Физическое: родители причиняют ребенку физическую боль, ранят или убивают его. Это может происходить в форме побоев, сотрясения, сдавливания, прижигания и укусов. Также сюда относятся ситуации, когда ребенку дают яды, неадекватные лекарства и алкоголь или происходит преднамеренное удушение или утопление ребенка.

В некоторых случаях чрезмерная сила может проявляться при кормлении или смене пеленок.

2. Сексуальное: если дети (девочки и мальчики) используются взрослыми для удовлетворения их (взрослых) сексуальных потребностей; взрослые строят свои отношения с ребенком, пробуждая и опираясь на его сексуальные потребности. Это могут быть ласки, половые сношения, мастурбация, оральный или анальный секс, а также демонстрация детям порнографии, включая видеофильмы.

3. Эмоциональное: если ребенок испытывает постоянную нехватку любви и душевного тепла, угрозы, насмешки, крик. Все это может привести к потере ребенком уверенности в себе и самоуважения.

Ребенок становится нервным и замкнутым. Он перестает доверять взрослым людям.

4. Небрежность (пренебрежение): если родители не удовлетворяют жизнен-

ные потребности детей, такие как потребность в пище, одежде, тепле и лечении. Другой пример небрежности: родители оставляют детей без присмотра. Если родители лишают детей любви, то это эмоциональное пренебрежение.

Влияние жестокого обращения на ребенка любого возраста велико. Его последствия обсуждаются ниже.

Увеличивается ли количество случаев жестокого обращения с детьми?

Этого никто не знает. Известно, однако, что количество случаев жестокого обращения с детьми, которые становятся достоянием гласности, увеличивается, как и количество детей, которым оказывается помощь. Увеличение числа известных случаев жестокого обращения с детьми (особенно, сексуального) безусловно связано с тем, что и профессионалы и общество в целом стали лучше осведомлены и больше склонны сообщать о своих подозрениях. Например, часты обращения по поводу жестокого обращения с детьми на телефон доверия для детей и подростков. Неизвестно, больше ли насилия по отношению к детям существует сейчас, чем 30, 50 или даже 100 лет назад, но оно существует и многие дети нуждаются в помощи.

Каковы последствия жестокого обращения с детьми?

Физическое насилие может привести к синякам, трещинам, переломам, ожогам, черепно-мозговым травмам, повреждениям внутренних органов. Все это может привести к нарушению нормальной жизнедеятельности организма. Но детям может потребоваться меньше времени на физическое выздоровление, чем на эмоциональное восстановление после насилия. Ребенок может чувствовать себя никчемным и несчастным всю оставшуюся жизнь. Это может привести к наркомании и преступлению. В ряде случаев, становясь родителями, такие люди истязают собственных детей.

Дети, которыми пренебрегают, сталкиваются с целым рядом трудностей. Они могут быть излишне замкнутыми или необычайно агрессивными. У них могут быть проблемы с едой и обменом веществ, многие страдают хроническими болезнями. Такие дети могут быть грязными, неприятно пахнуть, у них трудности в школе. Эти проблемы могут закрепиться на долгое время.

Сексуальное насилие также оставляет след на долгое время. У людей, подвергшихся в детстве сексуальному насилию, на всю жизнь могут сохраниться депрессивные состояния, приступы тревожности, проблемы со сном, чувство изолированности и отсутствие самоуважения. В некоторых случаях проституция может возникнуть в результате перенесенного сексуального насилия. Мужчины и женщины, обращающиеся на Телефон доверия, говорят о проблемах сегодняшнего дня. При более глубоком знакомстве с жизнью позвонивших выясняется, что пережитое в детстве сексуальное насилие становится источником целого ряда личных проблем: трудностей в общении как с мужчинами, так и с женщинами, в установлении нормальных сексуальных отношений, конфликтов с собственными родителями и детьми и т. д.

Могу ли я дотронуться до моего ребенка?

Когда общество стало больше знать о жестоком обращении с детьми, многие родители, особенно отцы, стали пересматривать свое обычное поведение с детьми. Стоит ли отцам купать детей и пеленать их? Стоит ли родителям щекотать детей? — Да, конечно! Все это вполне нормально и не имеет отношения к насилию. Дети нуждаются в родителях, в тепле, любви, безопасности — для родителей естественно кормить, одевать и мыть своих детей. Точно также естественно обнимать, целовать, похлопывать ребенка, проявляя любовь и нежность. Детям может нравиться «возня», но если вы видите, что ребенку неприятно — значит, пора остановиться.

Взрослые не вправе подвергать ребенка сексуальным действиям для собственного удовольствия. Если вас начинают беспокоить ваши сексуальные чувства по отношению к ребенку — вам нужна помощь специалиста.

Тревожные признаки сексуального насилия

Страдания детей, испытывающих сексуальное насилие, чаще всего отражаются на их поведении.

Если признаки физического насилия чаще всего очевидны, то свидетельства сексуального насилия чаще всего скрыты. Во многих случаях внешние признаки могут исчезнуть через несколько дней, а такие, как ласки или оральный

секс, обычно не оставляют физических следов. Дело взрослого — понять, что происходит с ребенком, что он чувствует. Ниже приводятся некоторые особенности поведения и состояния детей, которые должны насторожить вас. Конечно, эти признаки не обязательно означают, что ребенок испытывает сексуальное насилие. У него могут быть другие серьезные причины для такого поведения. Но оно показывает, что ребенок нуждается в помощи и одной из причин этого может быть сексуальное насилие.

Признаки сексуального насилия:

Агрессивное поведение, вспышки раздражения.

Ощущение отчужденности, наплевательское отношение ко всему.

Излишняя уступчивость.

Излишняя осторожность.

Излишняя сексуальная осведомленность (слова, поведение и игры, не соответствующие возрасту ребенка).

Продолжительная открытая мастурбация, агрессивные сексуальные игры. Боли в животе (непонятного происхождения).

Проблемы с едой — от переедания до полной потери аппетита.

Беспокойный сон, ночные кошмары, ночное недержание мочи.

Возврат к более раннему поведению, депрессия, отрешенность.

Секретность в отношениях между взрослым и ребенком, попытка исключить из отношений других людей.

Страх перед каким-то человеком, острое нежелание оставаться с кем-то.

Ребенок не принимает участия в школьных делах. У него мало или нет друзей.

Ребенок стал хуже учиться.

Ребенок не доверяет взрослым, особенно тем, которые находятся близко.

Ребенок бежит из дома, совершает попытку самоубийства, наносит себе ранения.

Разные дети справляются с этими проблемами по-разному. Ответы на другие вопросы подскажут вам, что делать, если ваш ребенок ведет себя так, как описано выше.

Как я могу помочь моему ребенку рассказать обо всем?

Известно, что сексуальное насилие над ребенком держится в тайне. Часто он ничего никому не рассказывает просто потому, что ему так велели. Другой ребенок, хоть и понимает, что происходит, не может никому об этом ска-

зять потому, что насильник держит его в страхе. Ребенок может бояться причинить вред своей семье и чувствовать себя очень несчастным.

Вы можете помочь ребенку открыть вам свои тревоги, если отношения между вами будут строиться на доверии. Важно, чтобы ребенок, рассказывая, чувствовал себя в безопасности. Опыт показывает, что дети очень редко лгут о сексуальном насилии. Будьте внимательны к тому, что говорят вам ваши дети, они могут пытаться рассказать о своих тревогах.

Если ребенок рассказывает вам о жестокое обращении, пожалуйста:

Верьте ему.

Сдержите ваш ужас — ребенок не должен его почувствовать.

Скажите ему, что его никто не обвиняет в том, что произошло.

Скажите ему, что он не один и что вы защитите его.

Скажите ему, что вы позаботитесь о том, чтобы насилие не было совершено вновь.

Убедите его в том, что вы верите ему, что вы его друг и вам можно доверять.

Дети рассказывают о своих трудностях по-разному. У маленьких детей просто не хватает слов, для того чтобы объяснить, что произошло.

Наши советы о том, как помочь ребенку рассказать о происшедшем сексуальном насилии, могут быть вам полезны, если вы пытаетесь помочь ребенку рассказать о любой другой форме жестокого обращения с ним.

Как я могу помочь моему партнеру рассказать обо всем?

Если вы предполагаете, что ваш партнер осуществляет сексуальное насилие по отношению к вашему ребенку, первое, что вы должны сделать, это прекратить насилие. Известны семьи, в которых один из родителей в течение многих лет практиковал насилие над ребенком, а другой родитель видел это, но не знал, что сказать или предпринять. Легко понять причины такого бездействия. Встать лицом к лицу с такой проблемой очень трудно, так как это сразу нарушит ваши отношения с партнером. Вам, вероятно, придется сказать о своих подозрениях партнеру и добиться того, чтобы насилие было прекращено. Вы объясните ему (ей), какой вред наносится ребенку и какое влияние может оказать насилие на всю дальнейшую жизнь ребенка. В

**Телефон Доверия
для тех, кто живет
в Москве:
160-03-63
(для подростков и детей,
круглосуточно)
169-03-03
(для детей до 12 лет,
с 15 до 21 часа)
По этим телефонам
могут звонить и родители.**

*Редакция готова обнародовать
сведения о Телефонах Доверия
в других городах*

любом случае, после того как вы открыто заговорите о ситуации, разрешить ее станет легче.

Насилие должно быть прекращено до всяческих консультаций и во время консультаций не должно продолжаться.

Интересы ребенка стоят на первом месте, и вы должны защитить его вне зависимости от того, как это отразится на ваших отношениях с партнером. Это очень трудно, и вам может потребоваться срочная помощь специалиста. Он поможет вам пережить все, что произойдет в вашей семье после прекращения насилия. Может быть, стоит обсудить ваши подозрения с близким другом или родственником.

Жизненно важно прекратить насилие.

Имейте в виду, что насильником может быть другой член вашей семьи, а также няня или гувернантка (гувернер). Любой человек, имеющий доступ к ребенку, может обращаться с ним жестоко. Вы должны действовать в любом из этих случаев.

Если жестокое обращение с ребенком не связано с сексуальным насилием, о нем также следует говорить с вашим партнером. Вы вполне можете воспользоваться нашими советами, касающимися сексуального насилия.

Кому я могу сообщить о жестоком обращении с ребенком?

Если вы чувствуете или подозреваете, что с вашим ребенком жестоко обращаются, вам будет нужна помощь.

В трудной ситуации поддержку семье могут оказать родственники, друзья или соседи, если они отнесутся к вам с сочувствием. Если этого будет недостаточно, необходимо обратиться к специалистам.

Вам может быть трудно решить, к кому обратиться. Важно, чтобы вы все-таки обратились к кому-то, кто вызывает ваше доверие. Если он не поможет, продолжайте искать, пока не получите реальную помощь.

Как я могу помочь моему ребенку преодолеть последствия насилия?

Все дети нуждаются в любви и тепле, а дети, испытывающие жестокое обращение, — тем более. Эти переживания травматичны для детей и для того, чтобы возместить нанесенный ущерб, требуется терпение и упорная работа.

Необходимо убедить ребенка в том, что насилие над ним не повторится, что он находится под защитой. Такой ребенок насторожен по отношению ко всем взрослым. Необходимо заново завоевать его доверие.

Дети, испытавшие сексуальное насилие, часто обвиняют в случившемся сами себя, считая, что они спровоцировали насильника. Такие дети теряют чувство собственного достоинства, склонны пренебрегать своими правами и плохо ориентируются в нормах поведения. Они плохо представляют себе, какие отношения являются нормальными. Это делает их уязвимыми для нового насилия. Такому ребенку необходимо вернуть самоуважение, самоутвердиться и получить четкое представление о том, что является правильным и нормальным. Важно убедить ребенка в том, что в происшедшем нет его вины и что насильник не должен был так поступать. Насколько это возможно, надо помочь ребенку «вернуться в нормальное детство».

Убедите ребенка в том, что вы его защитите от насилия и что оно не повторится.

Добейтесь того, чтобы ребенок был окружен заботой и чувствовал себя нужным и любимым.

Если вы испытываете трудности, обратитесь к специалистам.

Что мне делать, если меня несправедливо обвинили в жестоком обращении с ребенком?

Если вас обвиняют несправедливо, вы можете:

- требовать повторного расследования;
- требовать повторного медицинского освидетельствования ребенка;
- обратиться за юридической консультацией.

Чем можно помочь виновному в жестоком обращении с детьми?

В последнее время все больше внимания уделяется психологической помощи насильнику. Стало понятно, что это не только в его интересах, но и в интересах ребенка и всей семьи. Но прежде чем помощь может быть оказана и может произойти реабилитация, виновный должен признать факт жестокого обращения с ребенком.

В зависимости от ситуации и личности виновного методы помощи ему могут быть различными. Это может быть консультирование, психотерапия, групповая работа, семейная терапия и изменение поведения. Чем дольше существует проблема, тем более интенсивная терапия может потребоваться.

При этом не только виновный, но и вся семья должны принять на себя обязательство по исправлению ситуации. Такой подход может принести успех и сохранить нормальную жизнь семье.

Как предотвратить насилие над ребенком в детском саду, в школе или в детском лагере?

Отдавая ребенка в какое-либо детское учреждение, убедитесь, что оно имеет хорошую репутацию и каковы его традиции. Выясните, не было ли инцидентов в прошлом.

Узнайте как можно больше об учителях и воспитателях. Поговорите с родителями детей, посещавших это заведение. Узнайте, как в этом учреждении принимают учителей или воспитателей на работу, интересуются ли их прежней работой и рекомендациями.

Узнайте, допускаются ли родители к участию в делах детского учреждения, приветствуют ли это его сотрудники. Открытость — важный признак. Убедитесь, что вы в любое время можете увидеть своего ребенка.

Вы должны знать о любой отлучке детей. Никогда не давайте воспитателю права уводить ребенка на какие-нибудь мероприятия без вашего ведома.

Запретите давать о вашем ребенке любые сведения, письменные характеристики кому-либо без вашего разрешения.

Убедитесь, что в школе или детском саду каждый день точно знают, кто будет забирать ребенка домой.

Если вы предполагаете, что в школе

или детском саду с ребенком жестоко обращаются, не бегите туда с жалобами, а сообщите о своих подозрениях в милицию или социальные службы.

Поговорите с родителями других детей, чтобы выяснить, не замечали ли они что-либо необычное в поведении или здоровье их детей.

Помните, что важно предпринять все возможное, чтобы защитить детей.

Как мне лучше говорить с ребенком, чтобы предотвратить жестокое обращение с ним?

Действительно, лучше предотвратить, чем потом исправлять. Родители могут сделать многое для того, чтобы насторожить детей, предупредить их об опасности жестокого обращения с ними и научить избегать его. Для этого необходимо, чтобы между вами и детьми существовали доверительные, открытые отношения. Разговор с ребенком о жестоком обращении и, особенно, о сексуальном насилии может быть трудным и потребует времени. Но если это защитит вашего ребенка, дело этого стоит. Что именно вы скажете ребенку, зависит от его (ее) возраста, но даже самые маленькие могут понять такие правила, как «не разговаривай с незнакомыми людьми», «не уходи с незнакомыми людьми», «не соглашайся делать то, что тебе неприятно».

Объясните ребенку, что некоторые взрослые могут попытаться сделать ему больно и заставить его делать что-то неприятное. Убедите ребенка, что его тело принадлежит только ему и он имеет право сказать «нет» любому, кто хочет к нему дотронуться. Объясните ребенку, что взрослые могут угрожать ему или его родителям, чтобы заставить его соблюсти тайну. Ваш ребенок может понять, что есть «нехорошие» тайны, которые нельзя соблюдать.

Вы можете составить «свод правил», которые помогут защитить ребенка. Например:

Вы всегда будете верить своим детям и помогать им. Они не должны сомневаться в том, что вам можно все сказать.

Если детей не сопровождает взрослый, лучше, если они везде, где возможно, будут ходить парами или группами. Детям следует идти домой всегда одной и той же дорогой.

Нельзя разрешать бывать маленькому ребенку в общественных местах (например, в туалете) одному.

Необходимо удостовериться в том,

что няне или другому воспитателю можно доверять.

Если ребенку что-то угрожает, он вправе делать все, что угодно: убежать, визжать, кричать, лягаться, драться кулаками, лгать. Важна лишь безопасность ребенка.

Ребенок сам решает, кому он позволяет целовать и обнимать себя. Нельзя заставлять ребенка делать это против его воли, особенно, если он чувствует, что это неправильно.

Добейтесь того, чтобы ребенок твердо знал: если кто-то предлагает ему что-то неприятное, показывает порнографические картинки, фотографирует его обнаженным или делает подарки — об этом надо обязательно рассказать родителям. Убедите ребенка в том, что его не будут обвинять или ругать, что бы ни делал с ним взрослый.

Дети должны точно сообщать вам, с кем они уходят, куда идут и когда вернутся.

Итак, говорить с ребенком об опасности жестокого обращения надо в соответствии с его (ее) возрастом. Не стоит употреблять термин «сексуальное насилие» в разговорах с маленькими детьми. Не стоит также запугивать детей. Они должны знать, что большинство взрослых заботятся о детях и не причинят им вреда. Если вы узнали, что ваш ребенок испытал жестокое обращение или был изнасилован, поддержите его, убедите ребенка в том, что он не виноват и немедленно обратитесь за помощью.

...принесённые из дома

М. Безруких, С. Ефимова

Естественно искать причины школьных трудностей — в школе. Естественно — но не всегда правильно. Иногда начало обучения проявляет, высвечивает те болезненные проблемы, те беды в жизни ребенка, которые существовали задолго до школы, но — не замечались или считались несущественными. Причиной их часто оказываются те или иные дефекты в укладе жизни семьи — и потому она, увы, с особенным рвением «кивает» на школу...

О чем идет речь?

...С первых школьных дней на этих детей обращаешь внимание. В чем-то они — разные; но сходного, общего — гораздо больше. Непоседливые, суетливые, рассеянные, невнимательные,

расторможенные, возбудимые... Иной раз — удивляют странной взрослостью; но гораздо чаще — озадачивают: бедна речь, бедны и знания, и бытовые навыки, а навыки общения — грубы... И опытный учитель, предположив, не ошибется: в семье взрослые — пьют; ладно, если еще один из родителей, а не оба...

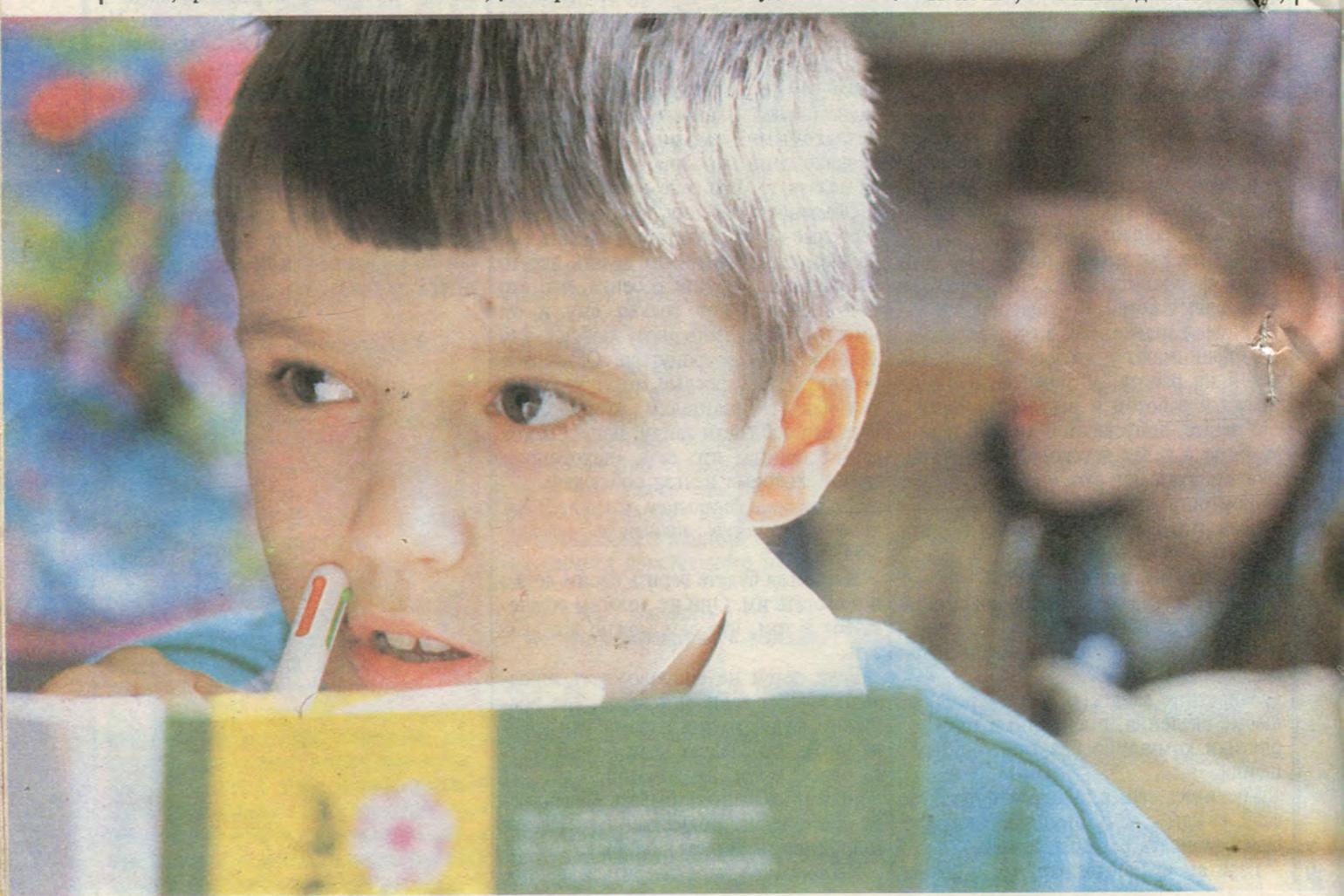
В первые школьные дни и недели такие дети ведут себя «как дети» — на уроках часто играют, и не могут понять, почему этого делать нельзя; могут начать громко разговаривать или рассказывать о чем-то совсем постороннем; к ошибкам и неудачам относятся беспечно, да, собственно, и не воспринимают их как неудачи. И мо-

гут быть и раздражительными, агрессивными — ведь они быстро утомляются, а утомление может «вылиться» не только в вялость, но и в расторможенность.

Мы сказали: «опытный учитель поймет...» Но далеко не все — опытные, да и понимание может не сработать... А поведение детей требует незамедлительной коррекции; и может статься, что учитель позовет на помощь родителей...

Ошибкой было бы думать, что пьющие родители безразличны к успехам детей. И такое бывает, на стадии «распада личности»; но ведь большинство пьющих алкоголиками себя не считает; а к успехам детей может относиться с ревнивой настороженностью: «Чтоб был не хуже других!» И в этой ситуации учительский призыв «принять меры» может лишь обрушить на ребенка поток родительских попреков, брани и наказаний. И он, ребенок, оказывается в полной безысходности: и в школе корят, и дома ругают.

Конечно, с такими детьми тяжело;

но и учителю, и тем домашним, кому их судьба не безразлична, надо понять: единственный выход из подобной ситуации — в терпении. Недопустимо на «срыв» ребенка отвечать собственным срывом! Попробуйте успокоить малыша, переключите его внимание на что-то для него радующе-значимое, позволяющее хотя бы на время «уйти» из конфликтной ситуации. Надо спокойно, без агрессии и «надрыва» указать ребенку, в чем он неправ; предположить, например, как поступил бы в подобной ситуации его любимый герой из мультфильма. Если мама (в таких семьях именно матерям часто приходится «тянуть весь воз») встревожена его школьными неудачами — так пусть больше с ним разговаривает, играет, ободряет, успокаивает... А поминутно напоминать ему о неудачах, бранить, наказывать, заставлять часами сидеть за уроками — дело пустое. Только окончательно подорвете его веру в себя, вызовете отвращение к школе, к вам, к себе — и еще большую агрессивность и неуправляемость. А нужно ведь прямо противоположное — спокойствие, терпеливость, способность к целенаправленной работе... Консультация у детского психолога или психоневролога тоже не повредит; возможно, он рекомендует какие-то специальные занятия или лечение.

«Обыкновенные» семейные неладки кому-то могут показаться по сравнению с пьянством небольшой бедой — у кого их не бывает. А между прочим, постоянное, хоть и «вялотекущее» напряжение в семье может быть весомым источником школьных трудностей детей. Самое очевидное: в таких семьях не могут найти (а часто — и не ищут; напротив...) единую линию поведения с ребенком: мать наказывает, отец жалует, и наоборот... Ребенок очень быстро находит выгодный для себя стиль поведения; потом переносит его на общение со сверстниками; а затем и в классе, с учительницей, пробует реализовать свои «умения и навыки». К такому ребенку будет нелегко найти подход; он насторожен, недоверчив, «себе на уме»... Беда еще в том, что взрослые зачастую подвержены иллюзии «он еще ничего не понимает...» — и весьма беспечны в проявлении своих конфликтных эмоций при ребенке. Может быть, он и «не понимает» сути ваших разногласий; но зато так остро чувствует напряжение, взаимную агрессивность, эмоциональный неуют домашней жизни. Ради него — попо-

буйте все же как-нибудь с этим справиться; и уж, во всяком случае, «не делите» его — здесь, в конечном итоге, вы оба останетесь «ни с чем»...

Свои ошибки в воспитании, способные вызвать школьные трудности, могут быть и в «бесконфликтных» семьях. Казалось бы, что плохого в том, что мама принимает близко к сердцу все школьные дела, сопереживает и волнуется за ребенка? А поводов для волнения — множество: а вдруг он опоздает в школу? А если не успеет написать упражнение в классе? А почему это у его приятеля Коли отметки гораздо лучше?... Вот два «микроинтервью»:

Мама: «Да я его не ругаю, ничего даже не говорю! Но когда откроешь тетрадь, а там опять двойка — не удержишься, и хоть вздохнешь... А ему вроде всегда все равно...»

Сын (второклассник): «Я боюсь ее расстроить, так боюсь, что даже когда пишу диктант, все время думаю: вот сделаю ошибку, поставят двойку — а она потом почти плачет...»

Вот так: мама — из лучших побуждений — «переключает» внимание ребенка с его работы на последствия этой работы (словно предсказывая — они непременно будут неудачными). И, в сущности, не помогает, а мешает ему.

Взрослые «дают» на детей по-разному. Кто — «бьет на жалость», на эмоциональную детскую отзывчивость; кто — пугает: выгонят из школы, оставят на второй год, отправят учиться вместе с умственно отсталыми... Не бьют; но это — такое же битье, только — психологическое: страх, как и «обычные» побои, парализует волю ребенка, превращает в ничто его уверенность в себе.

Главная проблема для родителей: как суметь соединить требовательность с уважением к детям, а «сердечное отношение» — с твердостью? Каждому приходится решать это самостоятельно, потому что соотношения здесь определяются и укладом семьи, и характерами взрослых и детей, и обстановкой в школе. Думаем все же, что эмоциональный контакт всегда сохранится, если ребенок, говоря «детскими» словами, будет чувствовать, что вы «за него» — вместе с ним; и не воюете, а помогаете.

Закончим своего рода «конспектом» тех основных причин, которые порождают принесенные из дома трудности.

Непонимание. Взрослые не понимают, или (злонамеренный случай... «заранее знают») причины школьных не-

удач (ленив, не старается и т. п.). На чьей здесь они стороне — понять не трудно: на стороне собственной душевной лени, косности, невнимания к ребенку...

Несоответствие требований и возможностей. Благие намерения взрослых научить ребенка всему и сделать первым во всем (музыке, спорте, учебе и т. д.) наталкиваются на «маленькое» препятствие — размер детских возможностей. Трудности растут; но и родители без боя не сдаются... Не кажется ли вам, что ребенок однажды «дорастет» до невеселой мысли: взрослым важен не он сам, а связанная с ним «показуха»?

Непринятие детей. Это — один из самых тяжелых случаев, потому что родители редко признаются себе, что ребенок им не нравится: он не такой, как хотелось бы... А ему — какво ему живется с ощущением, что он — не такой?

Негибкость взрослых. Иногда лучшая воспитательная мера — не заметить ошибку, неудачу, даже проступок ребенка. Но как не заметить, если в доме живут «по правилам», из которых нет исключений (во всяком случае, для детей; позже-то они обнаружат, что к себе взрослые не так строги...). Понятны ли, сильные ли, справедливы ли, наконец (а у детей свое понятие о справедливости...), эти правила — судить детям не позволено. И они понимают — взрослые — «не за них», они — лишь за эти самые «правила»... Впрочем, в семьях, где нет никаких правил, а живут «как придет в голову», детям не намного легче...

Повторим: все эти перекосы отношения к детям школа проявляет, как сильный реактив; потому что начало учения — это действительно перемена во всей жизни ребенка, а не только в его «умственной деятельности». Постараемся же эти наши перекосы и недоработки не закрепить еще больше, а устранить. Поступление в школу, когда весь прежний уклад жизни для ребенка, а, во многом, и для нас, меняется — самое подходящее для этого время.

Марьяна Михайловна Безруких, доктор биологических наук, Светлана Петровна Ефимова, кандидат медицинских наук; научные сотрудники Консультативного центра НИИ физиологии детей и подростков Российской Академии образования.

У вас конфликт с учителем

Ольга Крушельницкая

Три года я работаю психологом в школе. И все эти три года наблюдаю «великое противостояние» учителей и родителей.

Впрочем, впервые я столкнулась с этим явлением гораздо раньше, когда после окончания школы пошла работать в детский сад. Запомнились сетования воспитательниц: «С детьми ладить можно. С начальством — труднее. Но родители — это же стихийное бедствие!»

Должна повиниться, я готова была разделить этот взгляд на вещи. Но тут моя работа прервалась на несколько лет: учеба на факультете психологии, аспирантура, и когда я вернулась к работе с детьми (а значит, и с их родителями), то смотрела на все уже чуть-чуть другими глазами. Глазами человека, который занимает в каком-то смысле особое положение в школьном коллективе.

На первых порах меня буквально шокировало то, что одни родители могут считать какого-то учителя чуть ли не эталоном, правдами и неправдами стремиться устроить к нему в класс своего ребенка, а другие этого же учителя будут проклинать и стараться своего ребенка забрать, потом годами вспоминать с дрожью отвращения. То же разнообразие отношений свойственно и детям. Впрочем, больше всего поражает не то, что к учителю относятся по-разному, а то, что отношение всегда — за редким исключением — оказывается справедливым.

Родитель А хвалит учителя за то, что он строгий, но справедливый. Поблажек никому не дает, уровень требований высокий, поэтому у детей хорошие знания.

Родители же В и С недовольны строгостью и требовательностью учителя. Почему?

У ребенка В недостатки произношения. Занимается у логопеда. Но известно: даже когда такие дети начинают совершенно правильно говорить, они часто продолжают совершать логопедические

ошибки при письме. Такие ошибки очень плохо поддаются коррекции. Учитель это знает и по-человечески сочувствует ребенку. Но ошибки в диктанте налицо! И учитель ставит тройку или двойку в соответствии с нормами и требованиями.

Ребенок С пришел к этому учителю в середине второго класса. В школе, где он учился до этого, уровень преподавания был значительно ниже. Ребенок старательный, но способностями и интересом к учебе не блистает. Попав к новому учителю, ребенок естественно и «справедливо» скатился в непролазные двойки. Очень скоро стал бояться школы и потерял последнее желание учиться. Подчеркнем, что в обоих случаях детей не клеймили и не позорили.

Ученик Д боится и ненавидит своего учителя потому, что тот кричит, может стукнуть по столу, наказать всех за то, в чем виноват один. На этого ребенка дома никто и никогда не поднимал голоса. В садик он не ходил. Естественно, и родители ребенка не в восторге от учителя.

Родители же Е и Ж — в восторге. Он единственный, кто не только справляется, но и ладит с их детьми. А их дети привыкли не только к крику, но и к подзатыльникам. Поэтому видят в учителе человека даже доброго. Наоборот, если эти дети окажутся в классе у учителя, который не привык повышать голос, серьезных конфликтов, по крайней мере первое время, не избежать. Но и когда кончится первая притирка, на взаимную симпатию семей и учителя вряд ли стоит рассчитывать.

Читатель может сказать, что учитель должен быть гибким и уметь найти подход к любому ребенку. Но это было бы реально, если бы он общался с ними по отдельности, по очереди. Не выставлять же за дверь одного, когда на другого вам необходимо прикрикнуть! А всегда ли легко объяснить не только детям, но и их честолюбивым родителям, почему у их драгоценного

чада и у «того дурачка» одинаковые оценки за контрольную? Видимо, угодить всем нельзя в принципе.

Учителю редко удается угодить даже самому себе. Принимая решения, он часто балансирует на краю, прекрасно понимая, что любое из решений будет неудовлетворительным. Учитель хорошо знает, что, позволяя детям бегать и играть, он рискует: того и гляди, кто-нибудь ушибется. Но от свободы двигаться и кричать зависит физическое развитие и моральное здоровье детей. Воспитатель, который все пресекает, ибо не желает нести ответственность за то, что может случиться, — тиран. Тираном станет и воспитатель, неумеренно заботящийся о нравственности детей. Опасностей, от которых их хочется уберечь, — несть. Учителю надо бы уследить, предостеречь, уберечь... Но не будет ли его контроль озлоблять? Восприниматься как навязчивость? Как признак недоверия? Не лучше ли дать ребенку возможность приобретать опыт самостоятельности? Если жизнь требует осмотрительности, способности защищаться, умения противостоять соблазнам, вправе ли мы воспитывать в детях лишь доверчивое послушание?

Есть ошибки, которые учитель будет совершать просто потому, что он человек. Грустный, усталый, больной, он с горечью замечает в ребенке лживость, холодный расчет, ксенофобию. Не поступит ли он опрометчиво? Один ученик опоздал (или прослушал), а теперь громогласно требует повторить объяснение: «Так я не понял, что надо делать?» Другой, тот, что вчера проболтал весь урок, требует дополнительные задания, чтобы исправить оценку. Третий, красный и потный, пьет холодную воду, хотя только что пришел после ангины. Кому хватит мудрости, терпения, мгновенной сообразительности, чтобы найти единственно верный способ отреагировать?

И какую удобную мишень для критики являет учитель для того, кто смотрит со стороны и имеет время поразмыслить! Даже если учителю кажется, что он поступил верно, не окажется ли у коллег и администрации другой взгляд на вещи?

Мир устроен сложно. И все мы, слава богу, достаточно разные. Взаимные разногласия, а временами и взаимная антипатия неизбежны. Даже двум людям, соединившим свои жизни по любви, не прожить без конфликтов. Тем более, будут трения там, где лю-

дей больше, и свела их не любовь, не симпатия, а необходимость.

Как же быть, если у вас возник конфликт с учителем? Прежде всего — постараться понять. Всех: учителя, себя, своего ребенка. И не забудьте при этом, что ваши цели и желания и цели и желания вашего ребенка совпадают гораздо реже, чем приятно думать родителям. С учителем надо встретиться. Ни в коем случае не вынашивайте в себе тайную обиду. Не начинайте разговор с высказывания своих требований (как будто вам уже все ясно). Сначала спросите, как видит ситуацию учитель. Очень вероятно, то, что вы услышите, несколько изменит ваш взгляд на вещи. Бывает, учитель сразу встает в оборонительную позицию или начинает нападать на вас. Часто это следствие его богатого (и печального) опыта. Постарайтесь убедить его, что вы хотите понять ситуацию, а не ищите козла отпущения. Вот один из простых, но действенных приемов достижения этого. После того как собеседник высказал свою точку зрения, вы, прежде чем высказать свою, спросите: «Правильно ли я вас понял?» — и кратко воспроизведите то, что вам только что говорили. Только после того как собеседник подтвердит, что он понял правильно, начинайте высказывать свое мнение. Уже одно это часто не только смягчит ситуацию, но расположит учителя к вам и вашему ребенку на всю оставшуюся школьную жизнь.

Если в результате вам удастся прийти к согласию, что одна сторона права,

а другая нет, то дальше — дело техники.

Если виноваты вы (и ваш ребенок) — извинитесь. Не бойтесь, что это вас унизит. Если хотя бы раз в жизни у вас хватило сил признать свою вину, вы, конечно, помните, что в результате испытали облегчение и усиление чувства собственного достоинства, а вовсе не унижение. На этот раз испытаете то же самое, можно поручиться.

Если виноват учитель, постарайтесь смягчить ситуацию. Не вынуждайте его становиться перед вами на колени. Если учитель не находит в себе сил повиниться — простите его. Конечно, это выставляет его не в лучшем свете. Но учителям, особенно учителям со стажем, действительно труднее, чем людям многих других профессий, признать свою вину. Слишком долго им твердили, что учитель должен быть безгрешен, что ошибка учителя — позор. Почти наверняка, несмотря на отсутствие формального признания своей вины, поведение учителя в отношении вашего ребенка изменится. Если же нет — значит, в ваших отношениях есть еще какие-то скрытые проблемы, которые кто-то из вас либо еще не до конца осознал, либо постеснялся высказать. Подумайте, что бы это могло быть.

Однако выяснением того, кто прав, кто виноват, и взаимными извинениями дело не заканчивается. Если неправ был учитель, вам это нужно как-то объяснить своему ребенку. Мой вам совет — не мудрствуйте.

Рассуждения о том, что признание вины взрослого может подорвать его авторитет, — это измышления морально незрелых людей, которые живут с иллюзией, что есть (или были, или могут быть) люди, которые никогда не ошибаются. Но вы-то знаете, что всем людям свойственно ошибаться. Так вот, это должен узнать и ваш ребенок. И чем раньше — тем лучше. Это сделает его и вашу жизнь гораздо счастливее.

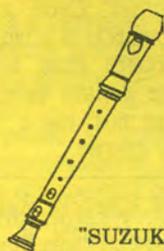
Во-первых, каждый раз, когда он сам будет ошибаться, он не будет чувствовать себя неполноценным. Во-вторых, когда ошибетесь вы, у вас не будет необходимости выдумывать всяческую ложь, чтобы скрыть свой промах. В-третьих, если ошибется кто-то из людей, окружающих ребенка, он с пониманием отнесется к ошибке, а это несомненно сослужит ему добрую службу.

Итак, если ваш ребенок еще не понял, что ошибаться — это нормально, у вас есть счастливая возможность ему это объяснить. Так что говорите просто: учитель ошибся. Потому, что был усталый, расстроенный. Потому, что спешил. Потому, что очень разозлился, обиделся, был оскорблен. Потому, что не может уследить за всеми. Потому, что не сразу понял, как ему поступить. В общем, говорите как было.

Большинство детей выслушивают такие объяснения с пониманием и вполне ими удовлетворяются. Они уже и сами если не знали, то догадывались — учитель тоже человек. Если же вы раньше внушали ребенку обратное, вам,

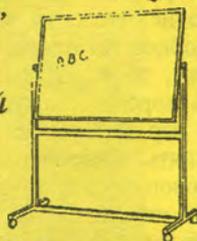
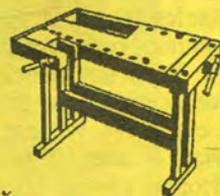
HAALAND & HAMRE ^A/_S

Мебель и учебные пособия
из Дании и Норвегии
для школ и детских садов России

"SUZUKI"

- Школьная мебель для класса, столовой, раздевалки, учительской
- Школьные доски
- Музыкальные инструменты для детей и другие пособия

Представитель в Москве — фирма Эллог Лтд.
Телефон: (095) 110-47-63

возможно, придется попотеть с первым объяснением. Причем трудностей будет тем больше, чем больше вы шпыняли и позорили ребенка за его ошибки и чем менее охотно признавали собственные. Ну что же, лучше поздно, чем никогда. Попробуйте, и будете чувствовать себя в жизни и в общении с ребенком гораздо лучше.

Если неправ был ребенок, спокойно разберите с ним ситуацию. Обсудите, как можно поправить сложившееся положение, как сделать так, чтобы подобное не повторялось.

Нежелательно заставлять ребенка идти на какие-то шаги, которые он внутренне не приемлет, считает унижительными. Внимательные родители обычно могут предсказать, что окажется непосильным для их ребенка. Поэтому еще в разговоре с учителем вы можете предупредить его, что ребенок пока не способен пойти на определенные шаги, извиниться за него и попросить учителя не настаивать. Возможно, вам удастся найти путь к примирению, который устроит и учителя, и ребенка.

Более сложная ситуация возникает, если никто не ошибся, просто каждый действовал в соответствии со своим пониманием вещей. Например, учитель считает, что детей полезно воспитывать в страхе, а вы с таким подходом не согласны. Здесь для вас существует по крайней мере три способа поведения.

Первый способ. Забрать ребенка из класса или из школы. Способ, конечно, крайний. И потому, что еще неизвестно, что вы найдете в той школе или в том классе, куда уйдете. И — это важнее — потому, что за свою жизнь ваш ребенок не раз столкнется с людьми, взгляды которых будут для него неприемлемыми, а общение — мягко говоря, затруднительным. И что же, всякий раз ему «убегать»? Всегда ли найдется, куда? И тем не менее, есть ситуации, когда ребенка нужно забирать. Если вы чувствуете, что возникшее психическое напряжение ему не по силам — уходите. Таков ли ваш случай — решайте сами.

Второй способ. Поставить учителю условие: если вы еще раз допустите подобное по отношению к моему ребенку, то я... Дальше должно следовать хорошо продуманное перечисление мер, которые вы собираетесь предпринять. Способ опасный. Он может спровоцировать учителя померяться с вами «кто-кого», особенно если вы не учли каких-то особенностей его харак-

тера или обстановки. Но — бывает полезен.

Третий способ. Самый естественный и универсальный: если нельзя изменить ситуацию, нужно изменить свое отношение к ней (в данном случае, не столько ваше, сколько вашего ребенка). Разговор с учителем сводится к констатации разногласий и к выражению уверенности во взаимном уважении и доброй воле. Его можно провести примерно по следующей схеме. Как и при всяком выяснении отношений, вы начинаете разговор с выслушивания позиции оппонента и демонстрации того, что поняли его точку зрения: «Если я вас правильно понял, вы считаете... Вероятно, у вас есть веские основания так думать...», или «Я понимаю ваши чувства...». После этого переходите к высказыванию собственной позиции: «Но я не могу согласиться с вашим решением. Мои чувства, мой опыт подсказывают мне другое...» И завершаете уверением в вашем уважении и доброй воле (с выражением надежды на взаимность): «Я постараюсь объяснить сыну (дочери), на чем основаны ваши требования. Но я прошу вас по возможности учесть мою просьбу...»

И все-таки главные разговоры — не с учителем, а с ребенком. Цель их — помочь ребенку сохранить нормальную самооценку. Объясните, что отношение к нему не всегда зависит от его достоинств и недостатков. Обстоятельства, независимо от его личных качеств, могут сделать его «конкурентом», или «лишним», или «белой вороной». Люди, которые по воле случая составят его окружение, могут не любить молчаливых или говорюнов, умных или тех, кто «не высовывается», рыжих или блондинов. На всех, как известно, не угодишь. Если ребенок это поймет, он гораздо менее болезненно и гораздо правильнее будет реагировать на многое.

Объясните ему, чем в данном случае вызвано поведение учителя. Почему это не стоит принимать близко к сердцу. Почему нельзя делать вывод, что учитель плохой человек.

Помогите ребенку увидеть и другую сторону медали — он и сам бывает так же пристрастен и несправедлив. Объясните — человек имеет право любить или не любить любого, но он должен контролировать способы, какими он проявляет свои чувства.

Одновременно нужно помочь ему найти и поддерживать свой круг обще-

ния. Природа человека такова, что для поддержания нормального самоощущения ему нужно, чтобы другие люди его «принимали» (то есть уважали, ценили и любили таким, каков он есть). Если такие люди есть (хотя бы один), то человек способен сохранить веру в себя в тяжелых ситуациях.

Может их проанализировать и оценить, в чем причина и где искать выход. У него хватит сил пережить недостаточно теплое, или даже не совсем достойное поведение учителя; холод или даже травлю со стороны группы сверстников.

Конечно, он будет переживать, но не сорвется в отчаяние. Будет искать причину своих несчастий.

И хорошо. Пусть ищет. Помогите ему советом (он обязательно придет посоветоваться с вами, если ваши отношения нормальные), но не навязывайтесь без спросу.

Он будет пытаться переломить ситуацию: нагрубит учителю или будет прогуливать, пожалуется классному руководителю или директору, поколотит одноклассника или постарается сделать то, что соученики ценят. Не всегда он будет выбирать самый лучший, достойный и законный способ. Приглядывайте за ним.

Но не пытайтесь без крайней нужды решить проблему за него. Во-первых, это неэффективно. Во-вторых, и это главное, в этой борьбе ребенок учится понимать других людей и себя самого. Учится завоевывать любовь и защищаться. Учится уживаться с людьми. В общем, приобретает незаменимый жизненный опыт.

В заключение еще несколько слов. Тот факт, что у ребенка случаются в жизни тяжелые моменты (тогда как их сверстники выглядят со стороны более благополучными) многие родители воспринимают либо как факт личного поражения, либо как свидетельство непригодности, «неполноценности» детей. Ни то, ни другое не верно. Все люди сталкиваются с трудностями. Но — в силу множества обстоятельств — в различном возрасте и в разных ситуациях. Свой жизненный опыт и взгляды всегда полезно переосмыслить, тем более если возникли проблемы. Но не корите себя. Вы окажетесь на высоте там, где с трудностями столкнутся другие.

Ольга Игоревна Крушельницкая, психолог, работает в 16-й школе города Мытищи под Москвой.

С. Степанов

Курение

История несчастной лошади, которую убила капля никотина, рассказана уже столько раз, что сегодня едва ли кто решится выступить в защиту курения. Тем не менее миллионы людей продолжают отравлять себя и окружающих табачным дымом. При этом большинство из них курит не потому, что это доставляет большое удовольствие, а потому, что у них сформировалась сильная потребность в курении, которая, если ее не удовлетворить, обрекает человека на душевные и телесные муки. Мало найдется таких курильщиков, кто хоть раз не задумывался: «Надо бы бросить...» Увы, далеко не все обладают для этого достаточной силой воли. И продолжают курить, выискивая неуклюжие оправдания. Впрочем, даже у заядлых курильщиков порой возникает горькая мысль: «Не надо было начинать...» Такие мысли, к сожалению, не посещают человека в юные годы, когда рука впервые тянется к сигарете. Долг взрослого — предотвратить перерастание детской «забавы» в изнурительное пристрастие. Как этого добиться?

Прежде всего родители должны отдавать себе отчет вот в чем: если кто-то из взрослых членов семьи курит, ребенка очень нелегко убедить в пагубности курения. Исследователи установили, что дети курящих родителей вдвое чаще, чем некурящих, сами становятся курильщиками. Поэтому родителям в поисках внутренних сил для отказа от вредной привычки стоит вспомнить об очень важном аргументе: сделать это надо ради блага детей.

Родители (как курящие, так и некурящие) бывают огорчены, узнав, что их сын или дочь попробовали ядовитого дыма. Первая и, казалось бы, естественная реакция — строго наказать. Но лучше разобраться в ситуации спокойно. В каком возрасте ребенок может позволить себе эту «шалость»? Как выясняется, в любом.

Считается, что курение — одна из многих проблем подросткового возраста. Однако иногда приходится сталкиваться и с тем, что сигарету берет младший школьник или даже дошколь-

ник. Зачем он это делает? Ответ, как правило, прост: ребенок, стремящийся в игре приобщиться к миру взрослых, желает ощутить себя стреляющим, ведущим машину, строящим дом и... курящим. К многочисленным атрибутам игры добавляется еще один — сигарета. В доме, где кто-то курит, сигарету добыть нетрудно. Да и в ином случае при известной изобретательности (а ее детям не занимать) это не проблема.

Тут, наверное, не стоит бить в набат

в опасении, что рождается вредная привычка. Чисто по-детски ребенок может попробовать сыграть и в курильщика. Будьте уверены, никакого удовольствия эта игра ему не принесет. Организм человека устроен очень разумно, он не примет вредных веществ. Даже если малышу удалось крепко затянуться, ничего, кроме отвращения, он не испытает. Родительское наказание послужит лишь необязательной добавкой к той весьма ощутимой

Фото Т. Шахвердиева

неприятности, которую маленький экспериментатор доставил себе сам.

Узнав о таком опыте, родители должны стараться исключить возможность его повторения — именно неоднократное повторение может привести к тому, что здоровая реакция отторжения постепенно угаснет. Нежелательно, чтобы ребенок имел возможность уединиться для проведения своих экспериментов. Даже если в доме есть сигареты, они не должны соблазнять малыша своей доступностью.

Курящие близкие должны избегать того, чтобы своим поведением провоцировать ребенка следовать нежелательному примеру. Если же вы застали

ребенка с сигаретой (или так или иначе узнали о его поступке), не торопитесь судить и карать. Объясните ему, что табак не приносит удовольствия (в это он охотно поверит, опираясь на свой опыт), что некоторые взрослые привыкли к сигаретам, но страдают от этого. Воспринимая курение как отклонение от нормы, ребенок по крайней мере на несколько ближайших лет воздержится от него.

Однако чем старше ребенок, тем более серьезной становится для него проблема курения. В каком-то смысле курение и для школьника еще игра. Однако сам он это так не воспринимает. Для школьника, особенно подрост-

ка, уже недостаточно изображать взрослого, осознавая в глубине души всю условность этой игры. Дошкольник может курить «понарошку», пользуясь предметом-заместителем, например, карандашом или бумажной трубочкой, изображающей сигарету. Подросток уже стремится действительно быть как взрослый или по крайней мере максимально походить на него. Легче всего кажется (и оказывается) перенять внешние приметы взрослого мира, явно отличающие взрослого от ребенка.

Большинство исследователей убеждены, что при обращении к курению дело скорее в психологии. Потребность в никотине не естественна для человеческого организма, то есть можно сказать, что биологического побуждения к самоотравлению человек не испытывает (лишь впоследствии, сильно включенный в обмен веществ, никотин становится властным диктатором). Главный механизм курения подростка — подражание (взрослым или тем сверстникам, кто уже «прищился»). В любом возрасте первая задержка физически неприятна, однако у подростка психологические мотивы уже достаточно сильны, чтобы побороть отвращение, которое к тому же с каждой следующей сигаретой постепенно угасает.

Как воспрепятствовать формированию вредной привычки? Как и в большинстве иных ситуаций, насилие наименее эффективно. Данное утверждение особенно справедливо для тех случаев, когда властное и жесткое отношение родителей к детям стало преобладающим педагогическим стилем. Пусть это не покажется чрезмерным обобщением, но чем более ровные и доброжелательные отношения поддерживаются в семье, тем меньше вероятность того, что самоутверждение подростка примет искаженные формы.

Те подростки, которые, несмотря на кризисный характер своего возраста, сохранили уважение и доверие к родителям, менее склонны следовать негативному примеру сверстников. Если же родители воспринимаются как чуждая, несправедливая и враждебная сила, то чем упорнее и жестче настаивают они на своих запретах, тем сильнее ответное стремление обойти их.

Популярные пособия призывают отвлекать активность детей на занятия спортом, вести с ними профилактические беседы о вреде табака. Однако следует признать, что предложенные

Фото В. Воронова

меры недостаточно эффективны, как не может быть эффективна никакая борьба с симптомами. Надежного рецепта, который гарантировал бы отказ от курения, не существует. Курение подростка — один из признаков глубокого неблагополучия. Пристального внимания требует именно неблагополучие, а не курение само по себе.

Выполнение этой рекомендации требует серьезных усилий. Однако лишь укрепляя взаимное расположение и доверие, можно помочь ребенку избежать коварных соблазнов.

Ложь

С малых лет детям внушают древнюю истину: «Лгать — нехорошо». Тем не менее в жизни каждой семьи наступает неприятный момент, когда ребенок нарушает это предписание. Легко понять огорчение родителей, когда их сын или дочь начинает плутовать и лгать.

Нет на свете человека, который бы ни разу в жизни не солгал. Мотивы лжи могут быть самыми разными в зависимости от обстоятельств. В целом можно выделить две главные причины, порождающие обман: стремление уклониться от ответственности за какой-то неблагоприятный поступок и желание добиться чего-то такого, чего иначе достичь очень трудно или невозможно. Однако многие примеры детской лжи поражают отсутствием сколь-нибудь серьезного мотива. Часто детская ложь выступает как явление совершенно особое, что не позволяет сопоставить ее с ложью взрослых и оценить той же мерой.

Маленький ребенок — исследователь и творец, фантазер и изобретатель. Окружающий мир познан им далеко не полностью и каждый день открываются новыми неожиданными сторонами. Ребенок понимает: то, что ему уже известно, — установленный факт, но это не означает, что неизвестное и непознанное не существует. То, чего еще не удалось пощупать своими руками, рождается в детском воображении подчас в приукрашенной и изощренной форме.

Ребенок еще многому не может найти объяснения, и он пытается домыслить непонятное и по-своему обосновать. Так рождаются высказывания «Я видел летающий поезд» или «Я не сплю, потому что подушка уползает».

Едва ли их можно расценивать как ложь. Жонглируя гипотезами и пробуя на зуб вероятность явлений и событий, ребенок в такой необычной форме осваивает окружающий мир. Абсурдные на первый взгляд высказывания ребенка вовсе не должны служить поводом для родительского негодования. По мере приобретения опыта ребенок сумеет и сам освободиться от иллюзорных представлений и научиться отличать незнакомое от невозможного.

Внутренний мир ребенка отличается от мира взрослого еще и тем, что питается из иного источника. Этот источник для него прежде всего игра, где все понарошку. Играя в дочки-матери, девочка заявляет: «Мой сыночек заболел».

Строго говоря, она произносит неправду, потому что сына у нее нет и быть не может, а потому и болезнь его — выдумка. Однако правила игры допускают эту условность.

Мир ребенка — это мир сказки и игры, где невероятное возможно и даже естественно. И нет ничего удивительного, что малыш с легкостью переносит в свою повседневную жизнь законы игры, пытается разнообразить ее сказочными приключениями. Играя и фантазируя, ребенок учится действовать и мыслить. Поэтому выдумка, фантазия — скорее помощники на пути взросления, чем симптомы формирующейся лживости.

Впрочем, если фантазирование перерастает в устойчивую привычку, необходимо позаботиться, чтобы ребенок не увлекся сочинительством и не стал бы по любому поводу изобретать фантастические аргументы. Бесплезно обрывать его излишние реплики «Так не бывает» — для ребенка она не довод. Гораздо лучше попытаться так построить беседу, чтобы не возражая и даже как бы соглашаясь с ним, предложить ему реалистичное объяснение как более предпочтительное. При этом самолюбие малыша не будет уязвлено, но в то же время он поймет, что взрослый предпочитает более трезвый взгляд на вещи.

К счастью, многие родители легко отличают фантазию от лжи. Но мало кого не насторожит обман «в чистом виде», когда ребенок пытается исказить или утаить правду ради достижения какой-то скрытой цели. Как мы уже знаем, эта цель — либо избежать неприятностей, либо получить удовлетворение. Уже в возрасте четырех — пяти лет ребенок может пойти на то,

чтобы сказать неправду ради своей выгоды.

Но не будем торопиться его осуждать. Признаемся себе: ведь именно эти мотивы иной раз побуждают каждого из нас погрешить против истины. Себе-то мы оправдание всегда найдем, так давайте попробуем и к ребенку подойти с той же меркой. Самый важный вопрос: что побудило его солгать?

Многочисленные исследования показали, что главной причиной детской лжи выступает боязнь наказания. Если ребенок уверен, что совершенный им проступок повлечет серьезные неприятности, с его стороны вполне естественно попытаться их предотвратить. Замечено, что дети суровых и непреклонных родителей более склонны к лжи, чем их сверстники, воспитывающиеся в доброжелательной и мягкой атмосфере. Вывод прост: если вы хотите, чтобы ребенок вас не обманывал, постарайтесь, чтобы он вас не боялся. Это не означает попустительства и вседозволенности. Просто младший член семьи должен чувствовать, что старшие готовы разделить с ним его проблемы, что от них исходит понимание и сочувствие, а не угроза.

Еще один мотив детской лжи (да и не только детской) — стремление к самоутверждению. Ложь в этом случае приобретает форму хвастовства. Ребенок начинает приписывать себе подвиги, которых не совершал, расхваливать ценности, которых не имеет, и т. п. Очевидно, что причина здесь кроется в недостатке реальных оснований для самоутверждения. Выдумывает малыш то, чего ему не хватает. И рецепт здесь один: постараться, чтобы маленький человек не чувствовал себя обделенным. Если сын или дочь знают, что родители ценят определенные их достоинства, им нет нужды измышлять дополнительные достоинства.

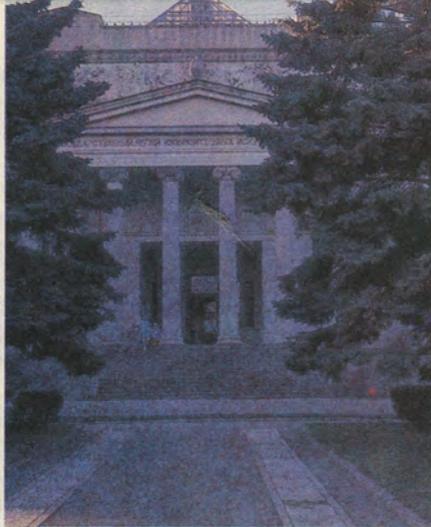
Подводя итог, подчеркнем следующее. Умейте отличить корыстный обман от невинной выдумки. Фантазирование следует не пресекать, а лишь подправлять, чтобы оно не переросло в привычку жить в мире иллюзий. Столкнувшись с явной ложью, не надо торопиться с осуждением. Постарайтесь понять, а затем и устранить причины, заставившие ребенка солгать. Это поможет вылечить болезнь, а не симптом. Ребенок, чувствующий любовь и доброжелательность родителей, поощряемый за свои достоинства и достижения, лгать не станет. Так помогите ему стать таким.

Земля детей

Международные выставки детского рисунка нам уже давно не в диковинку. Но у той, что открылась в октябре в коллоне Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, интересная история. Связана она с японским мальчиком, которого зовут Сей Симура. Четыре года назад, когда ему было семь лет, он нарисовал красками рисунок и назвал его так: «С днем рождения, Земля!». Ему очень захотелось послать этот рисунок детям разных стран и попросить прислать их рисунки, — чтобы Земля, на которой мы живем, могла стать здоровой и прекрасной.

Родители мальчика помогли выполнить это сказочное желание — в той мере, в какой это было возможно. Они были потрясены, когда получили более восьмисот рисунков из разных стран мира: Франции, Кубы, Китая, США, России, Австрии... И тогда они открыли небольшую галерею «Дети Земли» в Хараджуки (Токио), где выставили все эти детские рисунки. Главой галереи считается Сей Симура, но, конечно, практически все дела ведут его родители. Дела эти благотворительные, связаны с помощью детям разных стран.

В прошлом году мать Сея, Харуми Тори, приехала в Россию и попросила отвезти ее в деревню Клиницы Брянской области. Там в детском доме живет девочка Таня. Ее новогодние рисунки через посредство Центра «Будущее женщины» попали в Японию, там напечатали открытки, которые японцы охотно покупали. И вернулись Танины рисунки одеждой и обувью для детского дома. Посмотрела Харуми Тори на рисунки других детей в детском доме, потом приехала в Москву, встретилась с директором Музея изобразительных искусств Ириной Александровной Антоновой, чтобы обговорить идею международной выставки: в большой московской галерее предстанет маленькая японская, примет участие в выставке Международный женский центр «Будущее женщины», у которой есть своя коллекция детских работ, и, конечно, изостудия самого музея, который уже более двадцати лет руководит Нина Николаевна Кофман.

На открытие выставки ожидался приезд Сея Симуры вместе с родителями. Конечно, очень хотелось чем-то порадовать мальчика. Решено было делать большое коллективное панно. На холст размером три на четыре метра наклеили бумагу, расстелили ее в Белом зале на полу и позвали художников — это были дети, которым всем по пять лет, самые младшие студийцы. Их спросили: «Бывает ли у Земли день рождения?» Дети ответили утвердительно. «А что бы вы хотели подарить Земле?» И посыпались ответы: «Домики, лошадь, солнышко, бабочек...»

Детям раздали гуашевые краски, кисточки — не самые толстые, но и не тонкие, попросили их снять обувь, и они, стоя на коленках или лежа, начали работу. Каждый рисовал свой подарок. Трудно представить, но в течение одного занятия панно было закончено.

К сожалению, сам Сей Симура на открытие выставки приехать не сумел. Приехала Харуми Тори с деятелями японской культуры и экологами. Да, японцы уверены — такие выставки должны помочь людям в борьбе за выживание на планете. «Мне кажется, что если бы детей учили создавать рисунки на тему Земли, то осознание мира, окружающего ребенка, воспитывалось бы с детства, а взрослые, которые смотрели бы на эти рисунки, может быть, почаще задумывались бы о будущем Земли», — так сказала Харуми Тори на открытии.

Надо ли говорить, что выставка была благотворительной: отлично изданный каталог, рисунки-открытки, рождественские и новогодние, будут продаваться в основном в Японии, куда выставка поедет после Москвы. На вырученные средства будет оказана помощь детям Чернобыля, детским домам. Особая

договоренность касалась панно. Харуми Тори просила о возможности показать его в своей галерее, в чем ей, конечно, не отказали. Трудности транспортировки японцев не пугают.

Что ж, эта выставка — возможность для всех нас задуматься о миссии детей на Земле в XX веке и о той неожиданной роли, которая открылась для детского рисунка.

...На вернисаже особая публика: взрослые, ведущие за руку детей или дети, ведущие за руку родителей. Первые рисунки, около которых они останавливаются еще в фойе, выделены особо — это произведения «семейных групп». Нина Николаевна Кофман объясняет, что придумала эти группы несколько лет назад, когда родители начали приводить в студию совершеннейших крох — двухлетних и трехлетних детей. Задания они выполняют дома — вместе с мамами и бабушками, — а потом в студии эти работы обсуждаются. Вот остановились рядом с нами, по-видимому, греки, жестко анализируют, в их речи звучит слово «комос». Уже потом мы узнали, что это экологи из Греции, им очень понравилась выставка и они хотели бы привезти и показать ее в Греции.

Любая такая выставка — это барометр, по которому можно понять настроение, душевное состояние детей. Вот удивительно красивая композиция девятилетнего Франча Корделли из Италии: автомат, который стреляет цветами. Черный автомат на фоне пронзительно тревожного красного цвета, которым залит лист бумаги... А вот «Добрая машина» Сенто Аидо из Японии: все винтики громадной машины превращены в символы: цветы, маски, луны, драгоценные камни. Возможно, ребенок понимает угрозу, которую несет машинная цивилизация, и хочет предотвратить эту угрозу, «переиграв» ее. Наваяны ли такие настроения взрослым миром, с которым ребенок неизбежно связан, — это загадка, которую должны разгадать и ученые, и художники, но вот, что замечательно, — каждый родитель, каждый день.

Л. О.

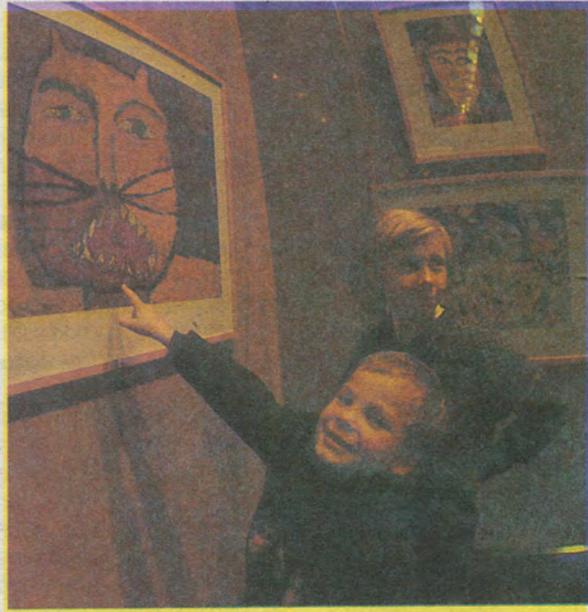
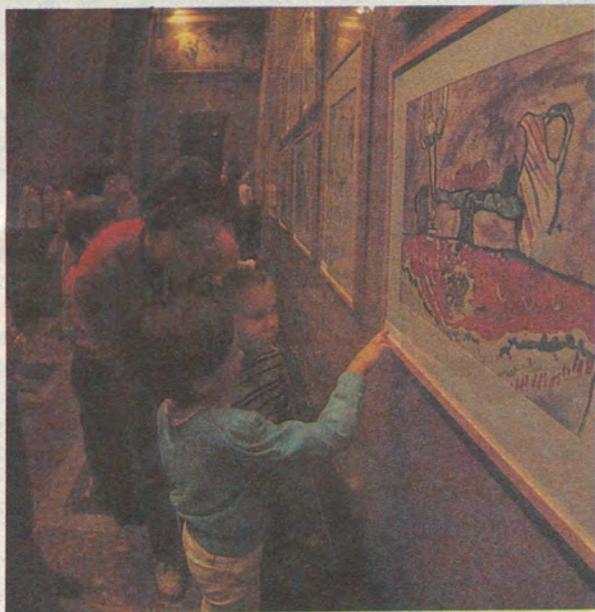

Фото Игоря Минеева

Когда лихорадит...

И. Брызгунов

В семейных домашних аптечках среди неотложных медикаментов на первом месте обычно находятся жаропонижающие средства (антипиретики) — аспирин, парацетамол; их наиболее часто дают детям. К сожалению, как показывает практика, не все родители делают это правильно.

Недавно позвонила мама одного из моих бывших пациентов и с тревогой рассказала о том, что она дает ребенку — у него острое респираторное заболевание — жаропонижающий препарат в той же дозировке, что давала в тех же обстоятельствах три года назад; однако высокая температура не снижается. Она не учла, что существуют возрастные дозировки, в том числе и для жаропонижающих лекарств. Если концентрация препарата не достигает нужного уровня, то пользы от его применения ожидать не приходится.

Для того, чтобы такого не было и чтобы родители хотя бы ориентировочно знали, как действуют жаропонижающие средства, которые назначает врач, кратко опишем механизм повышения температуры тела.

За последние 50 лет произошел взрыв знаний о терморегуляции и теплообмене человека, о том, что бывает, когда терморегуляция нарушается.

Систему теплообмена и терморегуляции здорового человека схематично можно представить следующим образом. Температура тела представляет собой баланс между образованием тепла (продукт всех обменных процессов в организме) и отдачей тепла через поверхность тела, особенно кожу (до 90%), а также через легкие.

Температура тела регулируется мозгом, а именно гипоталамусом с его термочувствительными полями: в ответ на повышение температуры крови гипоталамус через вегетативную нервную систему приводит в действие механизм расширения кожных сосудов и потоотделения; при снижении температуры гипоталамус дает команду за-

держивать тепло с помощью сужения кожных сосудов.

Бытует мнение, что всякое повышение температуры тела вызывается инфекционными заболеваниями, воспалением. Но это далеко не так. Бывают состояния, при которых повышение температуры тела вовсе не инфекционного происхождения. Первые состояния называются лихорадкой, а вторые — гипертермиями. Механизм повышения температуры при этом может быть различным.

При лихорадке (инфекционном или воспалительном повышении температуры тела) дело происходит следующим образом: бактерии или вирусы вырабатывают определенные вещества, которые с циркулирующей кровью попадают в гипоталамус и воздействуют на его терморегуляторные зоны, вызывая повышение так называемой «установочной точки». Кожные сосуды сужаются, происходит задержка теплоотдачи.

Ребенок жалуется на чувство холода, у него холодеют конечности, уменьшается (или вовсе прекращается) потоотделение, он чувствует озноб.

У больных с неинфекционной гипертермией (длительный субфебрилитет) механизм повышения температуры в принципе тот же (сниженная теплоотдача при нормальном образовании тепла), но температурный сдвиг более длителен, чем при лихорадке.

Другое дело — гипертермии, которые вызваны нарушениями обмена веществ и функции желез внутренней секреции (щитовидной железы, надпочечников, гипофиза). Это такие заболевания как тиреотоксикоз, феохромоцитомы (опухоль надпочечника); причиной может быть передозировка салцилатов; бывают злокачественные гипертермии при анестезии.

В этих случаях увеличено образование тепла, теплоотдача также повышается, однако образование тепла все-таки превышает его потерю. Этот излишек тепла и отмечается как повышенная температура тела.

Она же — как следствие уменьшения отдачи тепла — наблюдается при тепловом ударе, дегидратации (ускоренном выделении жидкости), избыточном укутывании ребенка, приеме атропина, у больных с редким заболеванием — эктодермальной дисплазией (при

котором не бывает потоотделения).

Но вернемся к лихорадке. Подчеркнем, что она — не самостоятельная болезнь, а симптом, сопровождающий различные заболевания — как легкие заболевания, так и грозные, которые могут угрожать жизни.

Наиболее частая причина лихорадки — инфекции верхних дыхательных путей; воспаление пазух носа (синуситы); фарингит (задней стенки глотки); отиты (ушей); воспаление легких, инфекции мочевых путей. Кроме того, повышение температуры тела может наблюдаться при ревматизме, инфекционном эндокардите, неврологических, онкологических заболеваниях, инфекциях центральной нервной системы — и многих других.

Измерения температуры тела проводятся более чем 150 лет. Наиболее точное измерение температуры в прямой кишке (термометр вставляется у новорожденных на 5 см, а у старших детей на 7 см), затем в ротовой полости и в подмышечной впадине. Отметим, что кожная температура, измеряемая на лбу термометром на кристаллах, не является надежным показателем.

Отсчет повышенной температуры тела начинается с 37 градусов Цельсия. Как правило, наименьшее значение температуры у здорового ребенка наблюдается в начале утра, а наивысшее — в начале вечера. Для ребенка типичный разброс может достигать 1 градуса.

Перед измерением температуры тела ребенок должен находиться в течение некоторого времени в неактивном состоянии. (Известно, что двигательная активность может увеличить температуру тела (примерно на градус).

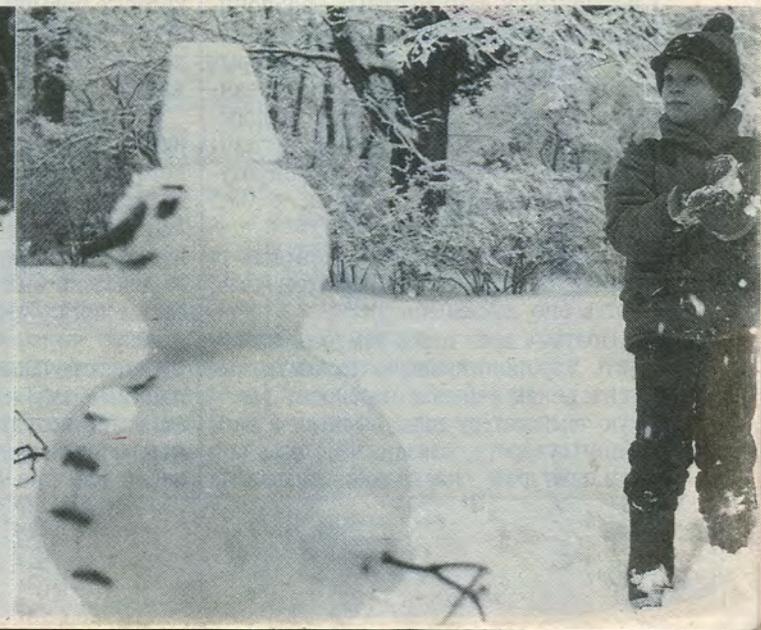
Нельзя проводить измерение температуры в течение часа после еды, так как после приема пищи отмечается небольшое физиологическое повышение температуры.

Как показывает практика, многие родители панически боятся повышенной температуры у ребенка и пытаются самостоятельно снизить ее. Как говорят сами родители, они особенно боятся «повреждения» мозга и судорог в результате повышенной температуры. Но следует знать, что лихорадка — ввиду того, что она регулируется самим организмом, — не часто достигает опасного уровня. (Например, при ост-

на снегу

Фото В. Воронова

Сладкое лекарство

У вашего ребенка простуда? Лечите его медом. Он повышает защитные свойства организма и замедляет развитие бактерий. Считается, что самый лучший для этих целей липовый мед. Но с таким же успехом можно применять и другие сорта.

Первое средство при простуде — теплое питье. Одну столовую ложку меда размешайте в стакане теплой воды и дайте ребенку выпить маленькими глотками перед сном. Имейте в виду, что мед сохраняет свои целебные свойства при температуре не выше 60 градусов. Поэтому следует размешивать мед именно в теплой воде, а не в горячей.

При высокой температуре и ознобе одну столовую ложку размешайте в стакане теплого молока и также маленькими глотками дайте выпить на ночь.

Полезны при простуде и теплые на-

стои из малины и цветов липы. Одну столовую ложку смеси цветов липы и сухих ягод малины заварить в стакане кипятка, накрыть и дать настояться. Затем теплый настой процедить, добавить одну столовую ложку меда и дать выпить перед сном.

Можно делать настой из одной малины: две столовые ложки сухой малины или 100 г свежей (размороженной) заварить в стакане кипятка, слегка остудить и добавить одну столовую ложку меда (ягоды не вынимать). Этот настой пьют как чай перед сном.

При кашле поможет сок черной редьки с медом. Сок и мед смешивают в равных пропорциях. Принимать надо три раза в день по одной столовой ложке.

Снимает кашель и теплое медовое питье. Две чайные ложки меда растворяют в 100 мл теплой воды и выпить это нужно на ночь за один раз.

рых респираторных заболеваниях у детей температура выше 40,7 градуса наблюдается всего у одного из тысячи больных.)

Помните: снижая температуру тела, вы не воздействуете на причину заболевания!

Нет достаточных научных доказательств, что жаропонижающая терапия благоприятно сказывается на течении заболевания, ускоряет выздоровление.

Напротив, есть сведения, что лихорадка может оказывать благоприятное влияние, укрепляя защиту против инфекции.

Конечно, у тех детей, которые испытывают выраженный дискомфорт от повышенной температуры, жаропонижающие препараты должны применяться. Это относится и к детям, у которых наблюдались ранее судороги, связанные с высокой температурой, с поражением центральной нервной системы и в первые месяцы жизни. Температуру следует снижать начиная с 38,5 градуса.

Особую тревогу должны вызывать те случаи повышения температуры тела, когда оно длительно.

Поэтому врач перед тем, как назначить жаропонижающую терапию, выясняет, как ребенок переносит высокую температуру тела, были ли в прошлом судороги, связанные с высокой температурой, насколько повышена

температура. До прихода врача родителям следует несколько раз измерить температуру и записать ее. Важен ответ на вопрос о побочных действиях того или иного жаропонижающего средства, применявшегося ранее.

К жаропонижающим препаратам относятся производные салициловой кислоты (среди них широко известен аспирин), производные пиразолона (анальгин, бутадиион), производные пара-аминофенола-анилина (фенацетин, парацетамол).

Механизм действия жаропонижающих препаратов при лихорадке заключается в том, что они преграждают поступление в гипоталамус тех веществ, которые повышали «установочную точку», — в действие приходит механизм потери тепла и температура тела снижается.

(Но если эти же препараты применять при гипертермиях неинфекционного происхождения, ничего не происходит!)

Долгое время наиболее распространенным препаратом жаропонижающего действия был аспирин, в настоящее время предпочтение отдается парацетамолу.

По заключению комитета по инфекционным заболеваниям Американской академии педиатров, аспирин не рекомендуется назначать детям с ветряной оспой или при острых респираторных

заболеваниях, так как это увеличивает риск заболевания синдрома Рейе. Это хотя и редкое, но очень тяжелое заболевание, часто, увы, с летальным исходом. Хотя жесткая связь аспирина с этим заболеванием окончательно не доказана, в настоящее время педиатры вместо аспирина назначают парацетамол.

Некоторые родители думают, что температуру тела можно снизить холодной ванной, обливанием холодной водой. Но при этом возникает озноб, и дискомфорт у ребенка усугубляется. Особенно противопоказана клизма с холодной водой.

До прихода врача ребенка следует поместить в комнату с комфортной температурой (желательно 22 градуса), одежду оставить легкой, часто и понемногу поить.

И в заключение хотелось бы сказать: теперь, когда родители в общих чертах ознакомились с механизмом действия жаропонижающих средств, они могут сделать вывод о том, что при применении жаропонижающих средств следует все-таки положиться на врача, который не только рационально назначит терапию, но и не пропустит тяжелых и грозных заболеваний, сопровождающихся повышенной температурой.

В каждом конкретном случае врач решит вопрос: следует ли — и если да, то при какой степени лихорадки — снижать температуру тела.

Игорь Павлович Брызгунов, доктор медицинских наук, профессор; работает в НИИ педиатрии.

Виноваты гормоны?

Михаил Буянов

Взаимоотношения между психическими заболеваниями и деятельностью эндокринной системы самые разнообразные, чаще всего одно зависит от другого. Хотя не всегда.

Менструации — одна если не из главных, то уж во всяком случае существеннейших функций женского организма. При шизофрении, органических и некоторых иных психозах менструальный цикл нарушается; встречается это и при неврозах — особенно

астеническом и истерическом. Если душевное заболевание уже имеется, то оно может пагубно повлиять на становление менструального цикла: отодвинуть его, деформировать и т. д. Если менструальный цикл уже сформировался, то в случае появления признаков душевной болезни менструации могут вообще исчезнуть, могут появляться нерегулярно, скудно, болезненно — вариантов тут много. Шизофреники или неврозы никогда не улучшают менструальный цикл, они лишь ухудшают его либо вообще на него не влияют — и так бывает тоже. Расстройство менструаций — всегда признак нехороший, говорящий о глубине и тяжести душевного заболевания, однако твердо сказать, что тут причина, а что следствие, чаще всего невозможно.

Это как со щитовидной железой: давно известно, что женщины с увеличенной щитовидной железой (иначе тиреотоксикозом — болезнью, описанной в 1840 году немецким терапевтом Карлом Адольфом фон Базедовым) обычно нервные, раздражительны, плаксивы (не все, но большинство). Однако по сей день не известно, что здесь следствие, а что причина: то ли нервность приводит к увеличению щитовидной железы, то ли увеличенная щитовидная железа делает женщину раздражительной и слезливой.

Эпилепсия, как правило, не влияет на менструальный цикл. То же следует сказать и об олигофрении.

Среди психически больных — особенно со стажем — много толстых детей и подростков.

Почему, какое отношение излишняя полнота у детей имеет к психиатрии? — недоверчиво спросит иной читатель и по-своему будет прав, но прав только на первый взгляд.

Взаимосвязь есть: у многих толстяков имеются определенные черты характера, а некоторые психические болезни (или их лечение психотропными препаратами) могут приводить к болезненной полноте.

Очень часто причинно-следственные отношения выявить не удастся. Чаще всего дети — толстеют оттого, что много едят и мало двигаются. Много едят от безделья, от обилия вкусной пищи, от снижения самоконтроля, оттого, что чаще всего ребенок в семье единственный и его закармливают души в нем не чающие родители, бабушки и дедушки.

...Мать и отец разошлись, когда ре-

бенку не исполнилось и года. Потом мать дважды выходила замуж, детей больше не имела, оба отчима очень любили мальчика. Любили его и родители отчимов.

Отец тоже дважды женился, детей не было больше, обе жены и их родители любили мальчика.

Итак, мать, отец, две мачехи, два отчима, дюжина бабушек и дедушек — и все на одного ребенка.

Мальчику не хватало только птичьего молока. Рос капризным, вредным, уставшим от опеки, много ел, был толст и неповоротлив.

Такая полнота — проблема педагогов, а не врачей. А вот пациентам, о которых я сейчас расскажу, нужна помощь именно врача.

Десятилетняя девочка периодически толстеет: стоит ее обидеть — начинает много есть (словно вместо транквилизаторов, считает ее мать). Потом успокаивается, улучшается настроение, падает аппетит — и так до следующей обиды. В период повышенного аппетита появляются и другие невротические симптомы: плаксивость, раздражительность, плохой сон, грустное настроение и т. д.

У девочки — невроз, проявляющийся рядом признаков, в том числе повышением аппетита (невротическая гиперрекция). Что здесь надо лечить? Повышенный аппетит? Ни в коем случае. Нужно лечить невроз: успокоить, отвлечь, приободрить, внушить уверенность, силу, бодрость, способность преодолеть обиды, горести и недоразумения, поднять себя в собственных глазах. Удастся это сделать — пройдет невроз, а вместе с ним и излишняя полнота. Никакого специфического лечения невротической полноты не существует, лечат невроз, а формы его могут быть различны. В былые времена невротиков изображали тощими и мрачными. Сейчас у большинства из них избыточный вес. Иногда они толстеют катастрофически.

В 1986 году шведские врачи решили испробовать оригинальный метод лечения невротиков с ожирением: с помощью хирурга-дантиста они фиксировали нижнюю челюсть невротика, чтобы тот ел мало и только в том количестве, какое ему назначено врачом. Начальная потеря веса достигала 25 килограммов, то есть результаты поначалу были просто-напросто отлич-

вниманию педагогов и родителей

АО "НПП БУРЕВЕСТНИК"

Слухо-речевой тренажер СРТ-1-01 позволяет обучать
правильному произношению звуков речи
с коррекцией произношения
по видимым образам звуков на экране.

Широко применяется для обучения речи
детей с дефектами слуха и речевого аппарата
по методике, разработанной кафедрой сурдопедагогики
Российского государственного
педагогического университета имени Герцена.
Высокая эффективность обучения
при низкой стоимости и надежности прибора.

Адрес: 195272, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр., 68
Телефон: (812) 528-77-42 (отдел сбыта)
Факс: (812) 528-66-33

ными. А потом? Все возвращалось на круги своя. Не будешь же человека все время держать с зафиксированной челюстью. Как только им переставали фиксировать челюсть, они быстро наверстывали упущенное. Нет, это не выход из положения.

Поскольку такие больные объедались «с горя», для повышения настроения, нейтрализуя свои неприятные переживания, их надо лечить антидепрессантами, психотерапией и другими традиционными методами. Тогда будет успех — и явный, и стабильный, и надежный.

Только главное, чтобы были ликвидированы причины, приведшие ребенка к неврозу, к болезненным искажениям характера, к другим психоневрологическим расстройствам. И в возникновении и в ликвидации этих расстройств роль родителей очень велика.

В одном североамериканском университете проводили опыт по искусственному вызыванию у кроликов атеросклероза; для этого их посадили на особую диету. Почти у всех кроликов атеросклероз возникал — не было его лишь у тех, кого служитель крольчатника гладил перед кормежкой по шерстке и говорил им ласковым тоном разные приятные слова.

И животным, и людям нужно, чтобы их любили, чтобы они чувствовали, что их любят, что они кому-то нужны, что о них заботятся. Вот тогда и многих болезней не будет. Особенно в детском возрасте.

В русском языке слово любить всегда имело еще один смысл — жалеть. Всех нужно жалеть — особенно детей.

Иногда с помощью внушения и других приемов психотерапий можно уменьшить вес (обычно на недолгое время) на 20—30 килограммов. Достигается это благодаря тому, что эти женщины (такое расстройство почти всегда бывает только у женщин) страдали когда-то или страдают сейчас неврозом с гиперрексией и как что, хватаются за еду. Они привыкли много есть, ибо у них уже выработался условный рефлекс — даже если обиды незначительны и они вполне могут сами справиться со своими проблемами, такие женщины очень много едят. Поначалу это невроз, потом привычка, а затем распушенность, то есть уже не хватает воли сдерживать себя и не есть много.

Когда психотерапевт внушает такой женщине уверенность в себе, а глав-

ное, что он, психотерапевт, как бы берет ответственность за ее аппетит, ей большего и не надо: какое-то время женщина ест меньше, худеет и всюю расхваливает врача. Через две — три недели аппетит обычно возрастает...

При некоторых психических заболеваниях полнота нарастает. Особенно при некоторых формах шизофрении. С чем это связано, окончательно не ясно. В большинстве случаев это обусловлено гиподинамией: из-за болезни или из-за психотропных препаратов больные много лежат, мало двигаются, от этого и толстеют.

В некоторых случаях при шизофрении извращаются влечения и поэтому больные много едят, а потому — в сочетании с гиподинамией — быстро жиреют. В таких случаях целенаправленная фармакотерапия и психотерапия мало помогают, главное тут — больше двигаться.

Я уже упоминал о том, что психически здоровые толстякам свойственны некоторые особенности характера, хотя они не всегда отчетливо выражены и по-разному сочетаются. Не зря в народе говорят о толстяках, что их доброта и бесхитрость пропорциональны их толщине. Конечно, толстяки толстякам рознь, не все они добры, но все же добрые среди них встречаются чаще, чем злые. Особенно это заметно при особой форме инфантильности — при гипогенитализме (гипогонадизме). У этих лиц (расстройство это почти всегда встречается лишь у детей и подростков) имеется (временно!) некое недоразвитие мужских свойств — особенно в эндокринной сфере. Поэтому они рыхлы, малоподвижны, любят поболтать, потрепаться, а не заниматься делом чего-то. Из них, например, получаются хорошие болельщики, но на спортивную площадку их не загонишь. О спорте они знают все, но заставить их самих заниматься спортом невозможно.

Такие инфантилы очень любят приврать, пофантазировать, представить себя в лучшем свете, раскрасить, расцветить свои бесчисленные рассказы. Добродушные, доброжелательные, они ранимы, впечатлительны, склонны к страхам, пугливы и тревожны. Не из-за любви к еде или к вранью они попадают к врачам, а из-за невротических и других расстройств, к возникновению которых их предрасполагают инфантильные свойства психики.

Гипогенитализм — явление временное. Обычно к 18—20 годам он прохо-

дит сам по себе, без всякого лечения. Но лучше, конечно, лечить, только в чем заключается это лечение? Фактически это не лечение, а соблюдение некоторых советов общего характера. Таким детям нужно меньше пить воды, меньше употреблять в пищу острые, кислые, сладкие блюда, дабы не усиливать жажду (есть так можно выразиться, они толсты не столько оттого, что переполнены мясом и жиром, сколько от перенасыщения их клеток жидкостью). Им нужно больше двигаться, заниматься плаванием и другими видами спорта, при которых будет меньше возможности удариться головой (им всем следует очень беречь голову — впрочем, всем детям без исключения).

Манфрет Блейлер (сын выдающегося психиатра Э. Блейлера) выделил специальный психоэндокринный синдром, который встречается при самых разнообразных эндокринных расстройствах. То есть эндокринные болезни разные, а психические изменения примерно одинаковые. Проявляются они в виде заметной психической инертности, вялости, тугодумии, плаксивости. Могут быть и стойкие нарушения настроения, слабость побуждений, медлительность, неактивность, а также нарушение влечений — последнее проявляется в поджогах, побегах из дома и т. д. Если при шизофрении притормаживается эндокринная система, то немедля приходит мысль: а не подстимулировать ли эндокринную сферу? Глядишь, и душевная болезнь пройдет?

Вся беда в том, что нынешняя эндокринология столь же мало развита, как и детская психиатрия. Эндокринологи (как и детские психиатры) много знают, но мало умеют. Психиатрическая эндокринология делает лишь первые шаги. Со временем — тут у меня сомнений нет — она научится активно вмешиваться в лечение детей и подростков с душевной патологией. А пока не будем торопиться — до тех пор, пока врачи не убедятся в безвредности предлагаемых ими методов.

Михаил Иванович Буянов, кандидат медицинских наук; автор многих книг и публикаций, посвященных психическому здоровью ребенка.

Светлый праздник

Никто не станет отрицать, что есть в новогоднем празднике какая-то тайна, что-то от волшебной сказки: чарующий запах хвои, огоньки свечей, смутное волнение от ожидания чего-то необыкновенного и непременно хорошего, радостного.

А Рождество? К сожалению, этот светлый праздник, который отмечают во всем мире, у нас был забыт. Только дедушки и бабушки ходили в предрождественский сочельник в церковь и

наедине с собой вспоминали детские годы, когда этот день праздновался во всех семьях — богатых и бедных.

Теперь праздник Рождества Христова узаконен, если можно так сказать, и у нас. Но что печально, вышло так, что мы и не знаем, как его надо отмечать, а тех, кто знал, почти уже и не осталось.

Конечно, традиции празднования Рождества, очень крепкие и яркие в других странах, кое в чем могут помочь, но для нас важно, как именно в России проходил этот праздник, чтобы обычаи наших предков не исчезли безвозвратно, чтобы год от года празднование Рождества Христова приобретало все большее значение.

К счастью, русские писатели оставили нам воспоминания, которые помогают почувствовать атмосферу того времени, воссоздать картины русского быта. Из этих книг можно почерпнуть многое, что позволит нам возродить этот светлый праздник.

Вот как вспоминает рождественский сочельник русский писатель Иван Шмелев в своем «Лете Господне»: «В Кремле ударят,— древний звон, стеной, с глухотой. А то — тугое серебро, как бархат звонный. И все запело, тысяча церквей играет... перезвону нет, а стелет звоном, кроет серебром, как пенье, без конца — начала... — гул и гул».

Тем, кто не читал этого прекрасного произведения, мы настоятельно советуем прочесть эти проникновенные воспоминания, где старый русский быт предстает перед нами через трепетно отзывчивую душу ребенка.

Память детства — самая благодарная: первая елка и подарок Деда Мороза под ней, первый день рождения с необыкновенным именинным пирогом со свечами остаются в памяти на всю жизнь.

Какой будет эта память детства у наших детей, зависит от нас родителей. Так что не пожалеем времени, отодвинем в сторону повседневные заботы и будем готовиться к празднику.

Ёлка в доме

Мы не раз давали советы, как заменить елку еловыми ветками и что лучше и практичнее настоящей елки искусственная. Сегодня позволим себе дать рекомендации, как нарядить лесную гостью у себя дома. И делаем это не потому, что нас уже не волнует судьба русского леса, а потому, что считаем, что так же, как выращивают скот, чтобы обеспечить едой население, можно специально выращивать хвойные деревья для всеми любимого праздника, где самый главный атрибут именно елка. Кстати, это было бы важно и в экономическом, и в социальном плане: имеется в виду проблема занятости и бизнеса.

Будем считать, что елка куплена. Если до праздника еще далеко, держать ее надо на холо-

де и в комнату внести только за один-два дня до праздника.

Комель дерева нужно очистить от коры и поставить елку в ведро с водой или песком. В воду хорошо бы добавить 2—3 столовые ложки глицерина, чтобы хвоя дольше не осыпалась. Прежде всего на елку повесим электрогирлянду. И пока нет игрушек, проще протянуть проводки, чтобы они не оказались на виду, и сразу будет заметно, если рядом вдруг очутились лампочки одного цвета.

Самые нарядные эффектные украшения вешают на видном месте, тоже следя за тем, чтобы рядом не оказались одинаковые игрушки или украшения одного цвета.

Игрушки лучше подвешивать на проволочных крючках, а не

на нитках, так их можно распределять не только на краях веток, но и ближе к стволу.

Если покупные крючки куда-то подевались, можно использовать канцелярские скрепки.

Флажки и мишуру на елку лучше не вешать, а украсить ими комнату, протянув от стены к стене. На елке будут уместны тонкие нити дождя, да и то только тогда, когда игрушек мало. А то бывает так увешают елку, что и веток не видно.

Можно попробовать отказаться от привычных разнообразных игрушек, если вы только начинаете собирать елочные украшения. Купите 15—20 одинаковых шариков или игрушек, а в тон к ним капроновую или атласную ленту, и украсьте елку еще и бантами — увидите, результат

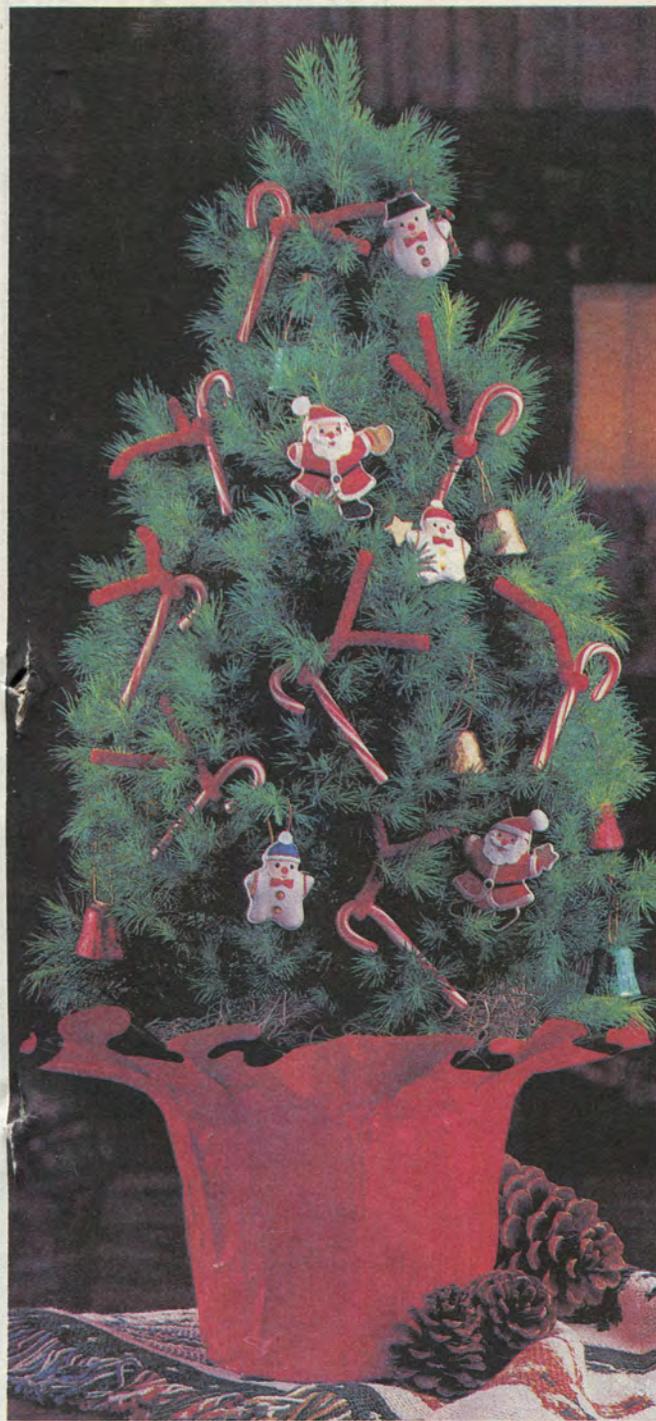
превзойдет все ожидания. Елка будет выглядеть очень современно и изумит всех.

К сожалению, ушел в прошлое обычай вешать на елку яблоки, орехи, мандарины, сладости.

А ведь сейчас, когда в продаже так много всевозможных конфет и фруктов, елка, украшенная ими, для многих малышей была бы гораздо желаннее, чем наряженная самыми необыкновенными игрушками.

И так было во все времена. Что в первую очередь оставалось в детской памяти?

«Румяные яблочки, мятные и вяземские пряники, подвешенные на нитках, а в бомбоньерках шоколадные пуговки, обсыпанные розовыми и белыми сахарными крупинками, — до че-

го все это было вкусно именно на рождественской елке!» Это вспоминает художник Мстислав Добужинский. А это Александр Вертинский:

«Сначала вешали на елку крымские румяные яблочки, потом апельсины и мандарины на красных гарусных нитках, потом золотые и серебряные оре-

хи, потом хлоплушки, потом конфеты и пряники — все по порядку... Ночью, когда все засыпали, я тихонько вставал и таскал апельсины, конфеты и пряники, которые и съедал тут же, вынимая из-под подушки»...

Может быть, стоит вернуть эту добрую русскую традицию — пряник на елке?

И ангел по небу летит

Раньше без ангелов не обходилось ни одно Рождество. Вспомним у Блока:

*На разукрашенную елку
И на играющих детей
Сусальный ангел смотрит вщелку
Закрытых наглухо дверей.*

Продавались ангелочки из фарфора, воска, сахара, ваты и толя, шелка и кружев, из бумаги и блесток.

Мы привыкли к тому, что верхушку новогодней елки традиционно венчает пятиконечная звезда, а ведь существует поверье, чтобы Новый год был счастливым и удачным, на верхушке елки обязательно должен быть ангел. Видите, как много зависит от этого нежного существа.

Так что и у нас на празднике непременно должны быть ангелы.

Поскольку купить ангела скорее всего не удастся, придется сделать самим.

Можно взять небольшого пупсика, сшить ему из белой, розовой или голубой легкой ткани длинное одеяние, на голову прикрепить нимб из белой бумаги, раскрасив его золоченой краской и приклеив блестки. Крылышки сделать из толя или капрона, придав им жесткость крахмалом или крепким раствором сахара.

Можно вырезать ангела из фольги, наклеить на картон и затем раскрасить гуашью. Волосы должны быть непременно белокорые.

По нашему рисунку можно сделать различные шаблоны: и для украшения комнаты, и чтобы наклеить на окно, и для того, чтобы по нему вырезать пряники.

Бабочка из прошлого века

Как вы относитесь к самодельным игрушкам? Нет, мы не будем давать рекомендации, как и из чего их мастерить. Если захотеть, фантазия подскажет множество идей. Мы хотим напомнить родителям, что это прекрасная возможность провести несколько дней и вечеров в кругу семьи в общении со своими детьми. Это еще одна прекрасная традиция, связанная с елкой, еще одна из примет наступающего праздника.

В дореволюционном «Журнале для хозяек» есть описание такого приготовления к Рождеству:

«В столовой, над обеденным столом горит лампа, здесь соединились дружной семейкой все домашние... С каким интересом темные и русые головки склоняются над своей работой, а проворные ручки клеят, раскрашивают, золотят различные елочные украшения. Сколько смеха, сколько шуток...»

А вот как вспоминает об этом художник Добужинский: «Многие елочные украшения мы с папой (Валериан Петрович Добужинский — генерал-лейтенант артиллерии. — Ред.) готовили сами: золотили и серебрили грецкие орехи (тоненькое листовое золото постоянно липло к пальцам), резали из цветной бумаги корзиночки для конфет и клеили разноцветные бумаж-

ные цепи, которыми обматывалась елка...»

Наверняка готовых елочных украшений в этой семье было предостаточно.

Вот она, память детства!

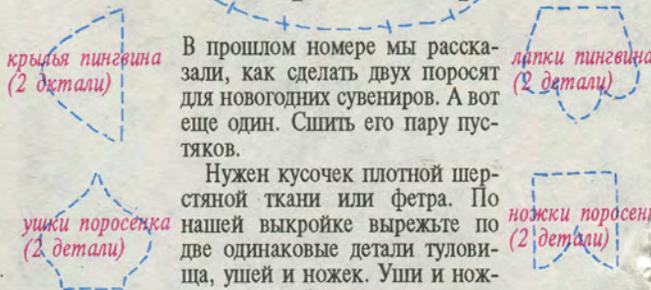
Поскольку мы обратились к воспоминаниям, отдадим дань старой традиции и сделаем бабочку по описанию одного детского журнала прошлого века.

«Красивым украшением для елки служит пестрая бабочка: вырезать из картона фигуру 1; обтянуть ее каким-нибудь шелковым ярким лоскуточком, обвить серебряными нитками, вместо «глазков» на нижней части фигуры прикрепить блестящие бусинки, которые тоже обложить блестящей серебряной ниткой; затем выкроить фигуру 3, обтянуть и ее красным или желтым шелком, вместо «глазков» насажать бусинки. Тельце бабочки — на фигуре 2 сделать из ватки и обтянуть полосатым шелком, вместо глаз поставить две черные бисеринки, усики соорудить из тонкой проволоочки и обмотать черным шелком. Затем — скрепить все готовые части вместе, пришить шелковинку подвески, и бабочка может вспорхнуть на елку».

Думаем, что такая бабочка будет прелестным подарком к Новому году.

А вот и третий поросёнок

В прошлом номере мы рассказали, как сделать двух поросят для новогодних сувениров. А вот еще один. Сшить его пару пустяков.

Нужен кусочек плотной шерстяной ткани или фетра. По нашей выкройке вырежьте по две одинаковые детали туловища, ушей и ножек. Уши и ножки нужно обстрочить по краю. Затем совместить обе детали туловища, вставить между ними уши и ножки, и прострочить по периметру, оставляя отверстие около одной ноги. Через это отверстие игрушку набить ватой, а затем его зашить.

Пятачок, глаза и бантик сделать из подходящей ткани и приклеить универсальным клеем.

По этой выкройке можно сделать и другие игрушки, например пингвина или лягушонка.

Предрождественский календарь

В Германии существует обычай за месяц до «священной ночи», когда родился Христос, ставить в домах хвойный венок с четырьмя свечами, которые по одной зажигают в воскресенье и собираются в эти дни всей семьей.

Для детей, чтобы скоротать им дни ожидания праздника, родители покупают или делают сами рождественские, адвентские календари («адвент» — в переводе с латинского языка означает «пришествие») с 24 предрождественскими днями.

Каждый день в адвентском календаре открывается по одной дверке, за которой спрятана игрушка или шоколадка. Делается календарь и в виде панно, на котором прибиты 24 гвоздика, а за каждым гвоздике мешочек, а в каждом мешочке небольшой подарок.

Думаем, что нашим ребятишкам идея предрождественского календаря пришлась бы по душе. Еще есть время до Рождества, давайте доставим им такую радость.

Таинственный свет свечи

Возможно, папы, которые любят мастерить, вдохновятся и сделают такой вот новогодний подсвечник.

Вкусное печенье для любимого праздника

Давайте научимся делать и такое печенье.

Кофейно-ореховые полумесяцы

200 г муки, 150 г сливочного масла, 75 г сахарного песка, 2 желтка, 1 чайная ложка растворимого кофе, 1 чайная ложка разрыхлителя (без горки) или треть чайной ложки соды, погашенной соком апельсина, сок и размельченная цедра одного апельсина, 50 г очищенных и размельченных орехов.

Размягченное масло взбить, постепенно подмешивая сахар и желтки. Добавить кофе, цедру и

сок, всыпать просеянную муку с разрыхлителем, орехи и замесить тесто. Затем тесто завернуть в лист полиэтиленовой пленки и оставить в холодильнике на 2 часа. После тесто раскатать толщиной 3–5 мм прямо в полиэтилене, поскольку оно очень липнет. Затем формочкой или обычным стаканом вырезать полумесяцы и выложить на противень. Если вы хотите подвешивать печенье к венку или на елку, сразу же, до выпечки, сделайте дырки. Духовку надо предварительно разогреть до 180 градусов и выпекать печенье минут 10.

Готовое печенье, когда оно

остынет, украсить. Для этого 75 г сахарной пудры смешать с двумя столовыми ложками концентрированного молока и половиной чайной ложки растворимого кофе и полученной массой обмазать печенье. Сверху посыпать тертыми орехами и шоколадной стружкой.

Марципановые сердечки

150 г муки, 100 г сливочного масла, 75 г сахарного песка, половина неполной чайной ложки разрыхлителя (или соды на кончике ножа), 1 чайная ложка молотого имбиря, 150 г марципановой массы.

Сначала приготовим марципановую массу. Для этого накануне обдать кипятком 80 г чищенного миндаля, просушить его и пропустить через мясорубку с мелкой решеткой. Затем всыпать в миндаль 60 г сахарной пудры, добавить 1 чайную ложку

ликера и половину сырого яичного белка. Все хорошо перемешать и поставить на сутки в холодильник.

Размягченное масло растереть с сахаром и соединить с марципановой массой. Затем добавить просеянную муку, смешанную с разрыхлителем, и замесить тесто. Тесто, завернутое в полиэтиленовую пленку, положить на 2 часа в холодильник. Потом раскатать его в полиэтилене пластом в 5 мм, вырезать сердечки и выпекать в духовке, предварительно разогретой до 180 градусов, 8–10 минут.

Остывшее печенье украсим. Для этого подогреем 100 г любого конфитора и обмажем им печенье. Затем 75 г сахарной пудры смешаем с 2 столовыми ложками концентрированного молока.

Разделим глазурь на две части и одну из них подкрасим каким-нибудь пищевым красителем.

Если его нет, можно добавить в глазурь свекольного сока.

Поверх конфитюра сердечки намажьте глазурью — одни белой, другие цветной. На еще влажную глазурь нанесите глазурь другого цвета — на розовую белую, на белую розовую — и пока она не застыла, тоненькой палочкой или спичкой сделайте разводы.

Ореховый поросенок

175 г муки, 150 г сливочного масла или маргарина, 100 г сахарного песка, 100 г орехов, 1 неполная чайная ложка разрыхлителя (или треть чайной ложки соды), 1 пакетик ванильного сахара, 2 столовые ложки рома, 2 столовые ложки концентрированного молока.

Орехи обжарить, очистить от скорлупы и смолоть. Соединить их с просеянной мукой и разрыхлителем, сахарным песком и

порубленным маслом. Добавить ванильный сахар, ром, концентрированное молоко. Замесить тесто и поставить его на 2 часа в холодильник.

Потом тесто раскатать на посыпанном мукой столе в пласт толщиной 3–5 мм.

Круглую формочку слегка сдавить с одной стороны, вырезать печенье и печь в разогретой до 200 градусов духовке около 8–10 минут.

Когда печенье остынет, с помощью пергаментного корнетика нарисовать глазурью контур поросенка с ушками и ножками, с глазками и пятячком.

Какое Рождество без пряников

Почти ювелирная работа — сделать рождественский пряничный домик, напоминающий избушку из сказки братьев Grimm. Может, попробуем?

Для приготовления пряничного теста надо взять 450 г муки, 75 г сахарного песка, 250 г меда, 25 г сливочного масла или маргарина, 1 яйцо, 2 чайные ложки разрыхлителя (или половину чайной ложки соды), по половине чайной ложки мелко растертых корицы, гвоздики, кардамона, мускатного ореха, кориандра, имбиря (при желании пряностей можно взять по одной чайной ложке).

Если хотите, добавьте еще полстакана чищенных жареных

рубленых орехов, размельченную цедру от лимона и апельсина, ваниль.

Мед, сахар, масло и пряности подогреть на слабом огне в небольшой кастрюльке, все время помешивая.

Просеянную муку с разрыхлителем или содой высыпать в миску и добавить в нее, слегка охлажденную медовую массу и яйцо. Замесить тесто. Оно должно быть не крутым, пластичным, не очень прилипать к столу и рукам.

Если тесто получится крутое, можно прибавить немного воды. Мягкое тесто можно поставить на ночь в холодное место, предварительно накрыв его, и выпекать пряники на следующий день.

Готовое тесто раскатать на посыпанной мукой поверхности в пласт толщиной 5–8 мм.

Для фигурок пласт должен быть в 5 мм, для деталей пряничного домика в 8 мм.

По нашим рисункам сделайте из кальки шаблоны и вырежьте по ним из теста фигурки сказочных персонажей, а также стены и крышу домика.

Обрезки теста, оставшиеся после этого, вымесите и раскатайте в ровный пласт — это будет подставка для композиции.

Теперь противень надо смазать жиром, разложить на нем все пряничные фигурки и выпекать в духовке при температуре 180 градусов около 15 минут.

Для нанесения рисунка нужно приготовить глазурь.

Просеянную через мелкое сито сахарную пудру (1,5 стакана) всыпать в чистую сухую фарфоровую или эмалированную посуду (малейшее присутствие жира не позволит взбить массу), добавить охлажденные белки от двух яиц (отделить нужно осторожно, чтобы не было примеси желтка) и взбить пышную массу. Чтобы масса стала более пластичной можно добавить 3–5 капель лимонного сока.

При желании в глазурь можно добавить готовые пищевые красители или окрашивать массу овощными и фруктовыми соками.

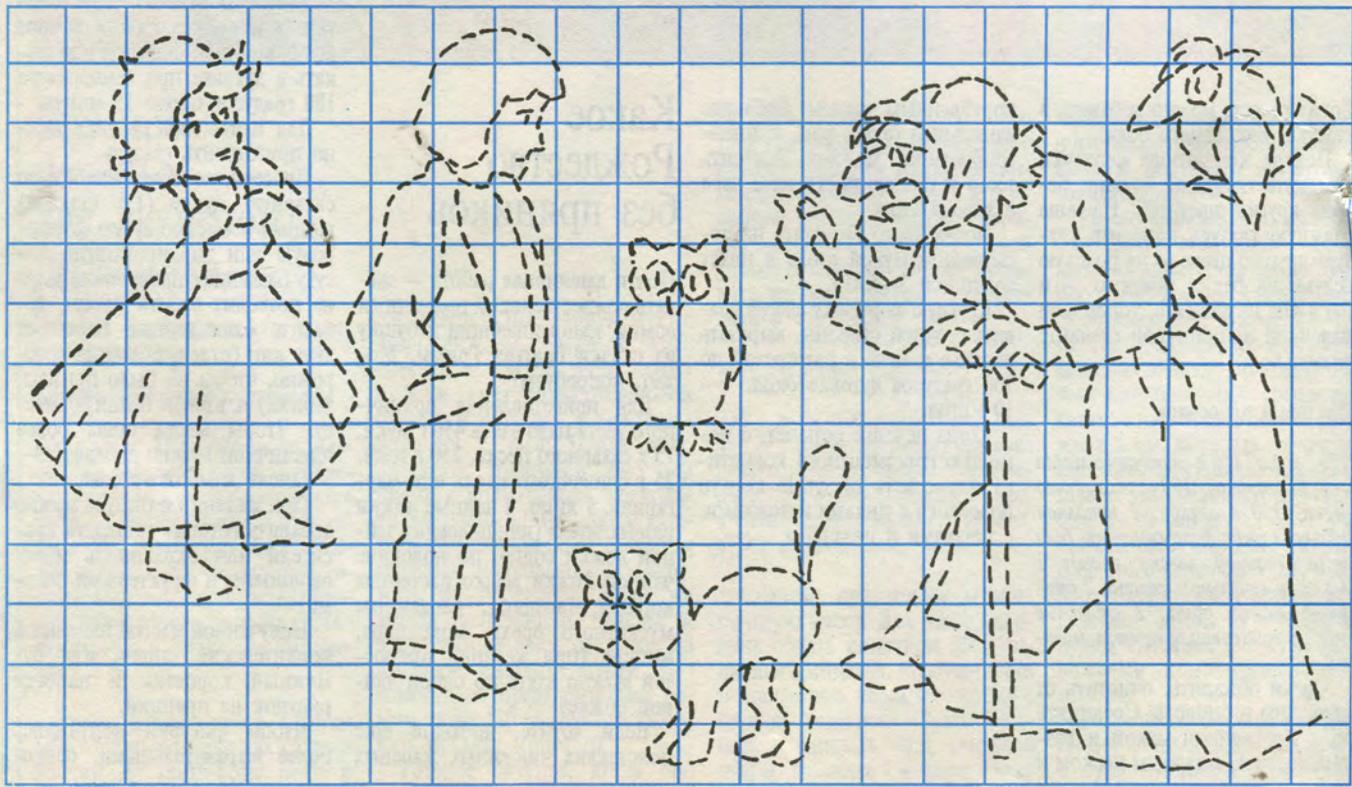
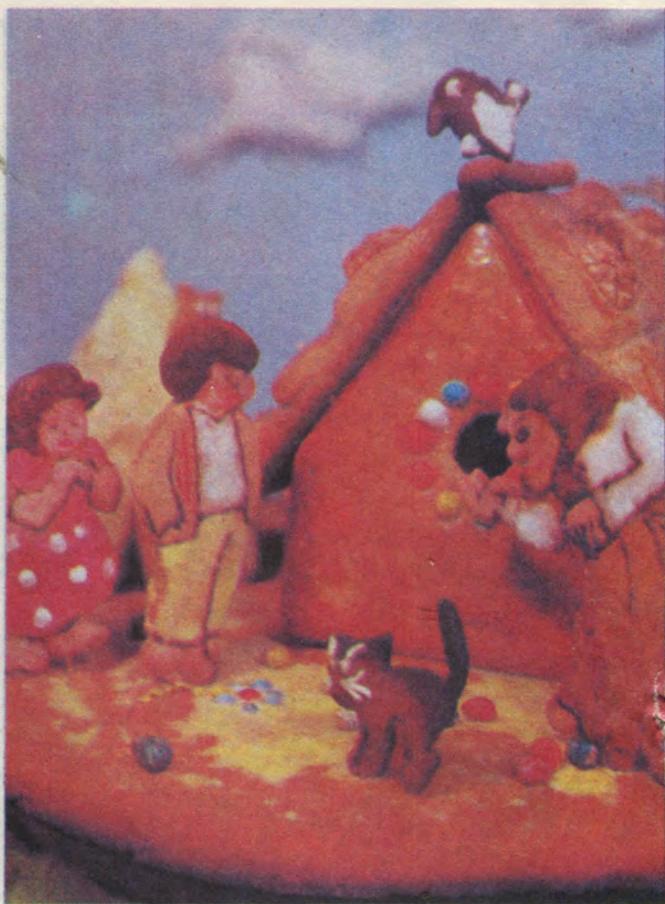
Полученной массой наполнить кондитерский шприц или бумажный корнетик и нанести рисунок на пряники.

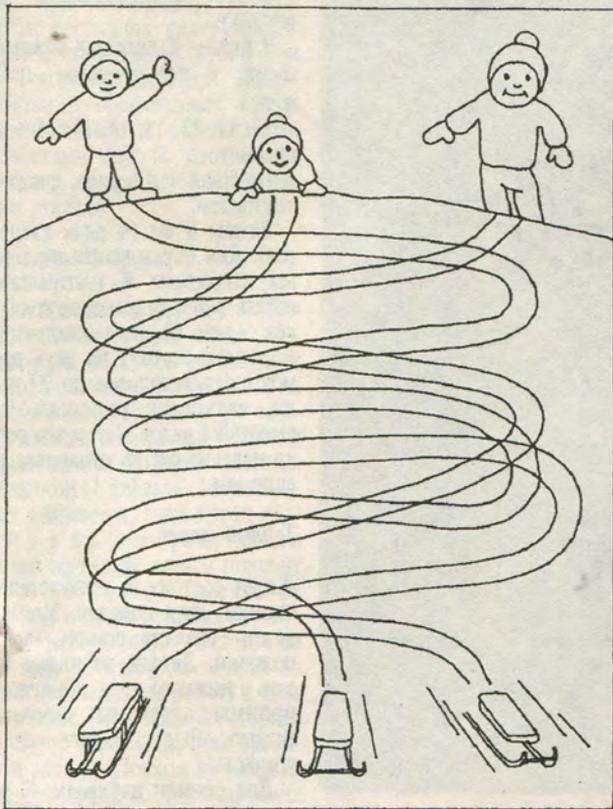
Чтобы фигурки получились более выразительными, белко-

вой массой надо нарисовать их контуры, лица, детали одежды. Противень с разрисованными пряничными изделиями поставить ненадолго в нежаркую духовку (80–100 градусов). Стены и крышу домика будем скреплять белковой массой. Для того чтобы конструкция получилась более надежной, можно исполь-

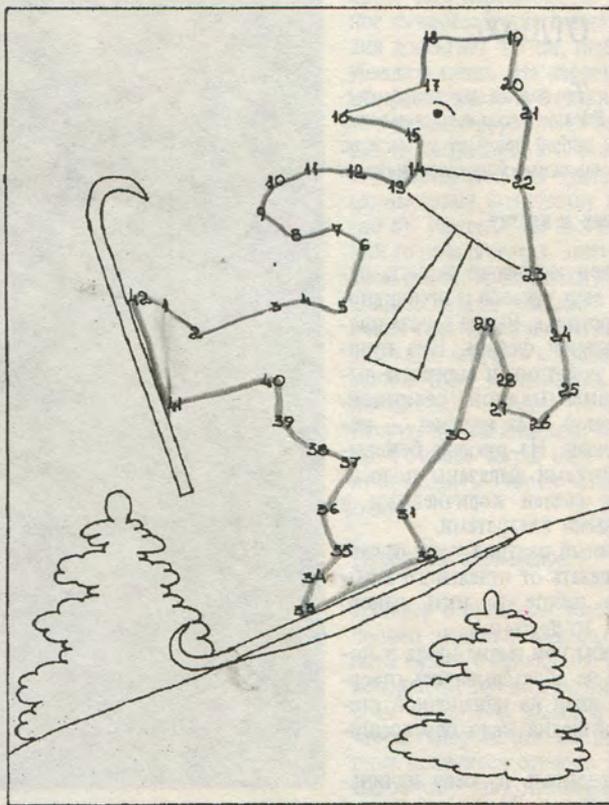
зовать кусочки спичек (естественно без головок). Фигурки к подставке крепить можно также с помощью спичек.

Для украшения пряничного домика возьмите печенье, мармелад, ириски, монпасье, карамельную крошку, шоколад, орехи. Приклеивайте с помощью белковой массы.

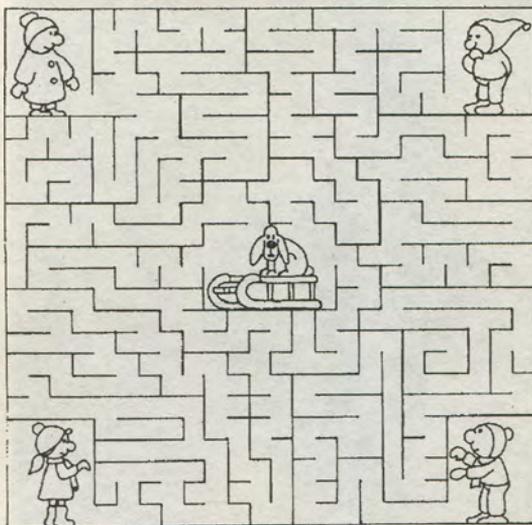

Чьи санки?
Установи это,
не прибегая к помощи
карандаша или палочки,
только взглядом!

Страницу подготовила Светлана Гнездилова

Приключения Пузи:
наряжал елку,
а нарядил себя

Соедини цифры
по порядку —
узнаешь, что тут
еще нарисовано

Кто из них сумеет
добраться до санок?

На отдыхе

Зима. На солнце искрится снежок. Вдоль опушки вьется лыжня. Барби любит прогулку на лыжах. И не страшны ей никакие морозы!

Пуловер в клетку

Пуловер состоит из спинки, переда, двух рукавов и пришитого воротника. Вырез ворота прямоугольной формы. Низ пуловера, воротник и манжеты выполнены мелкой резинкой. Основной цвет изделия — коричневый. На рукавах бежевыми нитками вывязаны полосы. Перед связан коричневыми и бежевыми квадратами.

Каждый цветной участок следует вязать от отдельного клубка, в работе то нить одного цвета, то другого.

Чтобы при смене цвета в полотне не образовывались отверстия, нити на изнаночной стороне изделия надо перекрещивать.

Вывязывать пуловер начинаем с рукавов. Рукава сужаются к резинке при постепенном убавлении петель. Набираем на спицы 32 петли. Вяжем 10 рядов коричневыми нитками, потом бежевыми нитками надо провязать 4 ряда. Следующие 4 ряда вяжем нитками коричневого цвета. 4 ряда — нитками бежевого цвета. Затем 2 ряда выполняем нитками коричневого цвета. Манжеты (18 петель) вывязываем резинкой 1х1 коричневыми нитками (8 рядов). Затем так же свяжем второй рукав. Если спицы достаточно длинные, можно вывязывать сразу оба рукава от двух разных клубков.

Спинку начинаем вязать с нижнего края резинки коричневыми нитками. Набираем 40 петель, 8 рядов — резинка 1х1. Далее чулочная гладь. Вяжем без убавок и прибавок 6 см. Чтобы сделать застежку, петли делим пополам. Продолжаем вязать от двух клубков (4 см). Спинка готова. Все петли закрываем.

Для переда на спицы набираем 40 петель коричневыми нитками. 8 рядов — резинкой 1х1. После резинки вяжем так:

1 ряд — 8 лицевых петель

коричневыми нитками, 8 лицевых бежевыми и т. д.,

2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 ряды — по рисунку,

9 ряд — 8 лицевых бежевого цвета, 8 коричневого цвета и т. д.

10, 11, 12, 13, 14, 15, 16 — по рисунку.

Начиная с 17 ряда, рисунок повторяем.

Вяжем 6 см (4 ряда квадратов). Для образования горловины закрываем 8 центральных петель, затем вяжем от двух клубков 4 см (3 ряда квадратов). Воротник состоит из двух прямоугольных полосок по 22 петли, связанных резинкой 1х1, высотой 8 рядов. Затем все детали изделия слегка отпариваем и сшиваем.

Теплый жилет

Жилет состоит из трех деталей: спинки, двух полочек. Удобнее вязать сначала спинку, затем полочки. Детали начинаем вязать с нижнего края. Полочки и проймы отделаны чулочной гладью. Вырез ворота сделан уголком.

Для спинки набираем 40 петель нитками светло-зеленого цвета, 8 рядов — резинка 1х1. Далее 11 см чулочной вязкой. Ширина спинки не меняется. Петли закрываем. Правую полочку (18 петель) вяжем, начиная с резинки 1х1 — 8 рядов, по окончании резинки переходим к вывязыванию полочек узором — цветные прямоугольники, используя темно-зеленые и светло-зеленые нитки.

1 ряд — 6 лицевых петель светло-зелеными нитками, 6 темно-зелеными, 6 светло-зелеными,

2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 ряды — по рисунку,

9 ряд — 6 лицевых темно-зелеными, 6 светло-зелеными, 6 темно-зелеными,

10, 11, 12, 13, 14, 15, 16 ряды — по рисунку.

С 17 ряда рисунок повторяем.

Так вяжем 6 см. После делаем убавки для выреза ворота уголком, провязывая 2 петли вместе около планки в каждом лицевом ряду. Оставшиеся 6 петель по линии плеча закрываем. Аналогично вывязываем левую полочку.

Готовые детали отпариваем, сшиваем по плечевым линиям.

Отделочные полоски пройм и ворота вывязаны шириной 6 рядов. При закреплении полосок петли последних рядов провязываем свободными, чтобы они не стягивали изделие. Законченные и соединенные плечевыми швами и отделочными полосками детали сшиваем в боках и отпариваем швы горячим утюгом.

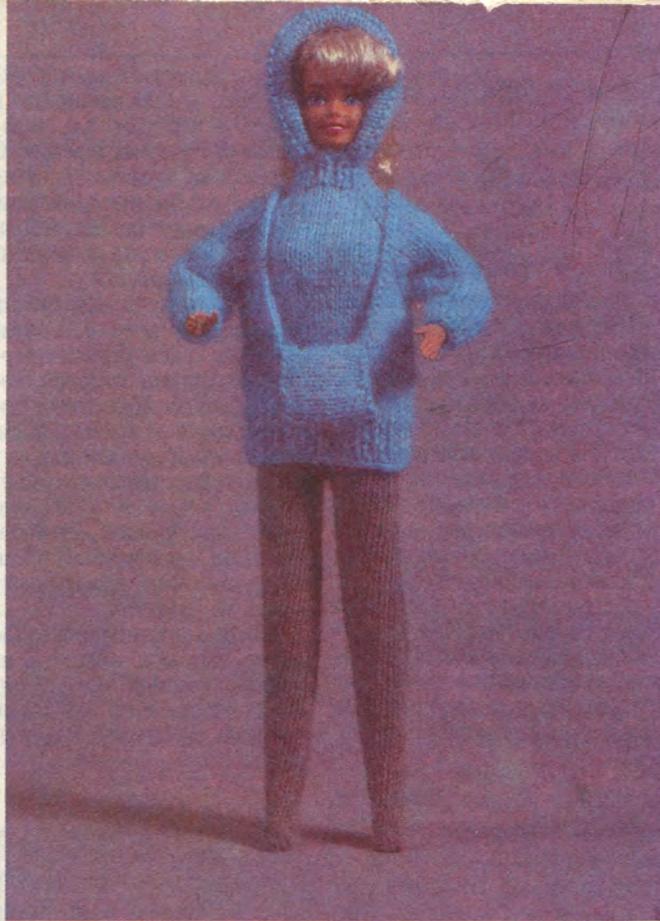
Спортивные брюки

Брюки вяжутся без швов. Для этого возьмем пять спиц с открытыми концами: на четырех располагаются петли, а пятой их провязывают. Сложив две спицы вместе, набираем 64 петли и провязываем 6 рядов двойной резинкой (1 лицевая, 1 изнаночная снимается, нить перед петлей и т. д.). Затем распределяем петли на четыре спицы поровну — по 16 петель. Вязание на первой и второй спицах образует левую брючину, а полотно на третьей и четвертой спицах — правую. Замыкаем работу в круг и вяжем по внешней стороне круга по часовой стрелке чулочной вязкой. Поскольку вязание идет по кругу, то для получения чулочной глади не надо чередовать изнаночные и лицевые ряды. Вяжем одними лицевыми. Провязав 3 см, петли с третьей и четвертой спицы переснимаем на булавку.

Для ластовицы набираем рабочей нитью 6 воздушных петель, которые в последующих рядах убавляем по 2 петли вместе с обеих сторон внутри прибавленного клина. Вяжем по кругу. Когда общее число петель на спицах станет равным первоначальному (32) приступаем к вывязыванию левой брючины. Связав нужную длину, заканчиваем вязание резинкой 1x1 — 10 рядов. Открытые петли для правой брючины переснимаем с булавки на спицы, над набранными петлями набираем 6 петель для ластовицы и вяжем аналогично.

Гетры

Гетры имеют трубчатую форму. На 2 сложенные вместе спицы набираем 27 петель. Одну спицу вынимаем и провязываем один ряд резинкой 1x1. Для удобства вязания распределяем все петли на 3 спицы (по 9 петель). Работа

пойдет по кругу.

Вяжем 6 рядов резинкой 1x1, после чего переходим на чулочное вязание. Когда длина изделия достигнет 4,5 см, начинаем убавлять петли. На первой спице провязываем по 2 петли вместе в каждом круге, пока на спицах не окажется 18 петель.

Распределяем на спицах по одинаковому количеству петель (по 6). Вяжем 3 см без убавлений до начала мыска. Затем убавляем петли, провязывая в конце каждой спицы лицевой по 2 петли вместе. Оставшиеся 3 петли нужно затянуть концом оборванной нити и закрепить ее на изнаночной стороне вязания. Вторую деталь вяжем аналогично. Готовые гетры надо слегка приутюжить через влажную ткань.

Пуловер с капюшоном

Пуловер с рукавами реглан выполнен чулочной гладью. Начинаем вязать с капюшона. Вяжем небольшой прямоугольник, набрав 40 петель, высотой 5 см, чтобы спереди по окружности лица получился отворот. По замылочному шву прямоугольник не сшиваем. Снизу набираем 28 петель и вяжем 4 ряда резинкой 1x1. Петли распределяются так: 8 петель (по 4) на спинку, 10 петель на перед, по 3 петли на рукава и по 1 петле на четыре полоски-реглан. Расширять пуловер будем с помощью накидов, пока линии реглана не станут равны 4,5 см. После чего перейдем к вязанию рукавов, спинки и переда до нужной длины. Манжеты и низ пуловера связаны резинкой 1x1.

Колготки

Начало вязания такое же, как и спортивных брюк: на 2 сложенные вместе спицы набираем 56 петель и провязываем 6 рядов двойной резинкой. Распределяем петли на четыре спицы по 14. Вязание на первой и второй спицах образует левую часть колготок, а на третьей и четвертой — правую. Вяжем по кругу, вывязывание ластовицы такое же, как в брюках. К мыску петли убавляем равномерно. Заканчивают вязание как в гетрах.

А. Герасина

Не мёртвый сезон

Казалось бы уже глубокая осень, можно было бы и отдохнуть, но и сейчас у садоводов есть неотложные дела.

Наиболее опасны в это время морозы, наступающие до появления устойчивого снежного покрова. В этом случае самое главное — предохранить корни от заморозков. Если вы не сделали этого раньше, то сейчас, не откладывая, прикройте приствольные круги деревьев торфом, навозом или просто землей.

Чтобы предохранить дерево от мороза, обвязывают ствол мешковиной, крафтбумагой. Подойдут для этого и газеты. Чтобы их не растрепал ветер, сверху

хорошенько обмотайте шпагатом.

Не забудьте снять с деревьев ловчие пояса. В них устроились на зимовку различные вредители. Ловчие пояса нужно сжечь, если они из бумаги, а если из мешковины, то прокипятить и спрятать до будущего года.

Обязательно снимите с деревьев оставшиеся листья, иначе выпавший снег налипнет на них и может поломать ветви и даже расщепить стволы.

Постарайтесь до выпадения снега стянуть шпагатом декоративные хвойные кустарники — тую, можжевельник, чтобы снег не задерживался на ветках и не растягивал их в разные стороны.

Когда выпадет и прочно ляжет снег, можно приступать к заготовке черенков для прививки плодовых деревьев. С этим не надо затягивать, потому что вот-вот начнутся сильные морозы и может так получиться, что вы нарежете уже поврежденные морозом черенки.

С каждого сорта надо срезать по несколько побегов. На верхней части кроны делайте с верхней южной или западной стороны. Наиболее подходящий размер черенков — от 15 до 40 см. Если побеги будут длиннее — у них могут быть недостаточно вызревшие почки. А у тех, что короче, как правило, слишком маленькие междоузлия. И в том, и в другом случае черенки могут весной не прижиться.

Побеги с каждого дерева надо связать вместе и надписать на этикетке название сорта. Этикетка должна быть из такого материала, чтобы под снегом над-

пись сохранилась. Многие садоводы используют для этих целей пустой тюбик от зубной пасты. Разрежьте ножницами и на блестящей внутренней стороне острым предметом сделайте необходимые надписи. Этикетку прикрепите тонкой провололочкой.

Черенки укутайте в мешковину и оберните ее мелкой металлической сеткой, чтобы до них не добрались грызуны. Закопайте черенки с северной стороны дома: весной там дольше сохранится влага. Периодически в этом месте пригaitывайте снег.

Хранить заготовленные черенки в холодильнике нельзя: они потеряют влагу и будут непригодны.

Сказки о Барби

Людмила Петрушевская

Барби и волшебный телевизор Валькирии

Мы уже рассказывали о том, как старый скрипичный мастер Амати, живущий в волшебном дворце в Гималаях, творил людям добро.

Мало того что он делал все скрипки, виолончели и гитары мира, даже те, которые продавались потом с маркой «г. Калуга, мебельная фабрика».

Он и их делал волшебными: когда они попадали в хорошие руки, то пели от радости.

Кроме того, мастер Амати еще и покупал множество игрушек, вдыхал в них душу и отправлял на помощь людям.

Так он послал в мир волшебную куклу Барби Машу.

Только один раз он, наоборот, прихватил с собой в Гималаи одну особу по имени Валька.

Это была душещипательная история.

Когда-то мастер Амати спас новорожденного крысенка, выброшенного матерью-крысой из гнезда.

Чтобы больше не заниматься этим делом, он решил проблему раз и навсегда, как ему казалось: превратил крысенка в ребенка и отдал хорошим людям на воспитание.

Однако через двадцать лет, спустившись с Гималаев, он вынужден был забрать свое создание в заоблачный дворец и там заново учить умразуму, потому что Валька не оправдала надежд, вела себя плохо и даже, родив ребеночка, положила его в помойный контейнер у всех на виду.

То есть поступила так же, как ее настоящая мать крыса.

Чтобы Валька больше ничего не натворила, мастер Амати много лет держал Вальку при себе,

сделал ее образцовой секретаршей, похожей на куклу Барби один к одному, только в очках, диктовал ей свои труды и надеялся, что избавил мир от такого сокровища.

Но лихая Валька, многому научившись от мастера, однажды сбежала от него туда, откуда была взята, в город Москву.

Там-то она и нашла себе помощника, бывшего младшего дворника Эдика.

Она подарила ему телевизор с сорока экранами.

Вечером Валькирия, сидя перед ящиком телевизора, внезапно увидела жутко знакомое лицо.

На экране переливался огоньками прекрасный дом с роялем, резными креслами и свечами, и в кресле сидела просто принцесса!

Потом показали редакторшу телевидения, морда так себе.

Она красиво говорила о домашних мастерах, которые сами для себя строят кто самолет, кто мартеновскую печь, а кто кукольный домик.

Она приглашала телезрителей звонить и сообщать, какому мастеру надо присудить победу.

А вот кто сидел в кресле кукольного дома, кто смотрел такими красивыми глазами с экрана, причем не моргая и не шевелясь?

Бывшая крыса Валька, а ныне волшебница Валькирия, глядя в телевизор, морщилась, чесалась, кряхтела, сосала сухую хлебную корку (в данной корочке, как мы знаем, содержалось пятнадцать украденных томов книги Амати «Несколько секретов для добрых волшебников») — и наконец вспомнила!

Это была Барби Маша, заколдованная кукла мастера Амати, его любимое творение.

— Так-так! Девочка из дома Амати в виде фабричной куколки! — вскричала Валька.

Она почему-то думала, что Барби Маша, которую мастер Амати снабдил волшебной душой, должна быть обязательно человеком.

Плюс к тому Валька вспомнила, что Барби Маша не умеет защищаться!

А это вообще было подарком со стороны мастера Амати.

— Что делать, что делать, — заметалась Валька, но тут же передача кончилась, на экране возник огромный торт.

— Хочу торт, — сказал Эдик. — И мороженого.

— Хотеть не вредно, — возразила ему Валькирия, напряженно размышляя.

Тогда голодный Эдик, вскрикнув, выхватил у нее из руки сухую корку и сунул в рот.

Волшебница Валькирия легко отняла у него свою корку, положила ее за щеку и продолжала размышлять.

Чтобы Эдик больше не возникал, она приковала его взор к телевизору, и он шарил глазами по всем сорока экранам, а на Вальку смотреть не имел права.

Валька же думала.

У нее было припасено множество пакостей для человечества.

Она планировала:

устроить на Чистых прудах два цунами на расстоянии в полдня (только всю грязь и памятные трамваи уберут — трах, опять);

произвести землетрясение в московских районах Подушкино, Северноебутово и Южноебутово (она слышала эти названия по телевизору, еще в Гималаях, и полюбила их странной любовью);

затем ей хотелось вызвать эпидемию свинки в Государственной Думе, чтобы у всех депутатов щеки было со спины видать, а голоса были бы неразборчивые из-за слоны;

потом она планировала насыпать в городской водопровод волшебный порошок и таким путем свести с ума всех пьющих сырую воду из-под крана: они тут же должны были кинуться вон из дома и начать продавать друг другу свои вещи, стоя коридором вдоль всех главных улиц и вокруг вокзалов.

А пусть не пьют сырую воду!

Но вот как добраться до любимой куклы мастера Амати, Барби Маши...

Она размышляла, а Эдик в это время кричал, переходя на визг:

— Я тебе, блин, лоханка старая, душу продавал зачем? Зачем я кровью подписал договор с тобой, кошелка дырявая? Чтобы все мои желания выполнялись! Хочу морожено-пирожено!

Бывшая крыса, а ныне пенсионерка Валька отмахнулась от него, грызя корку.

Наука давалась ей нелегко. Многих зубов не хватало.

В то же время надо было придумать способ колдовства.

Валька даже пожалела, что в свое время плохо слушала мастера Амати.

При этом она смотрела на экраны телевизоров, которые напряженно светились, дергались, шевелились, моргали и шумели.

Эдик тоже смотрел поневоле.

Но, видимо, он недаром пожевал сухую корочку науки.

Внезапно он закричал:

— Вон он, по телевизору, наш главный редактор, интервью дает! Я бы его сунул на другой экран, куда-нибудь подальше!

— Точно, — подхватила Валька. — Как я раньше не подумала!

Она тут же с помощью пульта управления засадила этого выступающего на соседний экран, в клуб путешественников, где действие происходило в юрте монгольского скотовода посреди степей.

Так что редактор вынужден был как есть, в costume и с галстуком, из своего кабинета махнуть прямо в юрту.

(Другое дело, что этот кочевник встретил большого белого брата прохладно, потому что был обижен на съемочную группу телевидения из Москвы: они жили у него месяц, снимали, заставляя его бессмысленно ездить туда-сюда на лошади, съели у него десять голов мелкого скота и обещали прислать ему за это ящик огненной воды, но обманули. Так что скотовод, увидев редактора, сказал «а я переезжаю, прошу выйти», тут же снялся со стоянки и откочевал в далекие предгорья, и посланец Вальки и Эдика, который не понимал ни словечка по-монгольски, спохватился поздно и побежал на новое место пешком, придерживаясь компании овец.)

Потирая руки от радости, Эдик тут же решил поменять руководящий состав телевидения, как только он появится целиком на экране.

Потом ему пришло в голову сменить правительство, послав его в джунгли неведомого царства (столица город Ньянма), а в министры сунуть десяток продавцов с рынка, самых толстых и усатых.

Только надо было дожидаться какого-нибудь торжественного заседания с трансляцией по телевидению — и одновременно репортажа с базара.

А Валькирия, почесавши под мышкой, сказала: — Эх, раньше не додумались! Мы бы эту куклу Барби Машу перекинули в какой-нибудь действующий вулкан!

— Свободно! — ответил Эдик. — Можно и в кипящий суп. Только надо ее еще раз показать по телевизору.

— А вот как бы вызвать мастера Амати сюда, чтобы он увидел ее на экране? — озабоченно сказала Валька. — Он ведь не выносит чужих страданий. Как только мы ему пригрозим, что Барби Маша сгорит, — он сразу же отдаст нам весь мир за одну свою куклу.

Тут Валька перешла на крик:

— А вот то, как я погибала столько лет у него в рабах, ваньку валяла во дворце в Гималаях, не пила — не курила, тратила свою молодость на книги, работала как бобик с компьютером, сидела на диете без соли, сахара и водки, каждый день по два раза принимала душ и плавала в бассейне, эти мои страдания его не колыхали!

Эдик, необыкновенно поумневший, предложил план действий.

Надо было украсть куклу Барби Машу и как-нибудь запятить ее в передачу телевидения.

И пригрозить мастеру Амати, что если он не отдаст Вальке и Эдику власть над Землей (Эдик настаивал также и на власти над Луной), то кукла Барби Маша во время передачи будет засунута куда-нибудь в горячую точку планеты.

Тут же колдунья Валька торжественно произнесла:

— Отныне тебя будут звать Сила!

И счастливый Эдик ответил ей:

— Меня будет звать Сила Грязнов!

Валька на радостях оторвала взгляд голодного Эдика от экрана и повела его вниз с целью организовать банкет в соседнем ресторане, после чего туда были вызваны силы спецотряда по борьбе с бандитизмом.

Дело в том, что Эдика и Вальку швейцар не пустил в ресторан из-за их дикого вида, и они, обидевшись, начали скандалить, и Валька мигом приволокла на себе из музея Красной Армии боевую ракетную установку «Катюша» времен второй мировой войны.

Первым же залпом сопротивление охраны было сметено, но и от ресторана мало что осталось.

Вместо двери красовалась большая яма, в которой сидел и таранился охранник.

Голодные, закопченные и злые, Валька и Эдик (Валькирия и Сила Грязнов) снова сели перед своим волшебным телевизором, желая развлечься, но во всем районе из-за взрыва вырубилось электричество.

Говорят же — не рой другому яму, сам попадешь.

А кукла Барби Маша, которая в это время жила у старого столяра Ивана на подоконнике в специально построенном домике, готовилась к тяжелым временам: она все знала, но спасти себя была не в силах.

Что касается мастера Амати, то он, сидя в своем хрустальном дворце, был целиком занят новой скрипкой и не знал, что ему угрожает.

Посмотрим, какие их ждали приключения.

Книга Беатрисы Поттер «Кролик Питер и другие истории» вышла, как вы уже знаете, в нашей «Детской библиотеке». (Дорогие читатели! Мы огорчены, что многие из вас не смогли вовремя подписаться на это приложение к журналу.

Напишите нам, какие книги вы хотели бы получить; мы всеми силами постараемся вам помочь.)

Сегодня мы публикуем — в пересказе Михаила Гребнева — еще одну сказку знаменитой английской писательницы

Сказка про миссис Стефани Фанни

Беатриса Поттер

На ферме Крохтон жила девочка Джули. Джули была хорошая девочка, но то и дело теряла носовые платки!

Как-то раз Джули вышла во двор вся в слезах.

— Где мой любимый платочек? — хныкала она. — Куда подевались три платка и передник? Тереза, ты не видела моих платков и передника?

У мисс Терезы Коттер не было настроения разговаривать, она молча умывала свои белые лапки.

Тогда Джули спросила у крапчатой курицы:

— Энни-Пенни, тебе не попадались три платочка?

— Что мне твои платочки! — возмутилась Энни-Пенни. — Мне нечего надеть! Посмотри, как я хожу — босиком! Боси-ко-ко-ко! — обиженная Энни-Пенни скрылась в курятнике.

Тут Джули заметила на ветке дрозда Робина.

— Робин, тебе не попадались мои платочки?

Робин блеснул огромным черным глазом, взмахнул крыльями и улетел за каменную стену, окружавшую ферму Крохтон.

В той стене был ступенчатый лаз. Джули поднялась на несколько ступенек, и перед ней открылся вид на высокую-превысокую гору — вершина терялась в облаках. Ей почудилось, что на траве, под самыми облаками, лежали какие-то белые вещицы...

Через две минуты Джули была у подножия горы. Вверх вела крутая тропинка. Джули стала карабкаться по ней так быстро, как только позволяли ее крепкие ножки. Когда она вскоре посмотрела вниз, ферма Крохтон показалась ей крохотной, домики были далеко-далеко внизу, прямо под ногами у Джули.

Из небольшой пещерки, нежно журча, выбивался ручеек. Кто-то подставил бидон, но он уже

переполнился. А бидон тот был не крупнее рюмочки для яйца! И еще на мокром песке виднелись следы какой-то очень маленькой особы.

Джули торопливо поднималась вверх.

Тропинка заканчивалась под большой скалой. Здесь, на зеленой лужайке, стояли воткнутые в землю сучки с натянутой на них камышовой веревкой и лежала целая куча крошечных прищепок, но не было видно ни одного носового платка!

Зато здесь было еще кое-что — дверь! Прямо в скале. И за дверью кто-то пел:

*Белое, крахмальное,
в порошке стиральное,
глажено-утюжено —
от зари до ужина!*

Джули постучалась — тук-тук-тук... Песня превралась, и тихий испуганный голосок спросил:

— Кто там?

Джули толкнула дверь и оказалась в чистой уютной кухне с деревянными балками под потолком и с кафельным полом — в общем, в самой обычной кухне, как на любой ферме. Только потолок был очень низкий — прямо над головой. И совершенно крохотные были кастрюли и сковородки, как, впрочем, и все остальное.

Пахло теплой гладильной доской. У стола, приподняв утюг, стояла низенькая полная особа с подоткнутым платьем и озабоченно глядела на Джули. Поверх полосатой нижней юбки у нее был повязан большой фартук; глаза часто моргали, крохотный черный нос посвистывал и пофыркивал: с-стужф, сстужфф, ффа, ффа. А из-под чепчика маленькой особы торчали самые западашние ИГОЛКИ!

— Кто вы? — спросила Джули. — Может, вам попадались мои платочки?

— А как же, барышня! Меня зовут, — маленькая особа сделала книксен, — меня зовут Стффф...

миссис Стефани Фанни, если позволите. А то как же! Я отличная прачка, если позволите! — Тут она вытащила что-то из корзины и разложила на столе для утюжки.

— Что это у вас? — спросила Джули. — Это не мой платок?

— Ах нет, барышня. Это красный жилет дрозда Робина, если позволите!

Она отутюжила его, сложила и убрала в сторону.

Затем она сняла что-то с деревянной рамы для сушки белья.

— Это не мой передник? — спросила Джули.

— Ах нет, барышня, это скатерть мисс Скворч, вся залита смородиновым вином, если позволите! Поди, отстирай такую-у-уфф!-Ффа...

Миссис Стефани Фанни взяла из очага второй утюг и брызнула на него водой.

— Стфф! — ответил утюг, он уже достаточно накалился у огня. Глаза у хозяйки то и дело моргали, а черный нос свистел и пофыркивал:

— Стуф, стффф! Ффа-фффа-а...

— Это мой платок! — воскликнула Джули. — А вот и мой передничек!

— Ффа! — вздохнул утюг, опускаясь на передник.

Миссис Стефани Фанни выгладила его, нагофрировала и расправила по краям кружево.

— Замечательно! — поблагодарила Джули. — А для чего эти длинные, желтые, с пальчиками как у перчаток?

— А, это пара чулок Энни-Пенни, если позволите. Продрала до дыр, зачем-то скребет пятками землю. Скоро будет ходить босая! — сказала Стефани Фанни.

— Ага, здесь еще платок, но он красный, это не мой.

— Это платок старушки миссис Пуш, если позволите. Он так провонял луком, что пришлось стирать его отдельно. Но запах остался.

— А вот мой второй платок, — сказала Джули. — А это что у вас, такие смешные, беленькие?

— Это митенки мисс Терезы Коттер, я их только глажу — стирает она сама.

— Вот мой последний платок! — сказала Джули. — А что вы макаете в миску с крахмалом?

— Манишки Никки Рокфора. Ну и грязнуля же этот мышонок! — воскликнула миссис Стефани Фанни. — Ну, я все погладила, теперь надо проветрить кое-какие одежды.

— Что это за пушистые вещицы? — спросила Джули.

— А, это меховые курточки ягнят из Барандора.

— Значит, они снимают курточки?

— Да, барышня, если позволите. Видите, здесь на плече овечье клеймо или метка. На этой курточке стоит клеймо «Малкастер», а вот три куртки с метками «Крохтон». Овчину всегда клеймят перед стиркой, — объяснила миссис Стефани Фанни.

И она стала развешивать для проветривания самую разную одежду — мышинные замшевые курточки, черный бархатный жилет мистера Кроттерли-Роя, рыжий бесхвостый фрак бельчонка Чоппи, сильно подсевшую голубую куртку Питера Пуша и нижнюю юбку без метки, которая затерялась в стирке, — наконец корзина освободилась!

Миссис Стефани Фанни сделала чай, чашечку себе и чашечку — Джули. Они сели у огня на скамейку, потягивали чай и поглядывали друг на друга.левой рукой миссис Стефани Фанни держала на весу чашку, а правой размешивала сахар — руки у нее были темно-коричневые от загара и ужасно сморщенные от стирки. А сквозь платье и чепчик у нее везде торчали шпильки, острым концом наружу; поэтому Джули старалась сидеть подальше.

После чая они связали одежду в узлы, а платки Джули были аккуратно сложены, завязаны в чистый передник и сколоты серебряной булавкой.

Они подложили в огонь сухого торфа, вышли и заперли дверь, а ключ спрятали под порогом.

С узелками одежды в руках побежали под гору Джули и миссис Стефани Фанни.

Из зарослей папоротника выходили встречать их разные лесные обитатели. Но прежде других на тропинку выпрыгнули Питер Пуш и Олли Кроллет.

Миссис Стефани Фанни отдала им чистые одежды. Все звери и птицы очень благодарили дорогую, славную тетюшку Фанни.

Когда Стефани Фанни и Джули спустились с горы и оказались у каменной ограды, в руках у них уже ничего не было — только Джули несла свой крохотный узелок.

Джули влезла по ступенькам на стену и обернулась — попрощаться и сказать прачке «спасибо»... Но какое странное дело! Миссис Стефани Фанни, вовсе не ждала благодарности, не дожидалась она и оплаты стирки по счету...

Она уже мчалась по тропинке обратно в гору — но куда делся ее накрахмаленный чепчик? Куда делась шаль? Но, позвольте, где ее платье? И где же ее полосатая нижняя юбка?

И какая она стала крохотная, и какая бурая — и вся обросшая ИГЛАМИ!

Да, миссис Стефани Фанни оказалась обыкновенным ЕЖИКОМ.

Кое-то поговаривает, что маленькая Джули задремала на каменной ограде и всё ей приснилось. Но скажите на милость, откуда взялись три чистых платка, завязанные в передник и заколотые серебряной булавкой?

К тому же я сама видела маленькую дверцу — на горе, известной под названием Кошачьи Колокольчики, и к тому же... я сама очень хорошо знакома с миссис Стефани Фанни!

Главное, что улыбка на устах

Фильм Патриса Шеро «Королева Марго»
по мотивам романа Александра Дюма

Кажется, только ленивый (из писавших об этом замечательном фильме) не повторил слова режиссера: «Я снимал все что угодно, только не исторический фильм». А критик «Коммерсантъ-DAILY», тот даже воскликнул: «Как вообще можно снимать исторический фильм в конце двадцатого века, когда отношения человека и Истории непредсказуемы и смертельны?»

Тут, положим, нетрудно возразить, что искусство на то и рискованное занятие, чтобы стремиться к невозможному, а делать вещи заведомо возможные настоящему художнику скучно.

Возразить нетрудно, однако вопрос, что же все-таки снимал Патрис Шеро «по мотивам» знакомого с детства и полузабытого романа, все равно остается. Конечно, не исторический фильм в костюмно-бутафорском смысле. И не «экранизацию классики». От Дюма-отца только перья летят. Ни тебе героини, ни романтики. К тому же Шеро и его соавтор сценария Даниэль Томпсон скорее всего не преминули перелистать другой полузабытый роман из той же эпохи — «Юность Генриха IV» Генриха Манна, куда как более, чем Дюма, реалистический. Так все же. К чему эти призраки Варфоломеевской ночи, непреклонный адмирал Колиньи, католики и гугеноты?

Патрис Шеро, 1944 г. р., имя сравнительно новое для нас. Это французский режиссер театра и кино, много лет руководивший Национальным театром в Париже, где ставил либо Шекспира, Марло, Мариво, либо скандальных современников типа Жана Жене или Б.-М. Кольтеса, который (по словам Шеро) писал «на несуществующем французском языке» и «восставал решительно против всего». Несколько лет назад Шеро осуществил в Байрейте шумевшую постановку тетралогии Вагнера «Кольцо нибелунга». Снял несколько фильмов. Сыграл еще в нескольких (в частности,

Демулена в «Дантоне» Вайды). Говорит, что снимать кино учился у Висконти, Копполи и Скорсезе. С 90-го года, забросив остальные дела, занимался съемками «Королевы Марго» с Изабель Аджани в главной роли, фильма, впервые показанного только на Каннском фестивале в этом году.

Ничего не знаю о «взглядах» Патриса Шеро, однако по возрасту он принадлежит к поколению бунтарей 68-го года, для которых отношения с Историей были в числе наиболее существенных. В смысле желания упразднить Историю ради утопии «вечного настоящего», «здесь и теперь». Так что, возможно, «Королева Марго» знаменует собой финал утопии. Крушение иллюзий. Восстановление Истории в правах.

Поначалу Марго со своей наперсницей Анриеттой (Доминик Блан) напоминают «детей-цветы» XVI столетия, чья не признающая узды галльская чувственность накаляется порой до злой похоти. В обстановке оголтелого флирта, кулачных боев, повального вероломства и прочих примет разлагающегося двора. Придворного благолепия нет и в помине. Католичке Марго плевать на политический пасьянс, заставивший ее выйти замуж за гугенота, тем паче на религиозные распри. Встречу Марго с Ла Молем (Винсен Перез) Шеро решил в брутальном ключе. Терзаемая похотью королева ночью, в маске, выбирается из дворца на парижскую улицу и как последняя шлюха отдается пригланувшемуся красавчику. Это потом уже как-то вспыхнет Великая Любовь, сначала будет сексуальный экстаз в подворотне. «Здесь и немедленно».

На хрупкие плечи красавицы Аджани Шеро возложил нелегкое бремя: сыграть примирение с жизнью, т. е. с Историей, какая есть: жестокой, кровавой, омерзительной. Больше, чем примирение, — капитуляцию. Капитуляция перед Историей и есть, мне кажется скрытый сюжет «Королевы Марго». Какой уж тут «исторический фильм».

Это в значительной мере фильм портретный. Лица, лица. Имитируя манеру старых мастеров (например, испанца Веласкеса и француза Фуке) Шеро долго и пристально портретирует глав-

Кадр из фильма

ных персонажей: кроме самой Марго, это Генрих IV, ее нелюбимый муж (Даниэль Отей), Карл IX, царствующий брат (Жан-Юг Англад), наконец королева-мать, Екатерина Медичи, сыграв которую, Вирна Лизи получила в Канне приз за лучшую женскую роль, и как ни хороша Аджани, получила заслуженно: нужно было суметь сыграть в застылом облике мумии клоко-чущую страсть, преступную волю и пагубную слепоту безумной мечты, превращающей мать в убийцу сына. Эта магия портретов, магия великолепной актерской игры сильнее хитросплетения интриг, отчасти, но не до конца разрешающихся Варфоломеевской ночью, держит в напряжении нервы и кружит голову. Ход событий припоминается по Дюма. Решительное расхождение с Дюма в том, что эти порой ужасные, страдающие, полусумасшедшие люди в фильме Шеро заряжены витальной силой много больше, чем благородно-несгибаемый гугенот Ла Моль, и Марго, вопреки, разумеется, сознанию, все больше втягивается в бездонную воронку их мучительных взаимоотношений, которые и есть, собственно, жизнь.

Не возьмусь описывать, как снята Варфоломеевская резня. Подробно. Беспощадно. Завораживающе. Как раненая птица мечется королева Марго по узким улочкам, забитым трупами. Вспомните, кто видел, Ночь длинных ножей в «Гибели богов» Висконти, Шеро не зря называет его своим учителем.

Но если не самое страшное, то самое безнадежное начинается потом. После Варфоломеевской ночи Марго в Наварре, где царствует ее супруг, встре-

тится с преследуемым Ла Модем и в относительной безопасности останется наедине со своей Великой Любовью. И в этом идеальном «здесь и теперь» поймет, что на самом-то деле это не Великая, а Иллюзорная Любовь, только сострадание и только воспоминание. А настоящая жизнь настоящей королевы Марго, с любовью или без любви, как получится, — там, в Париже. Горька их последняя ночь, а расставание окончательно. Все кончено, не успев начаться. Одной иллюзией меньше, только и всего. Такой поворот Дюма, разумеется, и не снился.

Потом, как известно, нераскаянный гугенот и заговорщик Ла Моль, прошедший через фильм (едва ли случайно) бледноватой тенью, погибнет на эшафоте, несмотря на попытки Марго спасти его, вызванные скорее всего благодарностью памяти, имеющей свои правила. Подкупив палача, она получит его кровоточащую голову. С осунувшимся, но по-прежнему прекрасным лицом, с головой Ла Моля в узле на коленях, королева Марго возвращается во дворец. «Ваше платье в крови, мадам», — говорит паж, сопровождающий королеву. О чем она думает, отвечая: «Неважно. Главное, что улыбка на устах»?

Жизнь сильнее любви. История сильнее жизни. Смерть сильнее всего.

Только улыбка, непонятно чья. И ничего больше.

В. Алексеев

Р. С. Если кому-то в этой современной беспросветице все-таки станет жаль старика Дюма, читайте для утешения обзор С. Конева на странице 54.

В. А.

Изабель Аджани и Патрис Шеро

ВИДЕОДОМ

И снова все жанры

Бытует мнение, что на видеорынке можно встретить только развлекательное кино не слишком высокого уровня. Мнение глубоко ошибочное: кино на видеорынке разное, разных жанров, разного уровня, разной степени привлекательности для разных категорий зрителей. Поэтому в очередной обзор я, как обычно, постарался включить фильмы разных жанров — от исторической драмы до боевика, от комедии до мистического триллера. Уверен, что каждая из этих картин найдет свою аудиторию, хотя их уровень может кому-то показаться спорным.

Начнем со старого фильма "АУСТЕРЛИЦ".

"АУСТЕРЛИЦ" ("БИТВА ПРИ АУСТЕРЛИЦЕ") ("Austerlitz"). 1960 г., Франция—Италия—Югославия, 166 минут. Реж.—Абель Ганс ("НАПОЛЕОН" 1927 г. и 1934 г., "БОНАПАРТ И РЕВОЛЮЦИЯ"). В ролях: Пьер Монди ("НЕ ПОЙМАН — НЕ ВОР", "ПОДАРОК"), Клаудиа Кардинале ("КРАСНАЯ ПАЛАТКА", "ОДНАЖДЫ НА ДИКОМ ЗАПАДЕ"), Мартин Кароль ("НОЧНЫЕ КРАСАВИЦЫ", "ВАНИНА ВАНИНИ"), Лесли Кэрон ("АМЕРИКАНЕЦ В ПАРИЖЕ", "ВАЛЕНТИНО"), Витторио де Сика ("ГОЛУБОЕ НА ГОЛУБОМ", "РЕГУЛИРОВЩИК"), Орсон Уэллс ("ГРАЖДАНИН КЭЙН", "ЧУДОВИЩНАЯ ДЕКАДА"), Джек Пэлэнс ("ТАНГО И КЭШ", "ГОРОДСКИЕ ПИЖОНЫ") и др. Худ. оц.—3,5 (из 6). Комм. оц.—2,5 (из 5).

Выдающийся французский режиссер Абель Ганс не раз обращался к эпохе и личности Наполеона, поставив, между прочим, один из шедевров 20-х годов — немой "колосс" "НАПОЛЕОН" (1927-й год). Тем обиднее, что его "АУСТЕРЛИЦ", снятый в 1960-м году совместно с Роже Ришбе, оказался удивительно безвкусным, затянутым, перегруженным необязательными сценами и диалогами фильмом. Главные достоинства ленты, посвященной самой славной победе Наполеона при Аустерлице в 1805-м году, — это цвет, роскошь постановки, операторская работа Анри Алекана и колоссальный актерский состав: Пьер Монди (Наполеон), Клаудиа Кардинале, Мартин Кароль, Лесли Кэрон, Витторио де Сика, Жан Марэ, Орсон Уэллс, Джек Пэлэнс, Жорж Маршал, Мишель Симон, Этторе Манни, Даниэлла Рокка, Жан-Луи Ришар, Жан-Луи Трентиньян. Фильм непереносимо длинный (2 ч. 46 мин.), но еще чудовищнее то, что с ним сделали в американском прокате: версии в 120 и даже... 73 минуты!

"ОТПРАВНАЯ ТОЧКА" ("Breaking Point"). 1989 г., США, 100 минут. Реж.— Питер Маркл ("БЭТ*21", "ВСПЫШКА ВО ТЬМЕ"). В ролях: Корбин Берсен ("ВЫСШАЯ ЛИГА", "СТРЕЛКИ ЧЕСТИ"). Иоанна Пакула ("ПАРК ГОРЬКОГО", "ПОЦЕЛУЙ").

Это кадр из упоминаемого в тексте "Наполеона" Абели Ганса. Справа, кстати, сам режиссер в роли Сен-Жюста

Джон Гловер ("ТРЕМЛИНЫ 2", "ЭД И ЕГО ПОКОЙНАЯ МАМАША"), Дэвид Маршалл, Эдвард Дивовф ("ИГРУШЕЧНЫЕ СОЛДАШКИ", "ГОНКОНГ, ГОД 1997"). Худ. оц.— 4,5. Ком. оц.— 4.

В 1944-м году в Лиссабоне фашистская разведка похищает американского шпиона Джефферсона Пайка (Бернсен) и пытается его, надеясь выведать место и время будущей высадки союзников. При допросе Пайк теряет сознание... и приходит в себя через два года. По крайней мере, так сказал врач. Пайк лежит в чистой палате в американском военном госпитале, на столе газета, помеченная 1946-м годом, рядом симпатичная медсестра. Но все-таки что-то здесь неладно... "ОТПРАВНАЯ ТОЧКА" (более точным был бы иной перевод названия фильма: "Предел прочности". — *Ред.*) — хороший шпионский триллер, но... Зачем же авторы сразу раскрывают все карты? Зачем не дают зрителю помучиться и поломать голову над ВОЗМОЖНЫМИ вариантами разгадки и развития событий? Фильм, снятый для кабельного ТВ, был бы еще интереснее, если бы не являлся просто римейком картины 1964-го года "36 ЧАСОВ" Джорджа Ситона с участием Джеймса Гарнера, Рода Тэйлора и Эвы Марии Сент.

"ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ОТКАЗЫВАЛСЯ УМИРАТЬ" ("The Man Who Wouldn't Die"). 1993 г., США-Канада, 89 минут. Реж.— Билл Кондон. В ролях: Роджер Мур ("МУН-РЭЙКЕР", "ОСЬМИНОЖКА"), Мэлколм МакДауэлл ("КАЛИГУЛА", "ЦАРЕУБИЙЦА"), Нэнси Аллен ("КЕРРИ", "ОДЕТАЯ ДЛЯ УБИЙСТВА"), Джексон Дэвис, Эрик Мак-Кормэк ("ЗАТЕРЯННЫЙ МИР", "ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЗАТЕРЯННЫЙ МИР"). Худ. оц.— 4,5. Ком. оц.— 4.

Писатель пишет приключенческие романы про злодея и его преследователя. Реальный злодей берет книгу писателя и начинает следовать его "рецептам"... Расхожий сюжет, несколько раз воплощавшийся в кинематографе, скажем, в фильме "ТЪМА" ("Tenebrae") Дарио Ардженто, вдохновил и

создателей этой телевизионной ленты. Писатель Томас Грэйс (Мур) пишет книгу "Человек, который отказывался умирать". Кровожадный убийца Бернард Дрейк (МакДауэлл) настаивает, что главный злодей в книге — Морисси — списан именно с него, с Дрейка. А чтобы подкрепить это "доказательствами", начинает совершать преступления точно как описано в книге. Грэйс и девушка-экстрасенс Джесси (Аллен) начинают борьбу... Увлекательная стилизация под "черные триллеры" с налетом мистицизма. Авторы умудряются извлечь из не очень богатого сюжета максимум выразительности.

"С ПИСТОЛЕТОМ НАГОЛО 33 1/3: ПОСЛЕДНИЙ ВЫПАД" ("ГОЛЫЙ ПИСТОЛЕТ 33 1/3") ("Naked Gun 33 1/3: The Final Insult"). 1994 г., США, 83 мин. Реж.— Питер Сигал. В ролях: Лесли Нилсен ("С ПИСТОЛЕТОМ НАГОЛО 1 и 2", "РЕЦИДИВ"). Присцилла Пресли ("С ПИСТОЛЕТОМ НАГОЛО 1 и 2"). Джордж Кеннеди ("С ПИСТОЛЕТОМ НАГОЛО 1 и 2", "ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ "ДЕЛЬТА"), О. Дж. Симпсон ("С ПИСТОЛЕТОМ НАГОЛО 1 и 2", "ОГНЕВАЯ МОЩЬ"), Фред Уорд ("МАЙ-АМИ-БЛЮЗ", "ГЕНРИ И ДЖУН") и др. Худ. оц.— 5. Комм. оц.— 4,5.

3-й фильм комедийно-пародийного сериала "С ПИСТОЛЕТОМ НАГОЛО" о похождениях бравого и непрошибаемого тупого, но все равно неотразимого полицейского Фрэнка Дребина (Нилсен), если не считать телесериала "ПОЛИЦЕЙСКИЙ ОТДЕЛ" с тем же героем. Снова там же знаменитая продюсерская группа Закер-Эбрахамс-Закер, но режиссерский "руль" Дэвид Закер отдал на сей раз Питеру Сигалу... Итак, Фрэнк Дребин женился на Джейн (Пресли) и вышел на пенсию. Но кто же, как не старина Фрэнк, может справиться с зловещим террористом Рокко Диланом (Фред Уорд), замышляющим взорвать церемонию вручения премии "Оскар"?.. Пусть эта серия чуть-чуть и уступает предыдущим, но смеяться вы все равно будете до колик в животе. Огром-

ное количество звезд: Кэтлин Фримэн, Анна Николь Смит, Эллен Грин, Пиа Задора и — см. церемонию "Оскара", где самих себя играют голливудские знаменитости. А еще в фильме снялся чернокожий спортсмен и актер О. Дж. Симпсон, которому в настоящее время грозит электрический стул за убийство жены.

"НАГРАДА ПОБЕДИТЕЛЮ — ЖИЗНЬ" ("ВЫЖИТЬ В ИГРЕ" / "ИГРА НА ВЫЖИВАНИЕ") ("Surviving The Game"). 1994 г., США, 95 мин. Реж.— Эрнест Р. Дикерсон ("КАИФ"). В ролях: Рутгер Хауэр ("ПЛОТЬ И КРОВЬ", "СЛЕПАЯ ЯРОСТЬ"), Айс-Ти ("РИКОШЕТ", "ЧУЖАЯ ТЕРРИТОРИЯ"), Гэри Бьюзи ("ХИЩНИК 2", "В ОСАДЕ"), Ф. Мюррэй Эбрахам ("АМАДЕЙ", "ИМЯ РОЗЫ"), Карл С. Даттон ("ЧУЖОЙ 3") и др. Худ. оц.— 4,5. Ком. оц.— 4,5.

Негр-бомж по имени Мэйсон (его играет знаменитый рэппер Айс-Ти) живет на улице, питается чем попало, роется в мусорных баках и за двадцатку готов хоть до Аляски добежать. Бородатый белый джентльмен по имени Бернс (Рутгер Хауэр) предлагает ему не двадцатку, а гораздо больше за участие в охоте. Мэйсон быстро соглашается, не подозревая, что охота в горных лесах на северо-западе, куда они прилетели на самолете, развернется не на дичь, а на самого Мэйсона... Да, это очередная вариация на тему "ТРУДНОЙ МИШЕНИ" Джона Ву, которая уже, похоже, становится шаблоном для боевиков в стиле "охота на человека". Но режиссер Эрнест Р. Дикерсон делает упор на мрачность повествования, в отличие от Джона Ву, бьющего в основном на внешние эффекты. Великолепный актерский состав: Гэри Бьюзи, Чарлз С. Даттон, Ф. Мюррэй Эбрахам, Джон С. МакГинли, Уильям МакНамара, Джефф Кори.

"ФИОРИЛЬ: ДИКИЙ ЦВЕТОК" ("ДИКИЙ ЦВЕТОК") ("Fiorelle"), 1993 г.. Италия—Франция—ФРГ, 118 мин. Реж.— Паоло и Витторио Тавиани ("АЛЛОЗАНФАН", "ПОЛЯНА", "НОЧЬ СВЯТОГО ЛАВРЕНТИЯ"). В ролях: Клаудио Бигальи ("НОЧЬ СВЯТОГО ЛАВРЕНТИЯ"), Галатhea Ранди, Микаэль Варган, Лино Каполиччио. Худ. оц.— 5. Комм. оц.— 3.

Родители везут детей на землю своих предков, которых издавна, перефразируя фамилию Бенедетти, зовут "Маледетти", что значит "проклятые". Почему? И камера уносит нас в эпоху наполеоновских войн, когда девушка по имени Элизабетта из деревушки в Тоскане и офицер оккупационной французской армии Жан полюбили друг друга, а в это время брат девушки украл у французов ящик с золотыми монетами. За что Жана были вынуждены казнить его же товарищи по оружию... Отсюда истоки. Последующие поколения Бенедетти были словно обречены снова и снова делать выбор между подлостью и благородством. Очень жестокий выбор... Удивительно красивый и мудро грустный фильм неразлучной пары братьев Паоло и Витторио Тавиани — о семье, чья история, кажется, повторяет историю всего человечества, вкусившего "запретный плод", познавшего "первородный грех", а затем мучительно и тешно пытающегося понять смысл двух имен: Авель и Каин.

Михаил Полежаев

"Как-то раз в Алеппо..."

рассказ владимира набокова

Дорогой В. Среди прочего это письмо должно сообщить вам, что я, наконец, здесь, в стране, куда вели столь многие закаты. Одним из первых, кого я здесь встретил, оказался наш добрый старый Глеб Александрович Гекко, угрюмо пересекавший Колумбус-авеню в поисках petit safe du coin*, которого ни один из нас троих никогда уж больше не посетит. Он, похоже, считает, что так ли, этак ли, а вы изменили нашей отечественной словесности, он сообщил мне ваш адрес, неодобрительно покачав седой головой, как бы давая понять, что получить весточку от меня — это радость, которой вы не заслуживаете.

У меня есть сюжет для вас. Что напоминает мне — то есть сама эта фраза напоминает мне — о днях, когда мы писали наши первые, булькающие, словно парное молоко, вирши, и все вокруг — роза, лужа, светящееся окно, — кричало нам: "Мы рифмы!", как, верно, кричало оно когда-то Ченстону и Калмброду: "I'm rhyme!". Да, мы живем в удобнейшей вселенной. Мы играем, мы умираем — *ig-rhyme, umi-rhyme*. И гулкие души русских глаголов ссужают смыслом бурные жесты деревьев или какую-нибудь брошенную газету, скользкую и застывающую, и шаркающую снова, бесплодно хлопоча, бескрыло подсакивая вдоль бесконечной, выметенной ветром набережной. Впрочем, именно теперь я не поэт. Я обращаюсь к вам, как та плаксивая дама у Чехова, снедаемая желанием быть описанной.

Я женился — позвольте прикинуть — через месяц, что ли, после вашего отъезда из Франции и за несколько недель до того, как миролюбивые немцы с ревом вломилась в Париж. И хоть я могу предъявить документальные доказательства моего брака, я ныне положительно уверен, что жена моя никогда не существовала. Ее имя может быть вам известным из какого-то иного источника, но все равно: это имя иллюзии. Я потому и способен говорить о ней с такой отрешенностью, как если б я был персонажем рассказа (одного из ваших рассказов, говоря точнее).

То была любовь скорее с первого прикосновения, чем с первого взгляда, ибо я и раньше несколько раз встречал ее не испытывая никаких особенных чувств: но однажды ночью я провозжал

ее домой и какой-то сказанный ею забавный пустяк заставил меня со смехом склониться и легко поцеловать ее волосы, — что говорить, всем нам знаком тот слепящий удар, который испытываешь, подбирая простую куклолку с пола тщательно заброшенного дома: сам солдат ничего не слышит, он ощущает лишь экстагическое беззвучие и безграничное расширение того, что было во всю его жизнь игольчатой точкой света в темном центре его существа. Собственно, и причина, по которой мы мыслим смерть в небесных понятиях, в том-то и состоит, что видимая нами твердь, особенно ночью (над нашим угасшим Парижем с сухопарыми арками бульвара Эксельманс и непрерывным альпийским плеском безлюдных его писсуаров), есть наиболее точный и вечный символ того огромного безмолвного взрыва.

Но я никак не могу ее разглядеть. Она остается туманной, как лучшее из моих стихотворений — то, столь жестоко осмеянное вами в "Литературных Записках". Пытаясь представить ее, я вынужден цепляться рассудком за крохотную бурю родинку на ее пушистом предплечье, — как в непонятном предложении сосредоточиваешься на знаке препинания. Может быть, если б она почаще прибегала к гриму или прибегала к нему с пушистым постоянством, я смог бы теперь увидеть ее лицо или хотя бы нежные поперечные борозды сухих, жарко румяных губ; но ничего не выходит, хоть я все еще ощущаю порой их уклончивое

касание, словно чувства играют со мною в жмурки, в том всхлиplyваемом сне, где мы с ней неуклюже цепляемся друг за дружку посреди надрывающего сердце тумана, и я не различаю цвета ее глаз из-за пустого сияния слез, переполнивших их и утопивших райки.

Она была много моложе меня, — не как Натали дивных плеч и длинных серег в сравнении со смуглым Пушкиным, — но все-таки и у нас имелся зазор, достаточный для той ретроспективной романтики, что отыскивает отраду в подражании судьбе неповторимого гения (по ревности, по грязи, по острой боли, с которой видишь, как миндалевые глаза за павлиньими перьями веера обращаются к ее белокурому Кассио), — раз уж не получается подражать его стихам. Правда, мои ей нравились, вряд ли она раззевалась бы, как делала та, другая, всякий раз что стихотворению мужа случалось пре-

* маленького кафе на углу (франц.)

взойти длиною сонет. И если она для меня осталась фантомом, то, верно, и я тем же был для нее: думаю, ее привлекли лишь потемки моей поэзии; а там она продрала в завесе дыру и увидела неприятное лицо чужака.

Как вам известно, уже в течение долгого времени я собирался последовать примеру вашего счастливого бегства. Она описала мне своего дядю, жившего, по ее словам, в Нью-Йорке: он преподавал в колледже на юге верховую езду и в конце концов женился на богатой американке; у них была дочка, глухорожденная. Она говорила, что давным-давно потеряла их адрес, но несколько дней погодя адрес чудесным образом нашелся, и мы написали драматическое письмо, на которое так и не дождались ответа. Да это было не так уж и важно, поскольку я тем временем получил солидный affidavit от профессора Ломченко из Чикаго; однако, совсем еще немного успели мы сделать для получения нужных бумаг, как началось вторжение, а между тем, я предвидел, что если мы застрянем в Париже, то раньше ли, позже, но какой-нибудь участливый соотечественник укажет заинтересованной стороне несколько мест в одной моей книге, где я говорю, что Германия, при всех ее черных грехах, все же обречена навек остаться всесветным посмешищем.

Так начался наш злополучный медовый месяц. Сдавленные и сотрясаемые в гуще апокалипсического исхода, ожидающие поездов, которые вне расписания шли неизвестно куда, бредущие сквозь затхлые декорации абстрактных городов, живущие в вечных сумерках физического изнурения, мы бежали; и чем дальше мы убегали, тем ясней становилось, что понукает нас нечто большее, чем дуролом в сапогах и пряжках, оснащенный набором поразному приводимого в движение хлама — нечто иное, чего он был только символом, нечто чудовищное и неуяснимое, безвременная и безлика масса незапамятного ужаса, который и здесь, в зеленой пустоте Центрального Парка, еще наваливается на меня со спины.

О, она сносила все достаточно стойко — со своего рода изумленным весельем. Впрочем, однажды ни с того ни с сего она принялась вдруг рыдать посреди соболезнующего гона.

— Собака,— говорила она,— мы бросили собаку. Я не могу забыть несчастной собаки.

Неподдельность ее горя поразила меня, потому что собаки у нас не было.

— Я знаю,— сказала она,— но я попыталась представить, что мы все же купили того сеттера. Только подумай, как бы он теперь скулил за запертой дверью.

И о покупке сеттера никогда разговоров никаких не велось.

И еще не хотелось бы мне позабыть отрезок большой дороги и семейство беженцев (две женщины, ребенок), у которого умер в пути старик отец или дед. На небе в беспорядке толпились черного и телесного цвета тучи, уродливый солнечный луч бил из-за шапки холма, а покойник лежал на спине под рыжим платаном. Женщины пытались руками и палкой вырыть при дороге могилу, но земля оказалась слишком тверда, они отступились и сидели бок о бок среди малокровных маков, чуть в стороне от трупа и его задранной вверх бороды. И только мальчик все скреб и скоблил, и дергал траву, пока не отвалил плоского

камня и не замер на корточках, забыв о цели своих важных трудов: вытянув тонкую выразительную шею, подставлявшую все позвонки палачу, он с удивленьем и упоением наблюдал тысячи мелких, бурых, бурлящих муравьев, метавшихся в стороны, разбегавшихся, мчавших к безопасным местам в Гар, в Од, в Дром, в Вар, в Восточные Пиренеи,— мы с ней ненадолго остановились лишь в По.

Попасть в Испанию оказалось трудненько, и мы решили отправиться в Ниццу. В городке по имени Фожер (остановка десять минут) я вытиснулся из поезда, чтобы купить еды. Когда через пару минут я вернулся, поезд ушел, а сварливый старик, отвечающий за зияющую передо мной жестокую пустоту (угольная пыль жарко сияла меж голых равнодушных рельсов и одинокий кусок апельсиновой корки), грубо заявил, что я вообще не имел права тут выходить.

В лучшем мире я добился бы, чтобы мою жену отыскали и объяснили бы ей, как поступить (билеты и большая часть денег остались при мне), но в тех обстоятельствах моя бредовая борьба с телефоном оказалась бесплодной, и я оставил в покое стаю слабеньких голосков, облавивших меня издалека, послал две-три телеграммы, которые, вероятно, только сейчас и отправляются в путь, и поздно вечером поехал местным поездом в Монпелье, дальше которого вряд ли допелся бы ее поезд. Там я ее не нашел, и пришлось выбирать между двух вариантов: продолжать намеченный путь, поскольку она могла сесть на марсельский поезд, к которому я едва-едва не поспел, или ехать назад, потому что она могла вернуться в Фожер. Не помню уже, какие путанные рассуждения привели меня в Марсель и в Ниццу.

Помимо таких рутинных действий, как препровождение ложных сведений в некое количество маловероятных мест, полиция ничем мне помочь не смогла; один полицейский наорал на меня за надоедливость, другой увернулся от дела, усомнясь в подлинности моего брачного свидетельства, поскольку печать на нем стояла с той стороны, какую он предпочел счесть для нее непригодной; третий, жирный "комиссар" с водянисто-карими глазками, признался, что он, когда не на службе, тоже пишет стихи. Я перебрал различных знакомых среди многочисленных русских, обитающих в Ницце или выброшенных на ее берега. Я слушал, как те из них, в чьих жилах оказалась еврейская кровь, рассказывают о своих обреченных сородичах, вбиваемых в поезда, идущие в ад; и пока я сидел в каком-нибудь битком набитом кафе, глядя на млечно-синее море, а из-за моей спины доносился, как из пустой раковины, шелест, снова и снова повествующий о резне и разлуке, о сером рае за океаном, о повадках и прихотях суровых консулов, в собственном моем положении проступало по контрасту нечто пошло жовиальное.

Через неделю после моего приезда сюда ленивый сыщик зашел за мной и отвел по кривой и смрадной улочке к дому в черных подтеках, с которого время и грязь почти уже стерли слово "отель"; здесь, сообщил он, отыскалась моя жена. Девушка, которую он предьявил, оказалась, конечно, совершенно мне неизвестной, однако мой друг Холмс несколько времени пытался принудить ее и меня признаться, что мы женаты, а ее молчаливый и мускулистый соложник стоял рядом и слушал, скрестив голые руки на полосатой груди.

Когда я наконец отвязался от этих людей и поплелся назад в свой квартал, мне случилось пройти мимо плотной очереди ожидавшей у входа в продуктовую лавку; с самого краю очереди стояла моя жена, приподымаясь на цыпочки, чтоб разглядеть, что же в точности продают. По-моему, первые ее слова, обращенные ко мне, были о том, что она рассчитывала на апельсины.

Ее рассказ казался немного путанным, но вполне заурядным. Она вернулась в Фожер и вместо того, чтобы справиться на станции, где я для нее оставил записку, пошла прямо в Комиссариат. Компания беженцев предложила ей присоединиться к ним; ночь она провела в велосипедном магазине, где не было велосипедов, на полу, вместе с тремя пожилыми женщинами, лежавшими, по ее словам, в ряд, словно три бревна. На следующий день она сообразила, что ей не достанет денег добраться до Ниццы. В конце концов она кое-что заняла у одной из бревенчатых женщин. Она, однако, ошиблась поездом и заехала в город, названия которого не запомнила. В Ницце она появилась два дня назад и встретила в русской церкви каких-то друзей. Те ей сказали, что я где-то поблизости, ищущий ее и вскорости наверное ей подвернется.

Некоторое время спустя я сидел на краешке единственного в моей мансарде стула и придерживал ее за стройные юные бедра (она расчесывала мягкие волосы, откидывая голову при каждой отмашке), неожиданно смутная улыбка ее сменилась странным подергиваньем, она опустила руку мне на плечо, глядя на меня сверху вниз, как будто я был отражением в пруду, впервые ею замеченным.

— Я наврала тебе, милый,— сказала она.— Я лгунья. Я провела несколько ночей в Монпелье с одним скотом, мы познакомились в поезде. Мне вовсе этого не хотелось. Он торгует жидкостью для волос.

"Назначьте день и совершите казнь. За веером, перчатками и маской." Эту ночь и много других я провел, вытягивая из нее кроху за крохой, но так всего и не вытянул. Странная навязчивая идея овладела мной: что сначала я должен выяснить каждую мелочь, восстановить все по минутам, а уж там решить, смогу ли я это вынести. Но граница желанного знания оказалась недостижимой, да я и не мог предсказать точку приближения, за которой сочту себя насытившимся, потому что знаменатель любой дроби знания, разумеется, потенциально так же бесконечен, как и число интервалов между ее полями.

Ах, в первый раз она была слишком усталой, чтобы противиться, а потом не противилась, уверясь, что я ее бросил; она, видимо, полагала, что такие объяснения должны стать для меня своего рода утешительным призом, а не бессмыслицей и пыткой, чем они являлись на деле. Так продолжалось целую вечность; порой она теряла терпение, потом опять собиралась с силами, бездыханным шепотом отвечая на мои непотребные вопросы или пытаясь с жалкой улыбкой ускользнуть в полубезопасность не относящихся к делу толкований, а я давил и давил на обезумевший коренной зуб, пока мои челюсти чуть не взрывались от боли, от жгучей боли, почему-то казавшейся мне предпочтительней тупой, гудливой муки смиренного долготерпения.

И заметьте, прерывая это дознание, мы пытались получить от неохочих властей некие документы, которые в свой

черед дадут законные основания для подачи прошения о бумагах третьего рода, каковые могли послужить ступенькой к получению разрешения, позволяющего его владельцу подать прошение о получении еще одних документов, которые, глядишь, и дадут, а может и не дадут ему средства открыть, как и почему это случилось. Ибо сумей я даже вообразить ту мерзкую возвратную сцену, я не смог бы связать ее острые гротескные тени со смутными членами моей жены, содрогающейся, хрипящей и тающей в моих яростных объятиях.

Так что ничего нам не оставалось, как только мучить друг друга, часами ожидать в Префектуре, заполнять формуляры, совещаться с друзьями, уже знакомыми на ошупь с сокровеннейшими потрохами всевозможных виз, улаживать секретарей и вновь заполнять формуляры, и в итоге ее похотливый и многоликий разъездной торговец потонул в призрачной мешанине огрызающихся чиновников с крысиными усиками, истлевших кип полустершихся записей, вони фиолетовых чернил, взятки, засунутых под гангренозные пятна промокашек, жирных мух, щекотавших влажные шеи холодными подушечками проворных лапок, свежесенных, неуклюже вогнутых фотографий шести двойников-недочеловеков, трагических глаз и терпеливой учтивости просителей, родившихся в Слуцке, в Стародубе, в Бобруйске, воронок и блоков Святой Инквизиции, ужасной улыбки лысого мужчины в очках, которому объявили, что паспорт его никак не отыщут.

Признаюсь, как-то вечером, после особенно гнусного дня, я рухнул на каменную скамью, плача и проклиная издевательский мир, в котором липкие лапы консулов и комиссаров жонглируют миллионами жизней. Тут я заметил, что и она тоже плачет, и сказал ей, что все это в сущности было бы пустяком, когда бы она не сделала того, что сделала.

— Ты станешь думать, что я ненормальная,— сказала она с силой, которая на секунду почти превратила меня в реального для нее человека,— но я не сделала этого, клянусь тебе, не сделала. Может быть, я живу несколькими жизнями сразу. Может быть, я хотела тебя испытать. Может быть, эта скамейка — сон, а мы с тобою сейчас в Саратове или на какой-то звезде.

Было бы скучно возиться с различными стадиями, через которые я прошел, прежде чем окончательно принять первую версию ее задержки. Я не разговаривал с ней, был все больше один. Она мерцала и меркла, и вновь возникала с каким-нибудь пустяком, который, думалось ей, я, быть может, приму,— с пригоршней вишен, с тремя драгоценными сигаретами либо с чем-то в этом же роде. — она обхаживала меня с ровной, немой мягкостью сиделки, что ходит за брюзгливо выздоравливающим пациентом. Я перестал навещать большую часть наших общих друзей, потому что они утратили всякий интерес к моим паспортным делам и, казалось мне, стали вдруг неопределенно враждебными. Я написал несколько стихотворений. Я пил вино — столько, сколько удавалось добыть. В один из дней я прижал ее к моей стенойшей груди, и мы уехали в Кабуль на неделю и там лежали на круглой розовой гальке узкого пляжа.

Странно сказать, чем счастливее казались наши новые отношения, тем сильнее я ощущал потаенный ток горькой

печали, но говорил себе, что это — родовая черта всякой подлинной благодати.

Тем временем что-то сместилось в подвижном узоре наших судеб и наконец я вышел из темной и жаркой канцелярии с двумя пухлыми *visas de sortie**, лежавшими в чаше моих дрожащих ладоней. В должное время им вприсунули сыворотку США, и я понесся в Марсель и ухитрился добыть билеты на ближайшее судно. Я воротился и отгрохал по лестницам вверх. На столе я увидел розу в бокале — розовая сахаристость ее очевидной красоты, паразитические пузырьки воздуха, прилипшие к стеблю. Два запасных ее платья исчезли, исчез ее гребень, исчезло клетчатое пальто и муаровая головная лента, вместе с муаровым бантиком служившая ей шляпкой. Не было приколотой к подушке записки, не было во всей комнате ничего, что могло бы меня просветить, ибо, конечно, роза являлась попросту тем, что французские рифмоплеты зовут *une cheville***.

Я пошел к Веретенниковым, которые ничего не смогли мне сказать; к Геллманам, которые отказались сказать что-либо; и к Елагиным, которые колебались, говорить мне или не стоит. В конце концов старуха — а вы знаете, какова Анна Владимировна в решительные минуты — потребовала, чтобы подали ее трость с резиновым наконечником, тяжело, но решительно вытащила свое крупное тело из любимого покойного кресла и отвела меня в сад. Здесь она сообщила, что, будучи вдвое старше меня, она

имеет право сказать, что я хам и подлец.

Вообразите сцену: маленький, гравистый сад с одиноким кипарисом и синим кувшином из "Тысячи и одной ночи", треснувшая терраса, на которой дремал, укрывши пледом колени, отец старухи, когда оставил пост новгородского губернатора, чтобы провести в Ницце несколько последних своих вечеров; бледно-зеленое небо; запах ванили в густеющих сумерках; металлический свирист сверчков (две октавы выше среднего до); и Анна Владимировна — складки на щеках резко подрагивают, она осыпает меня материнскими, но совершенно мной не заслуженными оскорблениями.

В несколько последних недель, дорогой мой В., всякий раз что она в одиночку навещала три-четыре семейства, знакомых нам обоим, призрачная моя жена по капле вливала в нетерпеливые уши этих добрых людей удивительную историю. Вкратце: что она безумно влюбилась в молодого француза, способного дать ей дом с башенками и знатное имя; что она молила меня о разводе, и я отказал; будто бы даже сказав, что скорее застрелю ее и сам застрелюсь, чем один отплыву в Нью-Йорк; что ее, — сказала она, — отец в подобном же случае повел себя джентльменом; что мне, — сказал я, — наплевать на ее соси *de pere**.

Нелепые подробности этого рода имелись в избытке, и все зацеплялись одна за другую столь замечательным образом, что нельзя дивиться требованию старой дамы, дабы я поклялся не гоняться за любовниками с возведенным пистолетом в руке. Они уехали, сказала она, на виллу в

* выездными визами (франц.)

** здесь: излишеством

* рогносца (франц.)

Лозере. Я осведомился, попадался ли ей когда-нибудь на глаза этот мужчина. Нет, но ей показывали его фотографию. Я уж было ушел, когда Анна Владимировна, несколько поутихшая и даже протянувшая мне пять пальцев для поцелуя, вдруг вспыхнула снова, ударила тростью о гравий и произнесла глубоким и сильным голосом:

— Но одного я вам никогда не прощу — ее собаки, несчастного существа, которую вы своими руками удавили, прежде чем покинуть Париж.

Превратился ли господин с достатком в коммивояжера, или метаморфоза была обратной, или опять-таки был он ни тем ни другим, но неразборчивым русским, который приволакивался за ней перед нашей женитьбой, — все это решительно не имеет значения. Она ушла. Конеч. Я оказался бы идиотом, предайся я сызнова бредовым поискам и ожиданиям.

На четвертое утро долгого и гнетущего морского вояжа я повстречал на палубе важного, но приятного старого доктора, с которым в Париже игрывал в шахматы. Он спросил, не слишком ли беспокоит бурное море мою жену. Я ответил, что плыву один, вследствие чего он приобрел вид ошарашенный и сообщил мне, что дня за два до отплытия и именно в Марселе видел ее бродившей по набережной — довольно бесцельно, как ему показалось. Она сказала, что я вот-вот подойду с багажом и билетами.

Вот тут, сдается мне, и содержится главная соль рассказа, — хотя, если вы возьметесь его писать, пусть лучше будет не доктор, — с этим персонажем уже изрядно перусердствовали. Именно в ту минуту я вдруг наверное осознал, что ее вообще не было, никогда. Скажу вам и еще кое-что. Приехав сюда, я поспешил удовлетворить отчасти болезненное любопытство: я отправился по адресу, некогда данному ею, и обнаружил анонимный пролет меж двух

конторских домов; я поискал имя ее дяди в адресной книге, там его не оказалось; я навел кой-какие справки, и Гекко, который знает все, сообщил мне, что этот человек и его наездница-жена и вправду существовали, но переехали в Сан-Франциско после того, как умерла их глухая дочурка.

Рассматривая прошлое графически, я вижу наш искромсанный роман поглощенным глубокой долиной тумана, залегшей между скалистых отрогов двух образованных фактами гор; жизнь была реальной прежде, жизнь, надеюсь, будет реальной и отныне. Хоть и не завтра. Может быть, послезавтра. От вас, счастливого смертного, с вашей прелестной семьей (что Инесса? что ваши двойняшки?) и множеством разнообразных занятий (что ваши лишайники?), вряд ли следует ждать, что вы сумеете распутать мое несчастье в понятиях людского сообщества, но вы могли бы кое-что прояснить, пропустив его сквозь призму вашего искусства.

"Но ведь жалко!" Черт бы побрал ваше искусство, я отвратительно несчастен. Она еще бродит туда-сюда там, где бурые сети расстелены для просушки на горячих каменных плитах и крапчатый свет воды переливается на борту рыбацкой зашвартованной лодки. Где-то, в чем-то я совершил роковую ошибку. Бледные крохи ломаной чешуи там и сям посверкивают в бурных ячейках. Если я не буду осторожен, все это может завершиться "в Алеппо". Поберегите меня, В.: вы отягчите вашу игральную кость свинцом непереносимого смысла, если возьмете это слово в заглавие.

Бостон, 1943

Перевод С. Ильина

* См. предсмертный монолог Отелло в трагедии Шекспира.

Ослиное чудо

рассказ пола гэллико

Если вы едете в Ассизи мимо олив и кипарисов, по белой пыльной дороге, с которой то виден, то не виден этот маленький город, вы должны, достигнув развилки, выбрать между нижним и верхним путем.

Если вы решите ехать низом, вы довольно скоро увидите арку, сложенную еще в XII веке. Если же вам захочется подойти поближе к синему итальянскому небу и охватить взором дивные долины Умбрии, и вы и ваша машина попадете в самую гущу волов, козлов, мулов, осликов, свиней, детей и тележек, толпящихся на рыночной площади.

Именно здесь, вероятно, вы и встретите Пепино с Виолеттой, предлагающих свои услуги всякому, кому могут понадобиться маленький мальчик и выносливая ослица и кто готов заплатить им немного денег, чтобы они могли поесть и переночевать в хлеву у Никколо.

Пепино и Виолетта очень любили друг друга. Жители

Ассизи привыкли встречать на улицах и за городом худенького босого мальчика с большими ушами и серого как пыль ослика с улыбкой Моны Лизы.

Десятилетний Пепино уже не первый год как осиротел, но сиротою он был необыкновенным, ибо в наследство ему досталась Виолетта. Работящая и смиренная ослица с мягкой темной мордочкой и длинными бурыми ушами отличалась от своих собратьев и сестер одной особенностью: уголки ее губ были чуть-чуть приподняты, словно она деликатно улыбалась. Потому какая бы тяжелая работа ей ни выпадала, казалось, что она довольна. Улыбка ее и сияющие глаза Пепино могли умилить кого угодно, и мальчик с ослицей не знали особой нужды, даже откладывали немного про черный день.

Работали они тяжело — таскали воду, хворост, тяжелые корзины, помогали вытянуть из грязи повозку, занимались на уборку олив и даже доставляли домой слишком много

выпивших сограждан (Пепино придерживал седека, чтобы тот не свалился). А ночью, свернувшись на соломе, Пепино прислонился головой к ослиной шее, и думал иногда, что Виолетта — и мать ему, и сестра, и подружка, и помощница.

Люди, бывало, и били, и обижали их, но Виолетта всегда слушала его жалобы и нежно зализывала раны. Когда он радовался, он пел ей песни, когда горевал — плакал, уткнувшись в мягкий серый бок.

Зато и он кормил ее, поил, мыл и чистил, вынимал из ее копыт камешки, словом — очень о ней пекся, особенно когда они были одни, но и на людях не обижал. Виолетта же боготворила своего хозяина со всею верностью, нежностью и покорностью, на какие способны ослы.

И вот, когда она заболела ранней весной, Пепино себя не помнил от горя. Она стала безучастной, не хотела вставать, худела, а хуже всего, что исчезла ее кроткая и тонкая улыбка. Погоревав с неделю, Пепино пересчитал деньги и пригласил к ней доктора Бартоли.

Ветеринар добросовестно ощупал ее и выслушал, но толком не помог.

— То ли кишечная инфекция,— сказал он,— то ли кто укусил, не знаю... Был такой случай в Фолиньо. Пускай лежит, корми ее полегче. Будет на то Божья воля — поправится. А нет так нет, чего ей страдать.

Когда он ушел, Пепино припал к ее тощему боку и долго плакал. Что делать дальше, он знал. Если ей нельзя помочь на земле, надо обращаться выше. Они должны пойти вместе в крипту, под церковью святого Франциска, к самым мощам того, кто так любил Божьи твари, что называл их братьями и сестрами.

Рассказывал об этом отец Дамико, и говорил он так, словно святой Франциск жив, и может показаться — в бурой ряске, подпоясанной веревкой,— из-за угла, или из-за поворота узенькой мощеной улочки. Кроме того, Пепино и сам знал об одном чуде. Друг его, сын Никколо, понес в усыпальницу кошку, попросил Франциска, и тот ее вылечил — во всяком случае, подлечил, задние ноги у нее не совсем окрепли, но она осталась жива.

Не без труда уговорил он подняться свою больную подругу и, глядя ее, повел кривыми проулками к базилике святого. У входа в нижнюю церковь он со всем почтением попросил фра Барнардо, который там дежурил, пустить Виолетту к Франциску, на лечение.

Фра Барнардо постригся совсем недавно и, обозвав Пепино богохульником и нахалом, приказал немедленно уйти. Не говоря уж о кощунстве самой затеи, осел и не пройдет по винтовой лесенке, на которой едва помещается человек; так что Пепино не только мерзавец, но и кретин.

Пепино послушно отошел, обнимая Виолетту. Он был огорчен и даже обижен, но надежды не потерял. Давно, когда он стал сиротой, ему досталась в наследство не только ослица — один их друг, наполовину ирландец, звавшийся Франческо Ксаверие О'Халлоран, научил его мудрому правилу: «Нет — не ответ».

Что делать дальше, он знал; однако он все же пошел сначала к своему другу и наставнику, отцу Дамико.

Священник — такой широкоплечий, словно его и создали для того, чтобы нести чужие бремена,— сказал ему:

— Да, сынок, ты имеешь право пойти к настоятелю, а он — согласиться с тобой или отказать.

Говорил он это не по лукавству, ибо не совсем понимал, что же станет делать настоятель с такой простодушной верой. Ему казалось, что этот достойный монах слишком много думает о том, привлекают ли туристов базилика и крипта. Сам отец Дамико пустил бы к гробнице и осла, и мальчика, но это зависело не от него. «Интересно,— думал он,— что же сделает настоятель?» — и ему казалось, что он это знает наперед.

Однако опасениями своими он с Пепино не делился, только сказал напоследок:

— А если ее не пустят там наверху, есть еще один ход, снизу, через старую церковь, только его заложили много лет тому назад. Но можно его открыть. Ты попроси настоятеля, он знает.

Пепино сказал «спасибо» и пошел к базилике, чтобы повидать настоятеля. Настоятель был милостив и, хотя в то время беседовал с епископом, велел пустить Пепино, который, войдя в монастырский сад, стал ждать, пока такие важные люди кончат свою беседу.

Епископ и настоятель гуляли по дорожке, и Пепино с надеждой глядел на епископа, ибо он казался помятче, а настоятель немного походил на лавочника. Говорили они, вроде бы, о святом Франциске.

— Он слишком далеко ушел от этого мира,— со вздохом сказал епископ.— Урок его понятен тем, кто имеет уши. Но кто в наше время захочет к нему прислушаться?

— Многие ездят в Ассизи посмотреть на гробницу,— сказал настоятель.— Однако в святой год не помешала бы реликвия. Нам бы прядь его волос, или ноготь, что угодно...

Епископ глядел вдаль и покачивал головой.

— Весть, вот что нам нужно, дорогой мой отец. Весть через семь столетий, которая напомнила бы, чего он от нас хотел.— И он замолчал и закашлялся, потому что был вежлив, и заметил, что Пепино ждет.

Тогда обернулся и настоятель.

— Ах да, сын мой! — сказал он.— Чего ты от меня хочешь?

— Простите, отец,— отвечал Пепино.— Мой ослик заболел, Виолетта. Доктор Бартоли говорит, помочь ей нельзя, она умрет. Можно, я ее отведу к святому Франциску и попрошу, чтобы он ее вылечил? Он очень любил зверей, а осликов — больше всего.

— Как тебе в голову пришло?! — спросил настоятель.— Осла, в святилище... Нет, что же это такое!

Пока Пепино рассказывал про котенка, епископ глядел в сторону, скрывая улыбку. Но настоятель не улыбался.

— Как это Джанни пронес коту к гробнице? — спросил он.

Книги американского писателя Пола Гэллик (1897—1979) любимы детьми и взрослыми во многих странах. Хорошо, что его имя становится наконец известным и в России. Возможно, вы читали его чудесную «Томасину». Только что журнал «Юность» напечатал «Снежного гуся» — повесть, принесшую писателю славу еще в 1936 году; готовится к изданию сборник его рассказов... Гэллик прожил долгую славную жизнь; рядом с ним были преданные близкие; его окружали опекаемые им кошки, собаки и птицы. Мотив любви ко всему существу, звучащий в публикуемом нами рассказе,— благодарная дань писателю французской традиции, столь сильной в западной культуре.

Дело было прошлое, и Пепино честно ответил:

— Под курткой, отец.

— Ну что ж это такое! — вскричал настоятель. — А другой понесет щенка, а третий — теленка или там козу, или, помилуй Боже, свинью. До чего же мы дойдем? Это церковь, а не стойло.

Искося взглянув на епископа, он добавил:

— Да и вообще, она там не пройдет. Ничего у тебя не получится.

— Есть и другой ход, отец, — сказал Пепино, — через старую церковь. Можно его открыть для такого дела.

Тут настоятель рассердился.

— Ты в себе или нет? Ломать церковную стену ради какого-то скота!

— Знаешь что, — сказал епископ, — пойди домой и помолись святому. Он и там тебя услышит.

— Он ее не увидит! — закричал Пепино, стараясь не заплакать. — Он не увидит, как она улыбается! Правда, теперь она больная, но для него улыбнется. А он увидит, и вылечит ее, я точно знаю!

— Мне очень жаль, сын мой, — твердо сказал настоятель, — но отвечу я «нет».

Даже в таком горе Пепино помнил, что «нет» — не ответ.

— Кто выше его? — спросил он отца Домико. — Кто может приказать и ему, и самому епископу?

Отца Дамико даже зазнобило, когда он представил все ступени иерархии, от Ассизи до Рима. Однако он объяснил, что мог, и завершил свой рассказ словами:

— А на самом верху — Его Святейшество Папа. Он очень хороший человек, но у него много забот, и тебя к нему не пустят.

Пепино пошел к Виолетте, покормил ее, напоил, отбер ей морду, вынул из-под соломы свои деньги и пересчитал их. Оказалось почти триста лир. Сто он оставил Джанни, чтобы тот кормил Виолетту, пока он, Пепино, не вернется. Потом он погладил ее, поплакал, что она так отошала, надел куртку и вышел на дорогу.

Вскоре грузовик подвез его до Фолиньо, откуда шла дорога в Рим.

Рано утром он стоял на площади св. Петра — растерянный, несчастный, босой, в рваных штанах и старой куртке. Здесь, среди огромных домов и храмов, он не так сильно верил в успех; но перед внутренним его взором стояла больная ослица, которая уже не улыбалась. И, перейдя площадь, он несмело приблизился к какому-то из боковых входов в Ватикан.

Огромный гвардеец в разноцветной и яркой форме — алой, желтой, синей — держал алебарду и выглядел грозно. Однако Пепино подошел к нему и сказал:

— Простите, можно мне пойти к Папе? Нам надо поговорить про осла Виолетту. Она больная, и не дай Бог, умрет, если Папа не поможет.

Гвардеец улыбнулся довольно добродушно, ибо привык к нелепым просьбам, а глазастый и ушастый мальчик опасности не представлял. Однако он покачал головой и сказал, что Святейший Отец очень занят, а потом опустил алебарду, перегораживая вход.

Но Пепино знал, что «нет» — не ответ, а значит — надо подойти еще раз. Пока же, оглядевшись, он увидел старуш-

ку под зонтом, которая продавала весенние цветы — фиалки, анемоны, подснежники, белые нарциссы, ландыши, анютины глазки и маленькие розы. Многие покупали их, чтобы положить на алтарь своего любимого святого. Цветы были совсем свежие, на лепестках сверкали капли росы.

Посмотрев на них, Пепино вспомнил о доме и об отце Дамико, и о том, как святой Франциск любил цветы. Если святой их любил, подумал он, их должен любить и Папа, который даже и начальник над всеми святыми.

Тогда он купил многоэтажный букетик: серебристые ландыши вздымались фонтаном из темных фиалок и маленьких роз, ниже лежали обручем анютины глазки, а хвостики, обложенные мхом и папоротником, были обернуты в бумажное кружево. У лотошницы, продававшей открытки и сувениры, он попросил карандаш, листок бумаги, и составил не без труда такую записку:

«Дорогой и святой отец! Вот Вам букет. Мне очень нужно Вас видеть и рассказать про моего ослика Виолетту. Она умирает, а мне не дают отвести ее к святому Франциску. Живем мы в Ассизи, и я сюда пришел с Вами поговорить. Любящий Вас Пепино».

Потом он снова подошел к дверям, протянул швейцарю букетик и записку, и попросил:

— Пожалуйста, передайте это Папе. Когда он прочитает, что я написал, он меня пустит.

Швейцарец этого не ждал. Отказать, когда на него так доверчиво смотрят, было очень трудно, но он знал свое дело: надо попросить другого гвардейца, чтоб тот подежурил за него минутку, пойти на пост, выбросить цветы в корзину, а потом сказать этому мальчишке, что Его Святейшество благодарит за подарок, но принять не может, дела.

Начал он бодро, но, увидев корзину, понял, что не в силах кинуть туда букет. Цветы как будто прилипли к пальцам. Перед ним встали зеленые долины Люцерна, белые шапки гор, пряничные домики, кроткие коровы среди цветущих трав, и он услышал звон колокольчиков.

Сильно этому удивляясь, он пошел по коридорам, не зная, куда же деть цветы. Навстречу ему попался деловитый тшедушный епископ — один из бесчисленных служащих Ватикана — и тоже удивился, что дюжий гвардеец беспомощно глядит на букетик.

Так и случилось маленькое чудо: письмо и подарок нищего мальчика пересекли границу, отделявшую мирское от вечного и установленную священством. К великому облегчению гвардейца, епископ взял злосчастное послание и тоже умилился, ибо цветы, хотя растут они повсюду, напоминают каждому о том, что он любит больше всего.

Букетик переходил из рук в руки, со ступеньки на ступеньку, и ему умилялись поочередно все, до папского камерленго. Роса высохла, цветы потеряли свежесть, но чары свои сохраняли, и никто не мог выбросить их как мусор.

Наконец они легли на стол того, кому и предназначались, а рядом с ними легла записка. Он прочел ее и сидел тихо, глядя на букет. На минуту он закрыл глаза, чтобы не так скоро исчез городской римский мальчик, впервые увидевший фиалки на пригородных холмах. Открыв глаза, он сказал секретарю:

— Приведите его ко мне.

Так Пепино предстал перед Папой, и обстоятельно рассказал про свою беду, с самого начала и до конца, доброму толстому человеку, сидевшему за письменным столом.

Через полчаса он был счастливейшим мальчиком на свете, ибо нес домой не только папское благословение, но и два письма — к настоятелю и к отцу Дамико. Спокойно проходя мимо удивленного, но обрадованного гвардейца, он жалел лишь о том, что не может одним прыжком долететь до Виолетты.

Автобус довез его до того места, где Виа Фламиния становится проселочной дорогой, а оттуда, на попутках, он добрался к вечеру до Ассизи.

Виолетте хуже не стало, и ее хозяин гордо пошел к отцу Дамико, передать письма, как велел Папа. Священник потрогал послание к настоятелю, а свое прочитал, сильно радуясь, и сказал:

— Завтра настоятель пошлет каменщиков, старую дверь взломают, и ты пройдешь с Виолеттой к гробнице.

В письме к отцу Дамико было, кроме прочего, написано так:

«Несомненно, настоятель знает, что при жизни святой Франциск входил в храм вместе с ягненком. Разве asinus — не такая же Божья тварь, если уши у него длиннее и шкура толще?»

Кирка звенела, ударяясь о старинную кладку, а настоятель, епископ, священник и мальчик ждали немного поодаль. Пепино обнимал Виолетту, прижавшись к ней лицом. Она еле стояла.

Стена поддавалась туго, и каменщик бил долго, прежде чем люди увидели сквозь первую дыру мерцающие свечей у раки святого.

Пепино шагнул вперед, или то шагнула Виолетта, испугавшись внезапного шума? «Постой!» — сказал священник, и Пепино придержал ее, но она вырвалась, кинулась к стене, и боднула ее с налета.

Выпал еще один кирпич, и что-то затрещало.

Отец Дамико успел оттащить мальчика и осла, когда камни обвалились, обнажив какую-то нишу, мгновенно исчезнувшую в пыли.

Когда пыль осела, онемевший епископ указывал пальцем на какой-то предмет. Это была маленькая серая оловянная шкатулка. Даже оттуда, где все стояли, были видны цифры «1226» и большая буква «F».

— Господи! — сказал епископ. —

Быть не может! Завещание святого Франциска!... Брат Лев пишет о нем, но его не могли найти семь столетий...

— Что там? — хрипло проговорил настоятель. — Посмотрим скорее, это огромная ценность!..

— А не подождать? — сказал епископ.

Но отец Дамико вскричал:

— Прошу вас, откройте! Все мы тут — простые, смиренные люди. Господь нарочно привел нас сюда.

Настоятель поднял фонарь, а каменщик вынул ларец осторожными рабочими руками. Крышка открылась, являя то, что было скрыто семь столетий.

Лежала там грубая веревка, служившая когда-то поясом, а в узел ее были воткнуты колос, прозрачный цветок, похожий на звезду, и перышко птицы.

Люди молча смотрели на послание, пытаясь разгадать его смысл, а отец Дамико плакал, ибо видел, как почти ослепший, усталый, немощный Франциск, подпоясанный этой веревкой, поет, проходя среди колосьев. Цветок, наверное, он сорвал, когда только стаял снег, и назвал: «сестра моя фиалка», и поблагодарил за красоту. Птичка села на его плечо, пощebetала и улетела, оставив перышко. Отец Дамико подумал, что не вынесет такого блаженства.

Чуть не плакал и епископ, переводя про себя: «Да, именно так — бедность, любовь, вера. Вот что он завещал нам».

— Простите, сеньоры, — сказал Пепино, — можно мы с Виолеттой к нему пойдем?

Отец Дамико отер слезы, и отвечал:

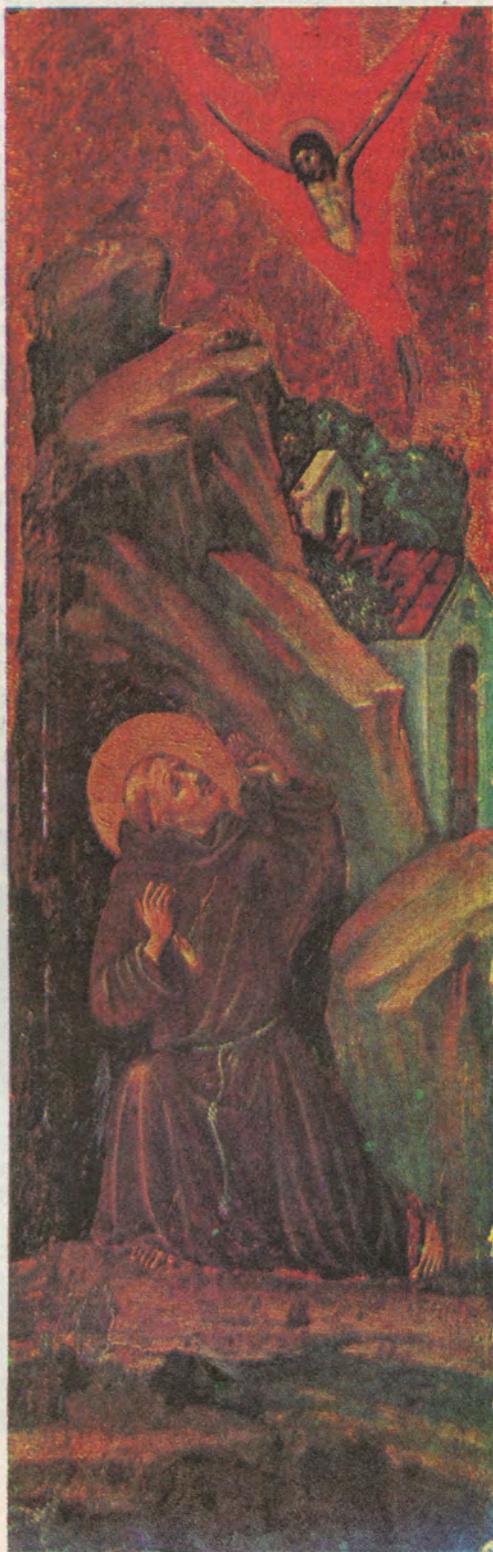
— Ну конечно. Идите, и да пойдет с вами Господь.

Копытца процокали по старым плитам. Виолетта шла сама, Пепино не поддерживал ее, только поглаживал по холке. Он держал высоко круглую кудрявую голову, и уши его победно торчали, а плечи были расправлены.

Когда паломники, чающие чуда, проходили мимо него, отцу Дамико показалось, что тень былой улыбки лежит на устах ослицы. И контуры ушастых голов исчезли в мерцающем золоте светильников и свечей.

Перевод Натальи Трауберг

*Святой Франциск Ассизский.
(Фрагмент триптиха.
Сиенский художник. XIV век.)*

Неумирающий Дюма

Новые издания
старого классика

По последним данным газеты «Книжное обозрение», Александр Дюма-отец сегодня лидирует среди всех издаваемых у нас авторов и по числу названий, и по сумме тиражей. Собрания сочинений Дюма выходят теперь одно за другим, хотя лишь первые из них — 15-томные — доведены до конца. Если же говорить об отдельных изданиях, то нельзя не отметить в последнее время некоторую «смену репертуара»: сегодня чаще выходят не пресловутая «мушкетерская серия» или «Граф Монте-Кристо», а двухтомный роман «Жозеф Бальзамо», посвященный событиям, предшествующим Великой французской революции, и его продолжения: «Ожерелье королевы», «Анж Питу» и «Графиня де Шарни», а также сюжетно примыкающий к ним роман «Шевалье де Мезон-Руж», известный еще под заглавием «Кавалер Красного Замка». В первом из этих романов австрийская принцесса Мария-Антуанетта только приезжает во Францию как невеста герцога Орлеанского — будущего короля Людовика XVI, а в последнем, после казни своего августейшего супруга, уже сама ожидает подобной участи. Отчаянно смелый шевалье де Мезон-Руж предпринимает последнюю попытку освободить королеву — тщетно! Заговор раскрыт, и не только участники его, но и сочувствующие заговорщикам один за другим гибнут на гильотине.

Другой весьма популярный нынче у российских издателей (а прежде почти неизвестный у нас) роман Дюма — «Луиза Сан-Феличе», вместивший в свои три тома короткую, но захватывающе драматичную историю Неаполитанской республики, возникшей на

гребне Французской революции, в самом конце XVIII века. Главная героиня, подарившая роману свое имя, — фигура вымышленная, но это чуть ли не единственное отступление писателя от исторической правды. А что такое историческая правда в сравнении со слащавой легендой, можно судить по двум персонажам романа — знаменитому английскому адмиралу Нельсону и его подруге леди Гамильтон, знакомой вам, вероятно, по одноименному фильму с участием обаятельнейшей Вивьен Ли. В отличие от героини фильма, вызывающей сочувствие и жалость, а у многих и слезы, в романе Дюма мы видим холодную, черствую и расчетливую фаворитку сразу двух господ: того же Нельсона и неаполитанской королевы — умной, но крайне неприятной особы. А Нельсон — тот вообще совершает поступок откровенно подлый: вместо того чтобы дать отплыть в изгнание сдавшимся в плен республиканцам (как было предусмотрено условиями капитуляции), он по наущению королевы и по просьбе возлюбленной нарочно удерживает корабль в гавани и предаёт доверившихся ему людей в руки «королевского правосудия», обрекая их на мучительную смерть... Нет, это не придумано для остроты сюжета: увы, так было в жизни.

Как известно, количество переходит в качество. Новые книги Дюма, кои получил за последнее время русский читатель, не просто расширяют наши представления о популярнейшем авторе — сам Дюма становится иным в наших глазах. Вот в московском издательстве «Ладомир» только что вышли прекрасно иллюстрированные трехтомные мемуары Дюма о длившемся более полугода (1858—59) его путешествии по России. Называются они — «Путевые впечатления. В России». В 3-м томе этих мемуаров, к слову сказать написанных остроумно и задушевно, в качестве приложения даны отклики тогдашней русской прессы на путешествие Дюма по российским городам и весям (помимо обеих столиц, Дюма

проехал почти по всей Волге, до Астрахани, а оттуда завернул на Кавказ). Отклики были разные — восторженные и раздраженные. Авторы отрицательных мнений считали Дюма писателем легковесным и фальшивым, а человеком вздорным и не порядочным, хотя судили о нем обычно с чужих слов и не раз попадали в просак.

А в тех же мемуарах как раз видно, с какой творческой жадностью окунался писатель в почти неведомую ему русскую жизнь, с каким искренним волнением и интересом изучал Петергоф или остров Валаам, Петропавловскую крепость или Бородинское поле, тихий Углич, где совершилась великая трагедия XVI века — убийство царевича Димитрия, или озеро Эльтон, одно из крупнейших соляных озер России. Все это явно не вяжется с обликом легкомысленного и беспечного фланера, каким любят изображать Дюма его российские и иноземные недруги, не признающие за ним дарования серьезного исторического писателя.

Вскоре, кстати, должен выйти еще «Кавказ» (воспоминания о той же российской поездке, только по кавказскому региону) и обширные «Мои мемуары». Все эти вещи, как обещает московское издательство «Светоч», войдут в состав 80-томного (неподписного) собрания сочинений Дюма, кое надеется выпустить это издательство в современных переводах и с подробным историческим комментарием. А пока из этих 80 томов вышел лишь первый, с романом «Исаак Лакедем», — вариант сюжета о так называемом «вечном жиде», когда-то обидевшем Христа, ведомого на казнь, и за это обреченном скитаться по земле до скончания века.

«Заставляет ли Дюма думать? Редко. Мечтать? Никогда. Лихорадочно переворачивать страницы? Всегда». Это еще одна неправда (вернее, полуправда) о Дюма, хотя и высказанная его соотечественником и биографом, писателем Андре Моруа.

Ну, насчет переворачиваемых страниц спору нет: каждый, открывший хоть одну книгу великого француза, знает это по себе. Но — почти не заставляет мечтать? Да кто такой Д'Артаньян, если не мечтатель? А его друзья мушкетеры? А виконт де Бражелон? А граф де Бюсси («Госпожа Монсоро»)? А граф Монте-Кристо?

А если у романиста действует столько мечтателей, можно ли сказать, что он не заставляет мечтать?

Ну а на вопрос, учит ли Дюма думать, вы ответите сами, обратившись к тем книгам, о которых мы вели речь. Книгам, которые с большим удовольствием и не меньшей пользой прочтете вы сами и ваши дети-подростки. А впрочем, вышел недавно в Москве (в издательстве «Интерфейс») и сборник сказок Дюма. Так что вскоре можно ожидать у нас поклонников французского классика и среди детей младшего возраста.

С. Конев

Как в старой гимназии

Ю. Айхенвальд. Силуэты русских писателей. Предисловие В. Крейда. М., «Республика», 1994.

«Диктатура, где твой хлыст?» — так недвусмысленно называлась статья в «Мравде» от 2 июня 1922 года, подписанная инициалом О., хотя заинтересованные лица знали, что написал ее сам Троцкий. Хлыст пролетарской диктатуры призывался на голову критика и публициста Юлия Исаевича Айхенвальда (1872—1928), названного «подколотым эстетом», после чего арест и высылка за границу последовали почти автоматически.

Непосредственно взбесил Троцкого хвалебный очерк Айхенвальда об уже расстрелянном тогда поэте Гумилеве, но, по совести говоря, за пять лет

большевистской власти Айхенвальд дал ей достаточно поводов быть им недовольной. Пуще разгромленного (к 22-му году) белогвардейского сопротивления большевизму власть должно было бесить (и бесило) не политическое, а философское, так сказать, точнее даже этическое неприятие большевистского переворота, который Айхенвальд, например, считал чем-то вроде исторической Немезиды, чудовищной расплатой за грехи императорской России, и вряд ли верил в осмысленность политической борьбы. Он не собирался эмигрировать, избегал «фронды» (видимо, не чувствуя права на нее), но зато не сделал ни единого шага навстречу «новому миру», не «поклонился» (было тогда в ходу такое выражение) и не отказался от своих заветных верований.

А верил Айхенвальд в русскую литературу, ее людей и ее предания, в созданное ею представление о человеческом достоинстве. Верил истово. Почти религиозно.

«Силуэты русских писателей» — лучшая книга Айхенвальда — с 1906-го по 28-й год выдержала шесть изданий; он постоянно работал над ней, дополнял, уточнял, переписывал, — можно без преувеличения назвать ее делом всей жизни. Это портреты-характеристики 63 русских писателей, по большей части из числа «классиков» — от Карамзина до Ахматовой. Характеристики, скажем, достаточно прихотливые с точки зрения метода их написания. Вообще-то Айхенвальд и впрямь был эстетом (только «подколотого» Троцкий

подпустил зря). Он отказывался считать литературоведение «наукой», в чем расходился с большинством коллег (от замшелых позитивистов разных мастей до начинающих в пору его зрелости «формалистов» — Тынянова, Эйхенбаума, Шкловского). Будучи поклонником Шопенгауэра, чьи произведения он переводил на русский язык, Айхенвальд исповедовал Тайну Писательства, недоступную истолкованию в понятиях, и «покорялся таланту как благодати» (по выражению редактора берлинской газеты «Руль», где он печатался после высылки из России). Способ проникнуть в замкнутый мир писателя Айхенвальд видел в «интуиции, догадке, размышлении», что, как он, конечно, понимал, слишком напоминало сотворчество. Поэтому он призывал толкователя (прежде всего — самого себя) к добросовестной осмотрительности своих интуиций, чтобы не впасть в субъективистский произвол. Самой структурой творческого сознания, считал Айхенвальд, писатель связан с «мировой сутью», т. е. основополагающими началами бытия, а потому должен рассматриваться «вне исторического пространства и времени».

Вместе с тем этот Эстетствующий Критик был на протяжении многих лет Учителем Словесности в русских гимназиях, и только слепой не разглядит на страницах его «Силуэтов» тень гимназической программы со всем, что ей, как правило, было свойственно. Тут и «общественное значение» того или иного писателя, и отдельный анализ «формы» и «содержания», и, разумеется, сочувствие «униженным и оскорбленным» и «освободительному движению». Короче, весь набор традиционных интеллигентских представлений о литературе, который, если чем-то и бедноват, то все-таки не вовсе уж не имеет достоинств. Айхенвальд был классический русский интеллигент, и взаимодействие его эстетизма с его же интеллигентской дидактикой образует, если угодно, драматургию «Силуэтов». Даже когда он, казалось бы, совершает святотатство, посягая на «благочестивое сказание» о Белинском, и указывает на несамостоятельность и переменчивость его мнений, все равно, это «свой» говорит о «своем». Ибо представление о «правде во что бы то ни стало» тоже в конце концов чисто интеллигентское.

«Силуэты» — умная и острая книга, правда, на современный вкус, написанная слишком красиво и многослов-

Н. В. Гоголь читает «Ревизора» литераторам и актерам Малого театра. 5 ноября 1851 года

но. Пожалуй, ее многословие можно уподобить скуке, по определению при-сущей уроку в школе. А если серьезно, то не стоит забывать, что в своем многословии Айхенвальд часто договаривался до формулы, яркого образа, тонкой мысли, вопроса, задевающего ум, и т. д., что, естественно, лучше показать на нескольких примерах, взя-тых почти наугад.

О Пушкине: «Сама действительность, если бы захотела рассказать о себе, заговорила бы умной прозой Пушкина».

О старике Аксакове, авторе «Багрова-внука»: «Чья душа вместит страсть в полноту мгновений наряду с отчетли-востью прошедших образов? Здесь необ-ходим выбор, и надо поступиться на-пряженностью настоящего, для того чтобы остаться верным прошлому. Ак-саков и был мирен, спокоен, добродушен в каждый данный момент, оттого и далась ему памятьливость чувства, нрав-ственная археология. Он глубоко запо-нил, и облики умерших людей так выра-зительно обрисовались как раз на фоне его духовной тишины».

Об Огареве, друге Герцена: «...он полон беспредметных желаний, «давно угас-шего стремления»; его сердце безотчет-ливо ноет и не сознает, чего оно хо-чет... Огарев — ищущий без объекта исканий; можно ли в таком случае най-ти?»

О Салтыкове-Щедрине: «Можно не любить Салтыкова, но с ним нельзя не считаться. Не только автор, но и ав-торитет, он в литературе какой-то «сам»; и если бы в своей частной жизни он был самодуром, то это бы только соответствовало его художественному об-лику... Конечно, на ловца и зверь бежит; и Щедрин, ловец специфический, видел только то, что мог видеть,— и, несо-мненно, к свойствам его таланта при-способлялись факты, к зрению — зрели-ще; но во многом был он прав и правдив, и порою было неизвестно, что к чему иллюстрация: Салтыков ли к русской жизни, или русская жизнь к Салтыко-ву».

Наконец, о Гумилеве (из того само-го крамольного очерка): «Грубое... не для него писано; он поэт высокой куль-турности, он внутренне знатен, этот художник-дворянин. Если понимать под дворянством некоторую категорию, не-которую уже достигнутую и осущест-вленную степень человеческого благо-родства, ту, которая обязывает (po-blesse oblige), то в этой обязывающей привилегированности меньше всего от-кажешь именно Гумилеву».

Так вот. Незачем доказывать, что в наше послесловное время никакой связанной истории (никакого академи-ческого курса) русской литературы попросту не существует; нет, соответ-ственно, и хороших учебников литера-туры. Те, что были, были плохие, но хороших все равно нет. Может быть, в «Семье и школе» уместно выразить робкую надежду, что при таких обстоя-тельствах «Силуэты» Айхенвальда по-падут в поле зрения учителей-словес-ников — конечно, не в качестве мето-дического пособия, а как пример не-простого умения думать самостоятельно.

Б. Шугрин

Пионерский декаданс

Поэма Тимура Кибирова «Солнцедар» в газете «Сегодня» (1.10.1994).

Волею судеб Тимур Кибиров и Д. А. Пригов два самых не скажу лучших, два самых заметных современных поэ-та. Бродский далеко и высоко, о про-чих умолчу, эти же двое вот, рядом. Поэтолюбивые немцы имели резон вручить им не так давно одну на двоих Пушкинскую премию. Оба вышли из лона поэтического концептуализма (т. е. Д. А. Пригов так и не вышел). Тут, пожалуй, кончается хилое сходст-во между ними. Д. А. Пригов мерцает в зеркалах хитроумных имиджей, Ки-биров же рвется на простор лиричес-кого высказывания, ловит звуковую волну. Хочет, видимо, быть доступным поэтом. Так вот, о Кибирове. О поэме «Солнцедар».

Лет сколько-то тому назад Кибиров запомнился поэмой-плачем на смерть незабвенного К. У. Черненко, напи-санной в образе и от лица «советского юноши», вчерашнего пионера, что было талантливо и смешно. И зло. И над-садно. Многие, наверное, запомнили (хотя бы из-за скандала в раннеперес-троечной прессе). То был так называ-емый «концепт».

С тех пор Кибиров стал моден и знаменит. Теперь, в «Солнцедаре», читаем:

«Старшеклассники, мы с дембелями яхшались, / угощали их нашим вином / и, внимая их рассказам, мы приуча-лись / прилпатненным болтать матер-ком. / Как-то там уживалась Прекрас-ная Дама / с той, из порнографических

карт, / дамой пик с несуразно больши-ми грудями. / На физ-ре баскетболь-ный азарт / сочетался с тоскою, такою тоскою, / с роковою такою тоскою, / что хоть бейся о стенды на стенах башкою / или волком Высоцкого вой!»

Пусть читавшие «Солнцедар» про-стыят эту длинную выписку, сделанную для того, чтобы нечитавшие смогли оценить и тему, и стиль, и блоковскую просодию означенной поэмы, суть коей в том, что взрослый автор, ностальги-чески хватив «Солнцедара», воспомина-ет себя Блоком, и все такое в обстановке 70-х годов (эка невидаль, честно гово-ря!).

Не знаю, кого как, меня поэма Ки-бирова огорчила своей слабостью (мно-го слабей и наивнее прежних его ве-щей). По-видимому, все в ней правда, порой даже лишняя, вроде «Светы К.» и отроческих сексуальных затрудне-ний. Или выглядит правдой, что то же самое. Есть версификационная хватка, но нет холодка мастерства. «Исповедь» не отличается от «автобиографии». А хуже всего убийственная серьезность (с квазиблоковским надрывом в кон-це). Будто поэт не сознает, что не все «что было» заслуживает быть «воспе-то». Что пионерско-комсомольское детство, отошедший в прошлое, не ста-новится поводом плакать и декадент-ствовать. Можно ведь и дух перевести. Все помнят школу в начале жизни, однако не о всякой пишутся великие стихи. Школа, выпавшая нашим поко-лениям, «не есть предмет пиитичес-кий», сказали бы в старину. Во всяком случае, требующий непрямого угла зре-ния. Без надрывающей (якобы) ду-шу полугадливой ностальгии. Лауреату Пушкинской премии не худо бы вспо-мнить пушкинское «и с отвращением читая жизнь мою». Именно «отвраще-ния», т. е., собственно, дистанции, ракурса, создающего иное отношение между поэтом и жизнью, нет в «Солн-цедаре» (поэме), сколь бы отвратите-лен ни был «Солнцедар» (вино).

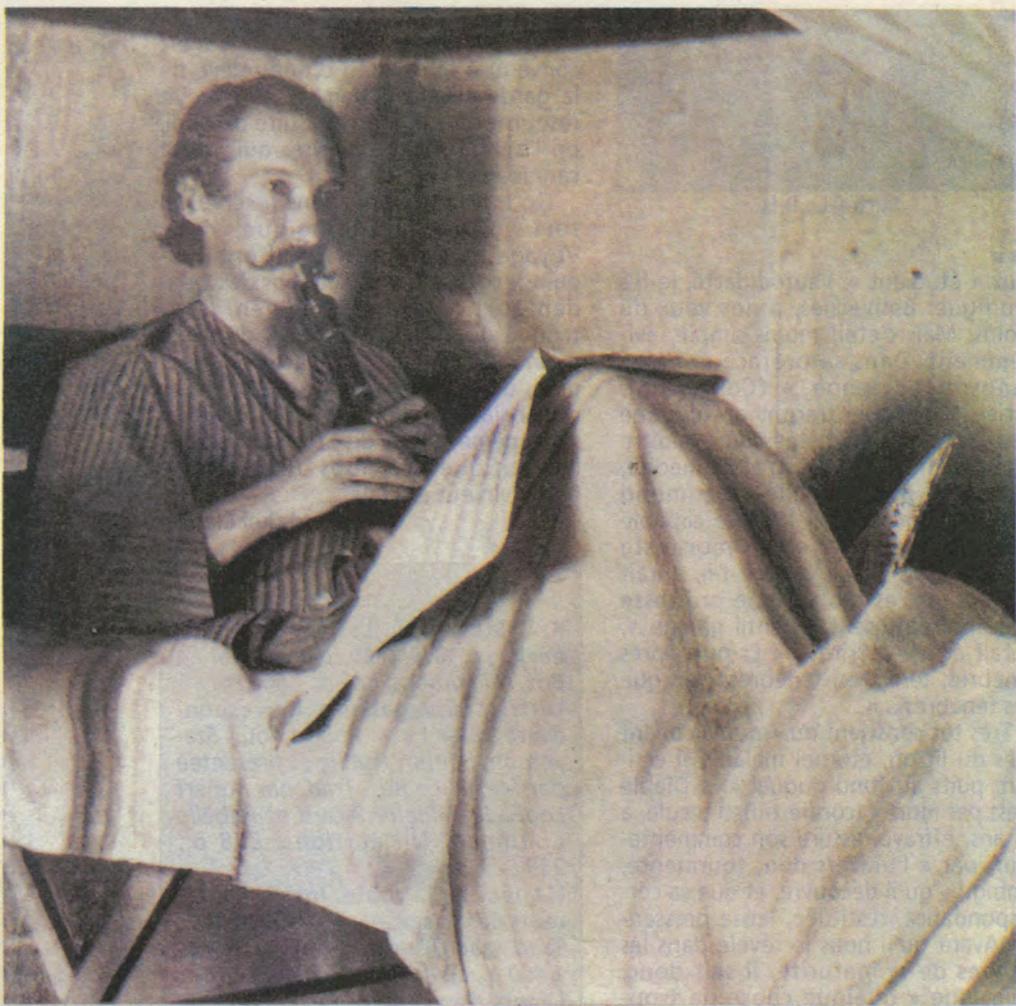
Повторю, эта заметка продиктована огорчением. Не один будущий концеп-туалист в отрочестве мечтал быть Блок-ком. Блок не Блок, а Кибиров, даже перестав быть концептуалистом, все равно человек талантливый. Но поис-ки доступности на путях «Солнцедара» не сулят ему, боюсь, ничего, кроме перспективы стать новым Евтушенко или, упаси бог, Эдуардом Асадовым.

Так себе перспектива.

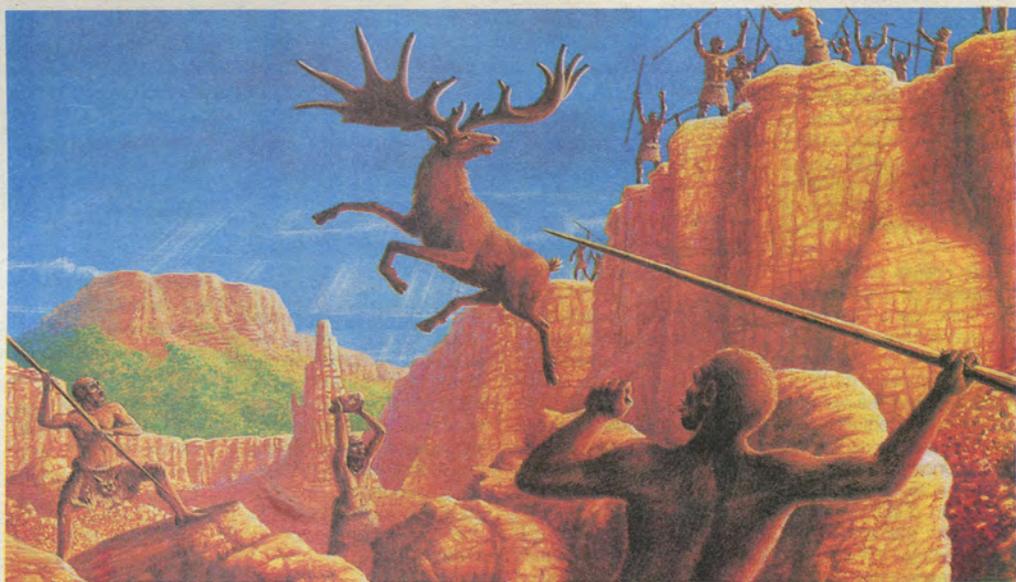
Б. Ш.

ПАНОРАМА

В 1894 году, то есть сто лет тому назад, умер Роберт Льюис Стивенсон, писатель гораздо более актуальный, чем большинство его современников. Он как будто предвидел основное затруднение сегодняшней литературы, не умеющей справиться с простотой / сложностью действительности и то и дело впадающей то в элементарность, то в заумь, а то и в заумную элементарность, что хуже всего. Конечно же, он намного крупнее своей репутации «автора приключенческих романов». С авантюрной поверхностности своей прозы Стивенсон ушел в таинственную глубину человеческой души и законов, управляющих ею. Не будучи снобом, не боялся ни простоты, ни занимательности. Однако какая-то врожденная меланхолия заставляла его высвечивать сложное в простом, а в динамике занимательной интриги чувствовать трагический привкус тщеты. Это был очень хороший писатель, знавший, что литература и действительность не одно и то же: «Роман существует не за счет своего сходства с жизнью, а напротив, за счет бесконечного отличия от нее».

Это пример, если так можно выразиться, антропологической живописи — художник Серж Ошен выпустил весной в Париже альбом из 16 картин, иллюстрирующих жизнь первобытного человека; мы воспроизводим одну из них. Так, согласно представлению художника, сложившемуся, понятно, не без знакомства с данными науки, протекали труды и дни Хомо эректуса, который жил на земле от 400 000 до 1,5 миллионов лет назад и на лестнице эволюции непосредственно предшествует Хомо сапиенсу, то есть нам с вами. Красиво и познавательно

Визель, тоже лауреат Нобелевской премии мира, 63-летний писатель с необычайной судьбой.

В 44-м году мальчиком 13-ти лет из еврейского поселения в Румынии он был депортирован нацистами в Бухенвальд, пережил гибель близких, сам выжил, а после освобождения в 45-м на долгое время оказался лицом без подданства, так сказать, вечным апатридом (и только недавно стал гражданином США). В своей художественной прозе Визель описал жестокие реалии послевоенной Европы: перекройку границ, лагеря для перемещенных лиц, беженство, ставшее привычкой. Утрата оседлости, утрата идентичности, утрата памяти, утрата Бога — вот, примерно, круг его тем.

Впрочем, сам он остался верующим иудеем. А иудейская религия, по его словам, «лишает права выбирать страдание», то есть упиваться своим отчаянием и опускать руки, ибо запрещает вообще любые привилегии. Тут, видно, и следует искать разгадку неутомимой правозащитной деятельности Визеля. «Пожалуй, уже лет 20, как я стараюсь вмешиваться в любой инцидент, если нарушаются права человека». Конечно, он помогал своим единоверцам (в том числе и в бывшем СССР). Однако не им одним. Кажется, «горячие точки» стали его привычным местопребыванием. Проблеме ближневосточного урегулирования, жертвам апартеида в ЮАР, политзаключенным в Аргентине и т. д. Визель отдал годы своей жизни. Недавно, например, был в Сараево под эгидой ООН (см. фото) и в Руанде.

В связи с выходом книги своих мемуаров Визель только что дал обширное интервью французскому еженедельнику «Нувель обсерватор».

В частности, сказал Визель, я писал эту книгу для того мальчика, которым был когда-то и которого больше нет. Мальчика, имевшего все: родителей, сестер, дом, корни, уверенность в будущем. Боявшегося только Бога, а не людей. Теперь мне кажется, этот мальчик спрашивает меня:

«Что же ты сделал со своей жизнью?»

Журналистка Николь Лейбовиц спросила, чем объясняется

премию писателю, который сам считает себя фактически «бывшим».

Так или иначе, не в пример ряду прошлых лет, Нобелевский комитет оказался на высоте и все-таки присудил премию Оэ.

Таким образом, Оэ уходит из литературы триумфатором. Каковы же причины решения уйти? Это, оказывается, давняя история. В 63-м году сын Оэ Хигари родился с опухолью на голове и врачи сказали, что он не выживет. Тем не менее Оэ настоял на операции. Хигари остался жить, но стал эпилептиком с расстроенной речью, а значит и с ограниченной возможностью выразить себя. С тех пор Оэ жил с сыном в одной комнате, занимался с ним, работал у него на глазах и всячески старался помочь его адаптации к жизни. Дело казалось безнадежным, но в конце концов Хигари Оэ нашел себя в музыке. В 91-м году

компакт-диск с записью его произведений попал в список лучших. Вскоре выходит второй диск. Сын писателя становится композитором. А писатель, наверное, просто устал. Он сделал почти невозможное — вырвал своего сына у смерти и безумия. И можно ли рассказать об этом словами?

Есть люди, влияющие на политику исключительно силой нравственной безупречности. Их, разумеется, немного, и это, разумеется, лишь повышает их ценность. Не имеющие политической власти и не стремящиеся к ней, они осуществляют моральную власть.

Таким, например, был у нас Андрей Сахаров. Таков Эли

Японские писатели умеют, что называется, «уйти красиво». Покончил с собой, совершив харакири, «последний самурай» Юкио Мисима. Умер как монах, в затворе и молчании, Кобо Абэ.

Долгое время разделявший с Абэ славу лучшего писателя современной Японии 60-летний Кэндзабуро Оэ, чьим незабываемым «Футболом 1860 года» мы зачитывались лет 25 назад, упаси бог, не собирается расставаться с жизнью — только с писательством. О своем решении навсегда положить перо, закончив роман, находящийся в работе, Оэ объявил задолго до присуждения Нобелевской премии по литературе за 94-й год и, должно быть, заставил членов Нобелевского комитета поломать голову, стоит ли присуждать

ПАНОРАМА

удивительная точность воспоминаний Визеля о далеком прошлом?

— А я с 45-го года все записывал, каждый день, кроме субботы и праздников. А пропущенное в эти дни потом восстанавливал. Вообще, страх забвения, знакомый каждому интеллектуалу, заставил меня взяться за мемуары. Знаете, я много лет изучал так называемую болезнь Альцгеймера — выпадение памяти. Как-то, давно, я встретил жену друга, страдавшую этой болезнью. Она не узнала меня. Я был потрясен. Похоже на то, как из книги каждый день выдирают по странице. Мемуарами я хотел доказать, что не все еще погребено в беспмятстве.

Визель рассказал собеседнице о своей ранней юности в Париже после войны, где в кафе Латинского квартала он слушал

разговоры Сартра, Мерло-Понти и Мартина Бубера; о своей пламенной приверженности хасидизму (направлению в иудаизме, повелевающему славословить мир), что не помешало ему, однако, в свое время задумываться о самоубийстве. Он рассказал, как с образованием государства Израиль в 48-м решил было обосноваться там, а в результате оказался многолетним парижским корреспондентом израильской газеты. Рассказал, как престарелый Франсуа Мориак в 58-м пристроил в печать его первую повесть «Ночь» (о концлагере) и благословил на дальнейшее писательство.

— Мемуары заканчиваются сценой вашего бракосочетания в Иерусалиме в 69-м году...

— Да. Рождение сына как бы надвое поделило мою жизнь. Я больше не чувствовал себя вправе

оставлять юное поколение в мраке безнадежности. Я начал искать просветы. Не для себя — для него, для них. Знаете, всякий раз именно фото страдающего ребенка заставляет меня ввязываться в очередную правозащитную акцию.

— Как вы расцениваете нынешний «мир» на Ближнем Востоке?

— О, тут я большой оптимист! Начавшийся процесс кажется мне необратимым.

Перспективу же «объединенной Европы» Визель считает «красивой мечтой».

— Осуществима ли она? Это вопрос. Скажем, после 45-го в Германии утвердилась демократия. Bravo. А в то же время, сколько там еще нацистов, сколько ненависти, не только к евреям, вообще к чужакам! И с Францией, тоже великой демок-

ратией, далеко не все ясно. Де Голль был Францией, но и Петэн был ею. А недавние разоблачения о Франсуа Миттеране еще больше замутили картину. Собственно говоря, не следует придавать слишком много значения проявлениям малодушия, нужно только помнить о них.

Кстати, Визель знаком с президентом Франции и глубоко взволнован атакой печати на него за давние связи с вишистским правительством.

— Для меня не сочетаются имена Петэна и Миттерана, не верю, что Миттеран — антисемит. Думаю, я хорошо его знаю. Это друг еврейского народа. Я отказываюсь его судить. Надеюсь увидеться с ним на днях... и внимательно выслушать.

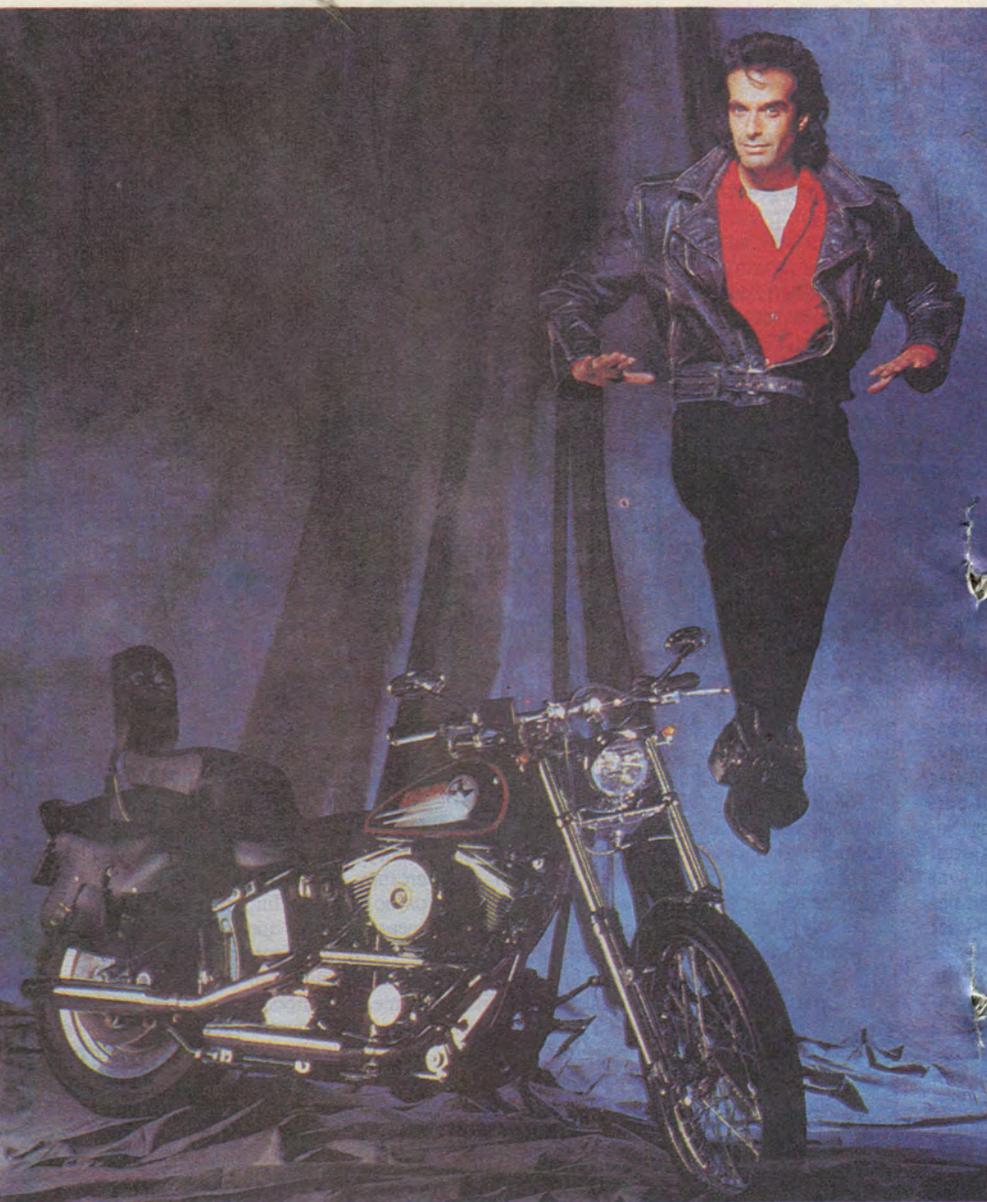
Перед вами — в состоянии левитации — самый знаменитый маг-иллюзионист Америки Дэвид Копперфильд.

А по-настоящему — Дэвид Коткин, 1956 г. р., сын среднеобеспеченных еврейских выходцев из России. Копперфильдом он стал, во-первых, из любви к Диккенсу, а во-вторых, из страха перед нищетой, описанной Диккенсом. Зачурался, так сказать. На всякий случай.

Разные магические штучки Дэвид начал практиковать ребенком с невинной целью поугагать сестер. В 15 лет получил звание профессора магии Нью-Йоркского университета, что, как меланхолически заметил некий французский журналист, мыслимо только в Америке. И все-таки в одном из последних интервью полушутливо признался, что если бы его матушка не служила страховым агентом, он, может быть, так и не рискнул сделать риск своей профессией.

Дэвид Копперфильд — чародей нового стиля, маг-постмодернист. Отнюдь не допотопный фокусник, таскающий кроликов из цилиндра. Сей Мефистофель в куртке на «молнии» (еще цитата из того же журналиста) вообще не работает с животными. Он за экологию и против насилия. Предпочитает левитацию и «развоплощение предметов». Рискуя прослыть плохим патриотом, он, как пишут в газетах, особенно любит осмеивать так называемые Символы Величия Америки: большие самолеты, например, или национальные памятники. Движением пальцев он заставляет «исчезнуть», скажем, «боинг», летящий в небе. Сам неоднократно летал (то есть левитировал) над Большим Каньоном. А недавно, с благословения Билла Клинтона, «развоплотил» святая святых американцев — статую Свободы.

В последнее время Дэвид дает, как правило, до 500 представлений в год и зарабатывает 46 млн долларов, то есть больше, чем Шварценеггер, Майкл Джексон

или Мадонна. Этой осенью он обручился с красавицей топ-моделью Клаудией Шиффер. На вопрос, учит ли он свою невесту левитации, ответил: нет, зачем? она сама возносит меня на седьмое небо.

Как секреты его ослепительных шоу, так и степень связанного с ними риска сохраняются в строжайшей тайне. У Дэвида десятки помощников, но даже ближайшие из них не знают до конца разгадки тех или иных

трюков. Есть также масса технических приспособлений. Целая Фабрика Иллюзий на полном ходу. Правда, кое-кто предпочитает называть компанию «Дэвид Копперфильд Инк.» своего рода Новой Церковью: он-де вышел за грань иллюзии и вступил в область чуда. Но это уж кому как верится.

В сентябре—октябре с огромным успехом прошли гастролы Дэвида Копперфильда в Париже. Впрочем, парижский мэр

Жак Ширак не позволил ему подступиться к Эйфелевой башне, которую он тоже собирался было «развоплощать». Осмотрительные французы предпочли обойтись без экспериментов с непредсказуемым исходом.

Теперь, говорят, он собирается выпрямлять Пизанскую башню.

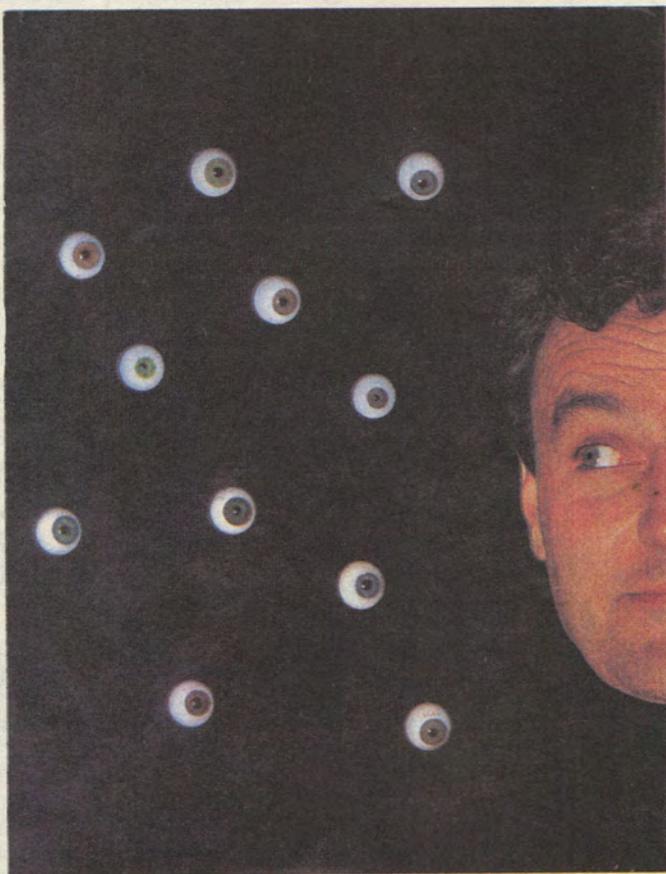
ПАНОРАМА

У деда Джима Шепфера было хобби — набивать чучела. Чучелам тоже нужны глаза; приходилось заказывать их в Германии и везти оттуда в Нью-Йорк. Наконец дедушке надоело — и в начале прошлого века в Бруклине появилась фабрика Шепфера по производству искусственных глаз.

Сегодня этот бизнес, переместившийся в Калифорнию, процветает. Глаза для кукол? Пожалуйста; хотите получить их к Рождеству, закажите в конце лета. Глаза для манков? К вашим услугам, любители утиной охоты. Глаза для монстров из фильмов ужасов? И это тоже.

Единственное, чего здесь не делают, это глазных протезов. Те из акрила, а шепферовские глаза — стеклянные.

Дюжина мастеров, работающих на фабрике, — настоящие художники. Некоторые глаза не отливают, а выдувают, — так что перед нами, по сути, подлинные произведения искусства, рожденные игрой огня и воздуха.

Оранжевое небо. Очень красиво.

Жители Сиднея могут любоваться этой безмятежной картиной с холма Давер, что вблизи гавани.

Да, безмятежной — если забыть о том, что видишь отблеск чудовищных лесных пожаров. К северо-западу от города огнем охвачены миллионы акров. Тысячи людей покидают дома.

Из своих нор, ища спасения, разбегаются скрытные вомбаты. Прыткие кенгуру пытаются добраться до влажных лесов, неподвластных огню. Дотла сгорают в кронах эвкалиптов медлительные коала.

Никто не может понять, в чем причины этого огненного Армагеддона.

Австралийский историк Джеффри Блейни признает: и сегодня пятый континент остается землей неведомой.

Ноябрь — унылый месяц. Унылыми были и ноябрьские газеты 1904 года, несмотря на явные признаки цензурных послаблений. Видимо, одно другому не помеха. Общій мотив публикуемых на этот раз заметок — унылая прошлость. Даже в первой из них

О боязни показаться смешным

говорящей, точнее, намекающей на хорошо организованную как раз в ноябре т. н. банкетную кампанию, где «представители общественности», собравшись якобы по посторонним поводам, раз за разом поднимали бокал за конституцию и только за конституцию, автор, радикальный публицист Гр. Старцев, говоря, с одной стороны, вещи явно подстрекательские, призывающие сильнее «давить» на власть, а с другой — посмеиваясь над робостью и костью российского обывателя (и нельзя сказать, что безосновательно), выглядит тем не менее пошляком, — может быть, в силу чрезмерной уверенности в правоте своих слов и своего дела.

— Как бы не попасть нам в смешное положение! — Слова эти были сказаны на заседании самарского общества охранения общественного здравия, когда был поднят вопрос о необходимости донести до сведения высших властей о «ненормальности условий, в которые поставлена у нас всякая общественная самодеятельность».

Золотые слова! Только русский человек и мог их сказать. Ужасно боится он очутиться в смешном положении.

Он не может работать, ему мешают, ставят всякие препятствия, а когда предлагают заявить об этом ясно и громко, русский человек конфузится:

— Как бы... того... не сделаться смешным!..

Является сомнение в праве говорить о жизни, о нуждах ее, об обидах своих.

— Наше дело маленькое... Чего ради соваться туда, где нас не спрашивают?

Я помню такой случай.

В харьковской думе группа гласных предложила поднять вопрос о свободе печати. Вся дума так и встрепенулась от страха. — Что вы, что вы! Да разве возможно и говорить-то об этом? — И вопрос провалился.

Харьковские гласные в простоте сердечной полагали, что дальше помойных ям компетенция их не может идти.

И молчит русский человек, всю жизнь молчит. «Слово — серебро, молчание — золото». Только подлое время, только рабский Восток мог сочинить эти подлые слова.

Но бывает и так, что не выдержит русский человек, замучает совесть и начинает говорить. Но как говорить! Помните у Гл. Успенского в очерке «Заячья совесть»? Там дается прекрасная формула обывательских речей.

«Всё соблюди, под козырек сделай, и ножкой шаркни, и в бумаге шебарши пером что следует, да свое-то слово вверни, — если ты человек с совестью... Извивайся, коли так, перед высшими, ползай, да изловчайся же сказать и свое!»

И козыряет обыватель, шаркает ножками, свергывая словечки, подсказанные ему его лакейской совестью.

Я видел адрес, поднесенный профессорами одного учебного заведения. Адрес самый невинный. Мысли и пожелания самые скромные. Нынче в любой «передовице» любой газеты смелее пишут. Но профессора умудрились составить адрес в таких эзоповских выражениях, что правды и не видно совсем. Как хочешь — так и понимай: либо севрюжина с хреном, либо — правовой порядок.

Несколько лет назад в городе, в котором я жил, кружок молодежи послал сочувственную телеграмму осужденному Золя. Что тут смешного? Ничего. А ведь какой смех, я помню, поднялся тогда среди пошлых и глупых людей!

И почему это, когда читаешь, положим, что общественное мнение Англии высказалось так-то по данному вопросу, ничего смешного в этом нет. Как будто и быть так должно. Но стоит, скажем, Самаре, Харькову или Пошехонью завести речь о свободе печати — и смешно становится?

Всю-то жизнь свою проживаешь в сторонке пошехонец, как пещарь Щедрина. Ну и смешно, конечно, когда выползает из муры своей на свет Божий и пропищит:

— Я полагаю...

— Цыц! Пошел! Куда лезешь!

И спрячется пошехонец. А там могучим потоком бежит жизнь... Смутно доносится шум ее. Жадно прислушивается к нему пещарь-пошехонец и тяжело вздыхает:

— Politique jamais!*

«Вот в этаким-то виде, — как выражается один из героев Гл. Успенского, — и всунулись мы рылом в леформы». Смешно, ко-

* О политике — никогда! (франц.)

нечно, и опасения самарца не лишены, пожалуй, оснований. Бойтся он: к лицу ли ему все эти «леформы»?

Не так-то скоро и легко, оказывается, из обывателя можно состряпать «ситуаена».

Гр. Старцев
(«Новости», 11 ноября 1904 года)

Многие театры в ноябре поставили пьесу драматурга на все руки Григория Ге по «Воскресению» Толстого. И хотя само это предпринятие имело, конечно, конъюнктурный характер, все-таки, наверно, трудно было не передернуться, услышав глумливо-ерничавший тон остроумца из «Петербургской газеты».

Драма об украденных калошах

Переделка «Воскресения» заполнила наши частные театры, послужит скоро сезонным гвоздем для казенной сцены и затем распространится на провинцию.

Нельзя не порадоваться этому явлению, ибо в основе произведения великого писателя лежит глубоко нравственная идея. Пьеса несомненно будет иметь влияние на подъем нашей общественной нравственности и перевоспитание молодого поколения в более нравственных началах.

— Это каким образом? — слышу возражения скептиков. — Девица в арестантском халате, сидевшая на скамье подсудимых (допустим, невинно) за убийство куша и пьянствующая в острогах с арестантами, может служить воплощением нравственного идеала?

Но если и допустить даже, что чистую женскую душу нет нужды купать в омуре порока (т. е. на сцене, в реально-художественном изображении), то все же пьеса Толстого полна исправительного значения для другой половины человеческого рода: для мужчин! Вот почему на представлениях этой пьесы мужчин бывает абсолютно больше, чем дам.

Соблазнитель, глядя на потрясающую драму, невольно призадумается. Соблазн получает характер тяжкого преступления.

— Позвольте, но где же мои калоши? — слышу я энергическое требование, предъявляемое какою-то дамою к капельдинеру. — Калоши мои подменили. Прощлый раз стасили шерстяной платок, а теперь, оказывается, и калоши. Это, наконец, ни на что не похоже!

Оказывается, что соблазн, только что побежденный одною нравственною идеею,

вступил уже в борьбу с другою. Честь женскую похищать воочию становится уже подло, но калоши — это еще вопрос.

А потому необходимо было бы и эту идею борьбы соблазна против чужой собственности вообще и резиновых калош в частности облечь в живые образы с великолепными декорациями полицейского участка, камеры мирового судьи и арестного дома.

Так, например.

Без калош, в одних тонких сапожках, жертва коварного похитителя направилась домой.

— Извозчик, в Свечной переулок, 40 копеек.

— Помилуйте, сударыня, целый час ждем. Восемь гривен положите!

— Тогда давай по таксе.

Но извозчик хлестнул крутом лошаденку и отъехал, а бедная «жертва» попала в сугроб первого снега и промочила ноги.

Тиф. Больница. Подлые вождления фельдшера, который насмотрелся в анатомическом театре красивых женских тел и поддался эротической чувственности.

Угрызения совести похитителя, который приходит в тифозное отделение больницы и предлагает своей жертве уже не резиновые калоши на байке, а бархатные сапоги на меху.

— Не надо, — говорит она, — а лучше подите внушите всем своим знакомым, чтобы они прекратили гнусный промысел подменения и даже похищения чужих калош.

И еще одно нравственное начало восторгается, но у соблазна так много завистливых глаз, что никакого репертуара нравоучительных пьес не хватит, чтобы все их выколоть.

Одиссей

(«Петербургская газета»,
1 ноября 1904 года)

Читая следующую заметку, имейте в виду, что описанное происходило не где-нибудь в драматическом кружке, а в московском Литературно-художественном кружке на Дмитровке, где собирались, так сказать, «сливки общества».

Побеседовали

В последний вторник в Литературно-художественном кружке беседовали об А. П. Чехове.

«Вступление в беседу» началось с того, что референт, г. Балталон, предложил нам утереть слезы о Чехове: довольно, дескать, мы о нем плакали, довольно его славословили, договорились даже до того, что превознесли его превыше всех писателей. Пора и опамятоваться, пора посмотреть на то, что же, в самом деле, такое этот Чехов?

Он, видите ли, рисовал все пошлых, беспринципных, неразвитых людей, да полоумных. Возьмите Раневскую: что она делает? Глотает пилюли, пьет кофе, ездит по загра-

ницам, галлоцинирует, не понимает того, что ей говорят, сходится с любовником, присваивает себе присланные пятнадцать тысяч, имеет молодого лакея и забывает в заколоченном доме старика Фирса. Предосудительная личность.

Или Лопахин: в первом действии говорит одно, во втором — другое, в третьем — третье, и ничего ни с чем не вяжется. Притворно разыгрывает роль жениха и покупает имение.

А то еще Трофимов: приехал неизвестно зачем; четыре месяца ничего не делает, ни до кого и ни до чего ему нет никакого дела, и говорит глупые слова то о планетах, то о человеке, то о том, что будет через триста лет.

Или, не угодно ли, — Астров и дядя Ваня: все время пьяны и все к чужой жене пристают.

Об Иванове и говорить нечего: и жену уморил, и ничего-то не делал, и уставать было не от чего.

Одним словом, Чехов рисовал исключительно ничтожных людишек.

Но ведь и ничтожных людишек можно рисовать превосходно.

И рисовал он прескверно. Нагромождал совершенно непонятные слова, притягивал за волосы всевозможные символические эффекты. Тут оказалось, что референт считает символизмом всякие звуки: играют на гармонике, раздался звук оборвавшейся на шахте бадьи — по его мнению, все это символизм.

Автору, по словам референта, только того и хотелось, чтобы заставить публику видеть в этих совершенно бессмысленных вещах какую-то несуществующую глубину. Произвести настроение — и действительно получается настроение — недоумения, непонимания, тоски и скуки.

Здесь г. Балталон не нашел для Чехова другого сравнения, как с господином, который поднял над головой сломанную спичку и таинственным голосом произнес: — Знаете ли вы, господа, что значит эта спичка? — Настроение (?) получилось, а господин и сам не знает, что означает эта спичка.

Таким образом, Чехов сознательно одурачивал своих читателей.

— Какую же художественную или культурную ценность могут иметь подобного рода художественные упражнения? — Именно этими словами спрашивал референт.

Было тяжело, стыдно и оскорбительно. Казалось, что словно подошел в нашем присутствии к Иванову прямолинейно-близорукий доктор Львов и, не видя, не понимая, не чувствуя души его, продолжает наносить ему в своей деревянной честности оскорбление за оскорблением.

Нет — хуже, потому что Чехов для нас ближе Иванова, лучше его, благороднее, и потому, что мы так недавно еще хоронили этого Чехова, хороня вместе с ним свои лучшие надежды, хороня в нем своего лучшего друга.

Сергей Яблоновский

(«Русское слово», 26 ноября 1904 года)

Наконец, заметка Тэффи

Маленькая подлость

в пояснениях не нуждается.

На Невском громко и радостно выкрикивали разносчики каких-то листов: «Конец войны! Конец войны с Японией!» Листки раскупались нарасхват. Я видела маленькую, закутанную в платок старушонку. Она долго прислушивалась к выкрикам, потом подошла и робко, словно не смея верить, переспросила разносчика: «Так, значит, конец? Правда, конец?» — Конец, конец, бабушка. Давай три копейки.

Старушонка повернулась лицом к востоку и долго крестилась дрожащей сморщенной рукой. Потом вытянула из-за пояса ситцевый платок и старательно развязала, помогая себе зубами, туго затянутый узелок. В узле было две медных монеты. Она вынула одну из них, внимательно осмотрела и отдала разносчику. Врученный ей листок она взяла обеими руками и, держа перед собой, благоговейно понесла его.

— Конец войны! Конец войны! — продолжал разносчик. И к нему подходили новые покупатели и робко и радостно отдавали свои медяки.

Дома меня встретила улыбающаяся горничная и поздравила с окончанием войны.

— Эй-Богу, правда, — уверяла она. — Кухарка сейчас газету купила. Сидит, и от радости плачет. У нее ведь двух сыновей на войну забрали.

Я вошла в кухню. Кухарка, и смеясь, и плача, подала мне листок, на котором с нелепыми выкрутасами, огромными буквами было напечатано: «Конец войны». Под этим заглавием следовало длиннейшее безграмотное стихотворение! Без рифмы, без размера, без смысла.

Я прочла эту мерзость, взглянула на праздничное лицо прислуги, вспомнила старушку с узелком. И мне стало стыдно за этого гнусного торговца-сочинителя, спекулирующего нашим общим горем и выманивающего обманом последние медяки у страдающих и обиженных.

Многие плакали сегодня ночью, потому что после вспыхнувшей надежды сильнее и острее чувствуется горе. И помочь им нечем.

Тэффи

(«Биржевые ведомости»,
6 ноября 1904 года)

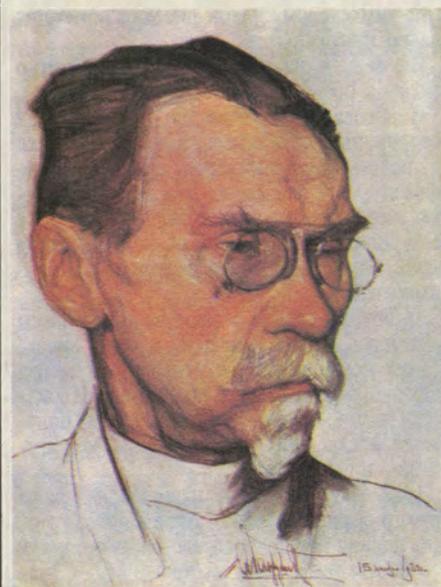
Музей как дом

Напротив Павелецкого вокзала, в самом начале улицы Бахрушина, бывшей Лужецкой, обращает на себя внимание особняк в псевдоготическом стиле, модном в эпоху модерна. Строил его для своей семьи Алексей Александрович Бахрушин, один из владельцев кожевенного завода «Товарищества Алексея Бахрушина и сыновья». Официально его именовали так: «Потомственный почетный гражданин, мануфактур-советник, московский представитель Императорского русского театрального общества, член комитета по сооружению музея 1812 года, городской гласный (с 1901 года)». Его знали как организатора благотворительных вербных базаров, как администратора и антрепренера летнего театра в Сокольниках, создателя городского народного театра, но прежде всего как владельца известного не только в Москве, но и за рубежом театрального музея. Сначала это была коллекция театральных редкостей. Ей отвели три полуподвальные комнаты дома, но уже через несколько лет коллекция размещается в жилых комнатах дома, в коридоре, буфетной, в детских комнатах. В 1894 году Алексей Александрович принимает решение открыть свой дом и свою коллекцию для всех желающих. В субботу и воскресенье устраиваются обеды и завтраки, на которые заранее рассылаются приглашения, после обеда или до него устраивались просмотры всей коллекции. В 1913 году музей был передан городу Москве. Возможно именно это спасло его во время революции, но и, конечно, хлопоты и связи Алексея Александровича. В 1919 году музей перешел в ведение Наркомпроса, а Бахрушин был назначен его почетным директором (с жалованием 43 рубля). Правда, в 1937 году особняк приглянулся кому-то и последовало решение перевести коллекцию в подвальные помещения Политехнического института. Самого Алексея Александровича уже не было в живых, он умер в 1929 году, но была жива его жена, Вера Васильевна, к которой перешло звание почетного попечителя музея. Благодаря ее самоотверженности музей удалось отстоять.

Коллекции музея приумножались, издавались альбомы, устраивались лекции, регулярно проходили школьные экскурсии. Но тот холодок официоза, который был характерен для всех советских музеев (за очень редким исключением), присутствовал и здесь. Уникальность этого музея в том, что этот дом-музей, музей, создававшийся семьей. И очень важно было бы сохранить атмосферу этого дома. Между тем еще при жизни Веры Васильевны сдирались и сбивались потолки, рушились каминные, перестраивались комнаты. В издававшихся альбомах очень скупно сообщалось о личности его создателя, она как бы выносилась за скобки — главное его коллекция, которая стала достоянием государства. Почти сорок лет пролежала в руко-

писи книга воспоминаний Юрия Алексеевича Бахрушина, сына Алексея Александровича. Она была бесценным материалом для сотрудников музея, при всем том они были уверены, что книга эта едва ли увидит свет. Разумеется, в ней не было никакого криминала, добрейший Юрий Александрович не способен был ни на критику, ни на иронию. Просто он писал, отрешившись от реальности, не думая об издателе. В тихом углу коммунальной квартиры, в голодные послевоенные годы, он вспоминал свое детство, свою родню, уклад жизни в доме дедов — с отцовской и материнской стороны, дом отца; писал достаточно подробно, что для нас так важно, без ностальгических всхлипываний и возвышенных пассажей.

Патриархальный купеческий уклад пре-

Н. А. Андреев.
Портрет А. А. Бахрушина. (1923 год)

красно уживался с нововведениями на фабрике, с европейской образованностью детей. И в стильном доме на Лужецкой патриархальность время от времени давала о себе знать, во всяком случае, «правила», усвоенные Алексеем Александровичем с детства, были в нем достаточно крепки. Вот, например, такая странность: стремясь заполнить на свои обеды всех знаменитостей, Алексей Александрович никогда не приглашал Шалыпина. Те, кто был в музее, никогда не забудут «шалыпинскую» комнату, где хранятся театральные костюмы артиста, портреты Шалыпина кисти многих замечательных художников, его собственные рисунки и шаржи. Несомненно, Бахрушин преклонялся перед Шалыпиным и все про него понимал, но... в дом все-таки не приглашал, объяснял, что присутствие Шалыпина в доме слишком большое испытание для его не-

рвов — он будет все время бояться, как бы Шалыпин не учинил скандала. Никогда не бывал в доме Бахрушина и Горький. «Ну его! Он какой-то мрачный, неразговорчивый, глядит на все исподлобья!» — так говорил Алексей Александрович сыну. Только впоследствии Юрий Алексеевич понял, что дело было в другом. Бахрушины были дружны с Желябужскими, и они не смогли примириться с тем фактом, что Мария Федоровна Желябужская, мать семейства, бросила мужа и вышла замуж за Горького.

Собирание музея было основным делом и страстью Алексея Александровича. Между тем он со всеми братьями, будучи совладельцем большого кожевенного предприятия, участвует в большой благотворительной деятельности: на Софийской набережной строится дом бесплатных квартир для вдов и учащихся девушек, для детей вдов устроены школы — начальная и две ремесленные, детский сад; тут же бесплатная столовая для девушек-курсисток; в Сокольнической роще устраивается приют для детей-сирот, при приюте школа и мастерские для обучения ремеслам; полмиллиона рублей было пожертвовано для беспризорных детей в Тихвинском имении. Это было в традиции семьи — во всех коммерческих предприятиях главным было не личное обогащение, а польза для людей, помощь бедным. Причем в личной жизни, в домашних расходах братья любили, чтобы был счет каждой копейке.

Это были какие-то фантастические люди... Поражает в Алексее Александровиче его вкус и колоссальное чутье собирателя. По личным симпатиям, по всей видимости, он был приверженцем театра традиционного. Недаром завсегдатаями его дома были артисты и режиссеры Большого театра, Малого, театра Корша (здание для театра Корша в Богоявленском переулке было построено дедом — Александром Алексеевичем Бахрушиным). Между тем в коллекции Бахрушина достаточно полно представлены художники круга «Мир искусства»: Бенуа, Сомов, Добужинский, Головин, Серов, — определившие направление театрально-декоративного искусства в XX веке. Представлены лучшими своими вещами. Уникален публикуемый нами эскиз декораций Головина к спектаклю «Маскарад» по Лермонтову в постановке В. Э. Мейерхольда в Александринском театре. Премьера этого спектакля состоялась в исторические дни февральской революции 1917 года. Тема рока, неизбежности трагедии и пышности, сумрачный блеск декораций и костюмов...

Алексей Александрович стремился к полноте своего собрания, думая о будущих историках театра и любителях с самым широким кругом интересов. Невозможно себе представить, но только живописный фонд музея насчитывает 70 тысяч экспонатов...

Л. Осипова

А. Я. Головин.
Бал у баронессы Штраль.
Эскиз для 8-й картины драмы Лермонтова "Маскарад".
(1917 год)

*вернисаж
в компании
с давидом
— на 18-й странице*